
АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
ФОРМА ЖИЗНИ

Annotation

Загадочная новая форма жизни — что она несет человечеству? Гибель или бессмертие?

Странная серебристая плесень, атаковавшая механизмы и поселенцев колонии на Марсе, поставила под угрозу планы экспансии могущественной корпорации. Ее шеф, Майлер фон Браун, решил разобраться с этой напастью по-своему…

Андрей Ливадный Форма жизни

Освоение космоса не временное увлечение человечества, а неизбежный этап его эволюции…

Феликс Юрьевич Зигель

Пролог

Стартовые площадки временного космопорта и товарно-сортировочный комплекс были расположены вдали от поселений, в зоне, которой еще не коснулось планетное преобразование.

На фоне унылого, мертвого, коричневато-рыжего пейзажа каменистой пустоши, протянувшейся от горизонта до горизонта, тщательно выровненные и распланированные квадраты посадочных мест казались чужеродными вкраплениями.

Так оно, по сути, и было.

Люди пришли сюда недавно, но обосновывались прочно, на века.

Сегодня кораблей было мало — у разгрузочного терминала стоял всего один спускаемый модуль, издали похожий на короткокрылый самолет, только в десятки раз больший по размерам, с четко обозначенным грузовым брюшком…

Он еще не остыл после посадки, дюзы планетарной тяги в его корме малиново светились, обшивка потрескивала, и даже в десятке метров от машины ощущался нестерпимый жар: раскаленный воздух струился зыбким маревом, омывая потемневший, давно утративший заводской глянец металлокерамический сплав брони.

Два тягача закончили буксировку и отползли в сторону.

В борту челночного корабля открылся шлюз, и оттуда по выдвинувшемуся трапу быстро сбежал, закрываясь рукой от жара, немолодой пилот. В его коротко стриженных волосах виднелась проседь, одежду составляли лишь шорты и рубашка с коротким рукавом, а на загорелом лице блестели мелкие бисеринки пота.

— Жарко… — произнес он, входя в помещение диспетчерской. Очевидно, он уже не раз бывал тут, потому что сразу нашел глазами начальника смены и приветственно поднял руку.

— Хелло, Володя!

Старший диспетчер поднял голову и посмотрел на вошедшего.

— А, это ты, Джон. Привет. — Он протянул руку. — С чем пожаловал на сей раз? Опять пищевые концентраты?

— Не угадал. — Пилот челнока отер капельки пота со лба. — Система кондиционирования барахлит, — пожаловался он, устраиваясь в кресле. — Десять потов сошло, пока сел. Жара в рубке невозможная.

— Так что привез?

— Сегодня — руду. Чистейший лунный реголит, прямо с поверхности. Почти сплошной металл, — удовлетворенно хохотнул он. — Давай, давай, оформляй прием, до озверения хочется под душ и пива… — Он мечтательно возвел взгляд к потолку.

Старший смены защелкал клавиатурой компьютерного терминала.

— Странно. Своей руды, что ли, нам не хватает? — пробормотал он, пролистывая электронную спецификацию.

— Ладно тебе, — услышав его реплику, ответил пилот. — Бизнес, Володя. Сегодня твоя корпорация платит за руду — я везу руду. Завтра начнет платить за лед — пожалуйста. Спрос рождает предложение — проходил в школе?

— Проходил. — Диспетчер наконец нашел нужный раздел. — Давай твою карту.

Вставив протянутый ему пластиковый прямоугольник в прорезь терминала, он прочитал данные о составе и ценности груза, убедившись, что Джон ничего не преувеличил, — корпорация «Дитрих фон Браун», которой принадлежал данный космопорт, действительно платила за богатую содержанием редкоземельных элементов руду солидные деньги, которые оправдывали ее доставку с лунной поверхности.

— Все в порядке, Джон. — Он набрал код и добавил: — Твой терминал номер десять. Разгружайся.

— Отлично. — Пилот был явно доволен жизнью. — Вечером заходи в гостиницу, с меня причитается.

* * *

Разгрузка давно закончилась.

Контейнеры с борта челночного корабля переместили в склады космопорта. Выборочное сканирование показало, что руда, о которой упоминал Джон, действительно очень богата — в одной из емкостей концентрация металлов достигала такой степени, будто там была заключена не лунная порода, а металлический лом.

Спустя две недели эти контейнеры перекочевали за четыреста километров от космопорта на один из перерабатывающих заводов корпорации «Дитрих фон Браун».

Туда ежедневно поступало огромное количество сырья, и горы подготовленного рудоносного щебня высились прямо во дворе перерабатывающего комплекса, под открытым небом.

Содержимое прибывших с луны контейнеров вывалили туда же. Когда их высыпали, порода, внешне напоминающая острый гравий, тускло

блеснула.

Ее основу составляли плотно слепленные вместе микроскопические гранулы, но на это никто не обратил внимания — разгрузку осуществляли механизмы, а им не было никакого дела до строения прибывших с луны камней.

Острые осколки породы, согреваемые скупыми лучами далекого солнца, лежали на пологом скате огромной кучи. Часть из них сползла вниз и не попала в переработку сразу же, оставшись в отвале на неопределенный срок.

Шли дни, и количество гранул в этих фрагментах вдруг стало уменьшаться. Куда исчезали микроскопические серебристые корпускулы, оставалось только гадать, да никто и не обращал внимания на несколько килограммов лунного грунта, случайно рассыпанного по двору огромного промышленного комплекса.

Прошло три месяца, и на этом заводе внезапно прогремел необъяснимый, загадочный взрыв, повлекший за собой целую цепь странных трагических событий.

Часть 1 ПРОПАСТЬ

Глава 1

Земля, 2395 год…

Все началось в тот день, когда закончилась ее жизнь.

Смерть была не физической, а моральной, но сам процесс от этого стал лишь еще более жутким, не потеряв ни капли своей мучительной сути.

Длинный белый стерильно пахнущий коридор, по обе стороны которого тянулись вереницы плотно закрытых дверей, казался ей бесконечным.

Мари шла по блестящему, дочиста вымытому кафелю пола, и ее не покидала испуганная мысль, что звук шагов, такой гулкий и неприятный, может потревожить кого-нибудь за этими дверями.

Она еще не понимала сути происходящего, ее испуганное, сжавшееся в трепещущий комочек сознание инстинктивно отталкивало реальность, словно это могло хоть как-то помочь…

Человек, который шел впереди, остановился. Он был на голову выше Мари, шире ее в плечах и старше, но все особенности его лица и фигуры скрадывал мешковатый белый костюм с прозрачной маской, сквозь которую были видны лишь его серые глаза и нос.

— Ты готова? — участливо спросили его невидимые губы, скрытые раструбом дезинфекционно-дыхательного аппарата, и в этот миг Мари впервые ощутила, как потаенные интонации голоса чужого человека вдруг раскрываются ее разуму, словно перед ней развернули огромный белый лист, на который черным криком печатных букв были нанесены его настоящие мысли: *Мне все равно… Я каждый день вижу это и больше не могу сопереживать. Только не ори и не падай в обморок, ладно?* — вот о чем думал он, произнося участливые слова…

Разум Мари на миг помутился.

Она не хотела туда. Она не могла сделать последний шаг, отделяющий ее от страшной окончательности, но попятиться, кинуться прочь также не нашлось сил. Она стояла, считая гулкую вечность секунд, а подбородок уже мелко, предательски дрожал…

…Она все же нашла в себе силы задавить эту дрожь, кивнуть, и тогда он толкнул дверь.

Их прихода явно не ждали.

Помещение, куда они попали, было длинным и узким. Всю стену напротив входа занимали холодильные шкафы, расположенные, как ячейки

в хранилище банка, одна над другой, рядами по десять дверец, и каждая с табличкой, на которой мелкими букашками застыли нечитаемые от входа буквы.

Две дверки в противоположных концах ячеистой стены были открыты, а их содержимое, в виде длинных носилок, на которых лежали синеватые обнаженные тела — мужское и женское, — выдвинуто наружу.

Она не закричала и не упала в обморок, лишь машинально вцепилась в руку сопровождающего с такой силой, что у него что-то хрустнуло в запястье.

Стол с обнаженным мужским телом оказался всего в метре от нее.

Мари смотрела на труп выцветшими глазами, принявшими в этот миг водянистый оттенок страха и инстинктивного неприятия смерти. От трупа веяло холодом, его грудь была распорота наискось и вновь сшита грубыми стежками, без следа крови в тех местах, где игла патологоанатома пронзала мертвую плоть.

Кроме разреза и шва, что стягивал его края, на животе и груди молодого парня виднелись синевато-черные отметины, расположенные в ряд…

Автоматная очередь, угадал разум Мари, и эта мысль, такая же ледяная, как лежащий рядом труп, внезапно обожгла сознание, открыв наконец лазейку для настоящего ужаса.

— Уберите! — глухо прозвучал голос сопровождающего. Он резким, раздраженным жестом затолкнул носилки внутрь ячейки и закрыл дверку, по краям которой были заметны полоски инея. Двое медиков, тоже в защитных костюмах, поспешно задвинули труп женщины в стену-холодильник.

— Оставьте нас.

Мари казалось, что сейчас она отдаст все, лишь бы получить возможность выскользнуть прочь, вслед за двумя безликими фигурами в белом, но…

— Сюда, пожалуйста…

Кто бы знал, чего ей стоил один-единственный шаг… Ноги одеревенели, словно их свело судорогой…

Щелчок. Тихий шелест направляющих роликов, лязг сработавших фиксаторов.

Она смотрела в сторону, в стену.

— Мисс Лаймер, вы должны опознать тело. — Чужая рука облаченная в мягкую ткань защитного костюма, коснулась ее запястья. — Мне очень жаль, но это обязательная процедура…

Только бы не задохнуться…

Вставший в горле комок не давал ей сделать вдох, но, как выяснилось спустя несколько секунд, можно справиться и с этим, а предчувствие не всегда бывает острее самого события…

Вдох… Выдох… Поворот головы… Мелкая дрожь в губах, деревянное напряжение мышц, ощущение натянутости собственной кожи… Посеревшее лицо, отразившееся в хроме хирургического инструмента, разложенного на столике с колесиками…

Эти выдвижные носилки были покрыты голубой тканью, которая смягчала контур заключенного под ней тела, делала его неузнаваемым.

Ей захотелось крикнуть «Нет!», но мужчина уже взялся за уголок синтетического савана и начал медленно отворачивать ткань от головы трупа к ногам.

В этот миг сердце Мари остановилось.

Он был весь обожжен. Оцепеневший взгляд девушки скользил по изуродованной плоти, выхватывая леденящие душу подробности мучительной смерти: кожа на лице почернела и полопалась, губы сгорели, обнажив зловещий оскал желтоватых зубов, а на подбородке, ближе к кадыку, чудом сохранился участок нетронутой кожи, и на ней росла щетина…

Ноги Мари подкосились, и она начала медленно оседать на пол.

Отец?!.. — взорвалась в голове тоскливая мысль.

Что-то задержало падение, чужие руки обхватили ее за талию и плечи, но это движение не было участливым — ее больно встряхнули, приводя в чувство, и резь в пояснице проникла в сознание вместе с резким запахом нашатыря…

— Я… сама…

Голос был незнакомым, шелестящим, сиплым, словно это не она произнесла короткую фразу, а осенний ветер протащил по асфальту несколько скорчившихся, пожухлых листьев…

Чтобы не закричать, она сжала зубы с такой силой, что челюсти начали неметь. Машинально вцепившись в край носилок, она стояла, глядя на труп, не в силах теперь оторвать взгляд от его изменившихся черт, от кукольной напряженности обгоревшего лица и клочка этой нелепой щетины на подбородке… Взгляд Мари скользнул ниже, и она увидела на шее трупа тонкую, почерневшую, обезображенную небрежно наложенными стежками линию.

Несколько секунд потребовалось ей, чтобы понять: голову этого человека пришили к туловищу.

Дикость происходящего не укладывалась в сознании. Она отказывалась ассоциировать обгорелый труп с самым родным человеком на земле… Этого просто не могло происходить с ней!

— Мисс Лаймер, вы должны официально опознать погибшего, — ворвался в ее мысли глухой голос. — Вы подтверждаете, что перед вами Френк Моррис Лаймер? Вот ознакомьтесь, это сравнительный анализ ваших ДНК. — Он протянул ей лист распечатки с заключением экспертов.

Мари продолжала смотреть на неровно наложенный шов.

Сопровождающий подождал несколько секунд, потом опять взял ее за руку и повторил свой вопрос.

Она кивнула, действуя словно в полусне, едва ли понимая, чего от нее хотят на самом деле.

— Как это случилось? — наконец выдохнули ее ледяные, дрожащие губы.

— Я не знаю, — служащий морга развел руками. — Вы же понимаете, в связи с последними событиями в колонии сюда попадает масса тел, но далеко не все могут быть вывезены на Землю. Большинство родственников хотели бы, но не имеют возможности получить останки своих близких, а вы…

— Я хочу знать, что случилось с отцом. — Она продолжала смотреть обезумевшим взглядом на шов, а ее дрожащие пальцы вдруг соскользнули с хромированного поручня выдвижных носилок и коснулись мертвой кожи его руки.

Ощущение было острым, словно удар электрического тока.

Боже…

Под пальцами ощущалось нечто ледяное, обладающее твердостью дерева и одновременно какой-то упругостью…

Мари отдернула руку, резко повернулась к человеку в белом, и тот невольно сделал шаг назад. Должно быть, выражение ее лица и устремленный на него взгляд испугали видавшего виды сотрудника морга…

— Ну?.. — Ее голос снова предательски дрогнул, и эта интонация дрожащей беспомощности немного разрядила обстановку.

— Я не могу дать вам разумных, исчерпывающих объяснений, — торопливо заговорил он, желая поскорее закончить формальности. — Вам следует подписать акт опознания, а все остальные бумаги, в том числе и официальные объяснения, вы получите в офисе компании вместе с личными вещами вашего отца и деньгами, причитающимися ему по контракту…

Он все что-то говорил, говорил, но Мари уже не слышала его.

Это случилось. Она увидела отца и позволила внушить себе, что он мертв, хотя глаза не узнавали этих изуродованных черт… Лист компьютерной распечатки с данными сравнительного анализа ДНК дрожал в ее руках, но Мари даже не заглянула в предложенный текст заключения экспертов. Грубая реальность подломила ее разум, разрушив все зыбкие перегородки надежд, которые она строила и лелеяла в душе с самого утра, после того, как ей позвонили и с вежливым участием сообщили о трагедии и предстоящей процедуре опознания.

Ей было жутко думать о том, что отец был уже мертв целых полтора месяца, которые требовались космическому кораблю на перелет от Марса до Земли. А она ждала его…

Мир вокруг нее внезапно схлопнулся, словно Мари окутал черный кокон безвременья.

Она выполняла какие-то действия, действительно подписала предложенную бумагу, силясь, но не сумев прочитать ее, потом ей опять стало плохо, и из-за этого разум пропустил момент прощания с отцом. Когда ее взгляду вернулась резкость восприятия, носилки уже были задвинуты на место и ячейка закрыта, а просить, чтобы их выдвинули повторно, у Мари не хватило духа.

Ее тело продолжало жить, а разум, казалось, оледенел, перестал адекватно реагировать на реальность.

Губы шевелились, с них слетали односложные слова, функционировали руки и ноги, билось сердце, но это уже нельзя было назвать жизнью…

В коридоре морга ее ждал незнакомый мужчина, одетый в темный деловой костюм.

Он взял ее под руку, словно давний знакомый.

— Нас ждет машина, — лаконично сообщил он, поймав вопросительный взгляд ее покрасневших глаз.

Мари была раздавлена, дезориентирована, она потеряла всякое ощущение пространства и времени… По сути, в эту минуту ей было все равно, куда и с кем идти. Ледяной холод, комом застывший в груди, продолжал расти.

Погрузившись в свое безысходное состояние, она почти не реагировала на окружающие события. Салон автомобиля, мелькание уличных огней за тонированным окном — все это скользило по периферии сознания, не проникая в разум, и очередной раз она очнулась лишь в момент, когда ее вежливо пригласили выйти.

Выбравшись из уютного сумрака пропахшего искусственной кожей автомобильного салона, Мари подняла взгляд и поняла, что стоит на площади перед претенциозным зданием ультрасовременного небоскреба, по фасаду которого в сгущающихся сумерках то и дело пробегала ослепительная надпись: Корпорация «Дитрих фон Браун». Межпланетные перевозки, колониальные проекты, разработка внеземельных рудных месторождений.

— Нам сюда, — ее провожатый ненавязчиво взял Мари под руку и повел к входу в здание.

* * *

Помещение, куда привели Мари, напоминало стандартный офис, только очень больших размеров. Посередине стоял Т-образный стол, вдоль него выстроились вращающиеся кресла со встроенными в подлокотники мини-компьютерами. Два более внушительных терминала занимали все пространство от пола до потолка, располагаясь с таким учетом, чтобы с председательского места можно было свободно дотянуться рукой до их рабочих панелей.

Сейчас тут находились четверо.

Один из них нервно мерил шагами толстое, поглощающее звук покрытие пола, второй курил, стоя у приоткрытого окна, третий просматривал электронные документы, поступающие на монитор компьютерного терминала, а четвертый просто сидел, сцепив руки в замок, и с мрачным видом глядел перед собой, погрузившись в тяжелые раздумья.

Мари мгновенно узнала его. Это был Майлер фон Браун — нынешний глава корпорации.

Дверь тихо клацнула, затворяясь за провожатым, и все присутствующие невольно повернули головы на звук.

Фон Браун встал. Они когда-то встречались, мельком, на одном из приемов, куда брал ее отец.

— Мария… — его голос прозвучал глухо в ватной тиши кабинета, — я попросил привезти тебя сюда, чтобы лично выразить свои соболезнования. Твой отец значил для нас очень много, и мы…

Терминал, расположенный справа от кресла главы корпорации, вдруг издал серию тонких тревожных сигналов. Дейвид Мошер, вице-президент корпорации, которого Мари также знала в лицо, молча покосился на экран. Протянув руку, он отключил зуммер, но плавное течение скорбной речи Майлера уже было безнадежно скомкано.

Мари вдруг ощутила смертную тоску. Все происходящее казалось

фарсом на фоне обрушившейся на нее утраты. Они не могут так говорить об отце, не могут соболезновать ей, потому что сами не испытывают и сотой доли той потрясенной скорби, которая ледяным комом застыла в ее груди.

— Как это произошло?.. — Она нашла в себе силы задать этот вопрос, хотя каждое слово давалось с трудом, а пересохшее горло казалось шершавым, как кусок наждачной бумаги.

— Это был несчастный случай, — ответил Майлер, взяв со стола тонкую прозрачную папку.

— У него отрезана голова… — тихо произнесла Мари.

Фон Браун вздрогнул, но это была лишь мгновенная, тут же подавленная усилием воли слабость.

— Там, на заводе, произошел взрыв, — негромко проговорил он. — Кроме твоего отца, пострадали еще несколько десятков человек, и некоторых из них действительно пришлось собирать по кускам… — Он осекся, заметив, что силы вот-вот покинут измученную Мари, и не стал продолжать — просто протянул ей папку.

Она взяла ее похолодевшими, дрожащими пальцами.

— Там официальный отчет, все необходимые тебе документы и кредитная карта… — Он скорбно вздохнул. — Твой отец проработал в корпорации двадцать лет, и мы не хотим, чтобы ты нуждалась хоть в чем-то.

Мари не нашла сил ни на возражения, ни на благодарность.

Наступила неловкая пауза. Тишина казалась тягостной, осязаемой.

— Если тебе что-то понадобится, обратись к моему секретарю, вот визитная карточка. Мы все сделаем, уверяю тебя.

Мари машинально кивнула. Ей не хотелось находиться тут. Она не понимала, почему принесенные этим человеком соболезнования так сильно ранят ее и, вообще, отчего проявленное к ней участие причиняет боль?.. Трудно было дышать… Ей хотелось выйти отсюда на воздух поскорее, поэтому она взглянула на фон Брауна, с трудом заставила себя кивнуть и пошла к двери.

— Почему вы не сказали мне сразу?.. — уже находясь на пороге, задала она свой последний вопрос.

Очевидно, Майлер фон Браун ждал чего-то подобного и потому ответил, не задумываясь, заранее заготовленной фразой:

— Мы не хотели обрекать тебя на муку полуторамесячного ожидания, пока корабль с телами погибших возвращался на Землю.

Формулировка была гладкой, обтекаемой, дежурной, но у Мари уже

не осталось сил на уточняющие вопросы.

Дверь за ней закрылась, тихо клацнув старомодным замком.

* * *

Фон Браун несколько секунд смотрел на затворившуюся дверь, потом резко обернулся.

— Ну? — Его взгляд неприязненно скользнул по терминалу компьютера. — Что там еще стряслось?

— Мы только что потеряли связь с автоматикой атмосферного процессора, расположенного в пятнадцати километрах от эпицентра, — ответил ему Дейвид Мошер.

— Черт… — Майлер вернулся в свое кресло. — Толмачев, почему это происходит?!

Человек у окна медленно обернулся. Сигарета, зажатая между пальцами, курилась сизым дымком. Столбик пепла упал на дорогое покрытие и рассыпался кучкой праха, но Анатолий не заметил этого.

— У меня нет комментариев, господин президент, — наконец глухо произнес он.

— Почему? — Фон Браун продолжал сверлить его тяжелым взглядом.

Анатолий несколько секунд медлил с ответом, но потом все же решился высказать правду:

— Я занимаюсь не своей работой, — пояснил он. — Прошло две недели, как я принял дела от покойного Френка Лаймера, но большую часть времени меня заставляли лгать и изворачиваться перед прессой.

— А кто должен это делать?! — вступил в разговор молчавший до сих пор Ганс Бюрге, пресс-секретарь корпорации, все это время расхаживавший по кабинету. Он остановился напротив Толмачева и внезапно ткнул его пальцем в грудь. — Вы несете ответственность за пятьдесят шесть жизней и не пытайтесь увильнуть от этого!

Дейвид Мошер с интересом обернулся. Тучный, низкорослый Бюрге никогда не вызывал у него особых симпатий, а сейчас казался вовсе отвратительным. Нужно будет запомнить, что он первым начал поиск козла отпущения в заваривающейся на глазах каше…

На лице Толмачева поверх бледности выползли пунцовые пятна, но Бюрге продолжал давить его пальцем в грудь.

— Меня рвут на куски эти шакалы из прессы, они хотят крови, а что я им должен ответить?! — напирал он. — Без комментариев?! Пятьдесят шесть трупов — без комментариев?! — Голос Бюрге вдруг сорвался на визг.

— Я не несу ответственности за взрыв на заводе! — огрызнулся Толмачев.

— Ну-ка заткнитесь, оба! — рявкнул на них Майлер.

В кабинете мгновенно наступила мертвая тишина.

Бюрге, который поперхнулся готовой слететь с губ фразой, так и остался стоять с открытым ртом, глядя на главу корпорации, и в его влажном взгляде угадывались два чувства: страх и неприязнь.

За двадцать пять лет Ганс успел поработать с тремя фон Браунами, не считая нынешнего и его жены Кейтлин, которая руководила корпорацией всего два года. Уживаться с людьми, удерживающими в руках бразды правления доброй половиной европейского континента, всегда было нелегко, но Майлер, по мнению Бюрге, своей жесткой деловой бескомпромиссностью переплюнул всех своих предшественников вместе взятых.

Нынешний глава корпорации ошибочно именовался в прессе представителем десятого поколения знаменитой фамилии, на самом деле он не был прямым потомком Дитриха фон Брауна, основавшего корпорацию в конце двадцать первого века, а унаследовал бразды правления десять лет назад, получив их от своей жены после громкого краха проекта «Европа»…

Бедная Кейтлин, подумал Бюрге, ежась под тяжелым взглядом Майлера. Все эти годы он в таких ситуациях вспоминал почему-то именно ее — бездарную и безвольную, заведшую корпорацию в тупик и поставившую ее на грань банкротства…

— Я вызвал вас сюда, господа, не затем, чтобы слушать взаимные нападки, — нарушил его мысли голос Майлера. — А ваше нытье, Бюрге, мне просто осточертело.

— Но погибшие, господин фон Браун… Их семьи, общественность…

— Меня не интересуют трупы, меня интересуют деньги! — мрачно произнес Майлер в своей обычной резкой и лаконичной манере, которую неискушенные оппоненты часто воспринимали как недалекий цинизм. — Те деньги, которые вбиты мной в колониальный проект! — продолжил он свою мысль. — Мне надоело выслушивать статистику убытков и перечень мелких катастроф, будто на Марсе нами построена не колония, а карточный домик, который вдруг начинает расползаться и рушиться у всех на глазах! В чем причина, господа? Кто может разумно объяснить мне происходящее?

Толмачев почувствовал, что взгляд фон Брауна опять направлен на него.

— Техника выходит из строя под внешним воздействием, — не

поднимая головы, ответил он. — Все началось с необъяснимого взрыва на заводе, и теперь, если взглянуть на динамическую карту, то станет очевидно — зона, где происходят внезапные поломки и катастрофические разрушения, расширяется в виде окружности со скоростью от ста до трехсот метров в сутки. Из-за приказа об изоляции очага поражения и режима строгой секретности я не смог получить ни одного образца неисправной техники для серьезных исследований…

После его слов в кабинете на некоторое время установилась тишина, нарушить которую решился Бюрге:

— Господин президент, мне нужны четкие указания, какие сведения я могу предоставлять прессе?

Поймав тяжелый взгляд фон Брауна, Ганс мысленно пожалел о своей инициативе и поспешил добавить:

— Они действительно рвут меня на части, сэр… Я не понимаю, зачем мы вообще дали ход информации по катастрофе, неужели ее нельзя было замять на месте?

Вместо фон Брауна Гансу ответил Мошер:

— Бюрге, ты, верно, забыл, что взрыв произошел на границе с сектором концерна «Новая Азия»? — напомнил Дейвид, вертя в пальцах дорогой портсигар. — Они подняли вой, и мы были вынуждены протащить тела погибших через земной карантин, чтобы убедить всех, что произошла обычная промышленная катастрофа. — Он поднял взгляд на Бюрге. — Вот и действуй соответствующим образом, Ганс. Никаких комментариев относительно сегодняшнего положения дел, — там произошел промышленный взрыв, виновные будут выявлены и наказаны в ходе внутреннего расследования. Корпорация приносит соболезнования и выплачивает компенсации семьям погибших. Все остальное — без комментариев, понял?

— Да.

— Вот и хорошо. Теперь я хочу выслушать тебя, Анатолий. — Мошер, решив взять инициативу в свои руки, обернулся к новоиспеченному главному инженеру корпорации. — Твои обиды и недоумения мы поняли. Больше тебя не будут привлекать для общения с прессой, — пообещал он. — Сейчас меня интересует, что ты узнал, изучая материалы, оставленные покойным Френком? Неполадки начались за два месяца до этого взрыва, и он, насколько я знаю, отправился на Марс, чтобы лично проверить какие-то свои гипотезы. Ты изучил его бумаги?

— Да.

— Что ты понял из них?

На лице Анатолия отразилась мгновенная борьба чувств.

— Я не люблю делать скоропалительные выводы, — наконец произнес он. — Френк предполагал, что сбои в работе автоматики связаны с микроскопическими чужеродными вкраплениями, которые были обнаружены в энергоемких узлах, там, где присутствуют сильные магнитные поля. Серебристые пятна неправильной формы толщиной от миллиметра до нескольких микрон — вот все аномалии, которые удалось зафиксировать до взрыва. Среди рабочих это явление успело получить свое название: ртутная плесень. Некоторое время пятна просто соскабливали с кожухов генераторов, не придавая им должного значения. Френк в своих заметках полагал, что эти пятна являются результатом жизнедеятельности неких неизвестных науке микроорганизмов, которые разрушают или каким-то образом преобразуют металлы, что, в свою очередь, приводит к поломкам механизмов.

— Поэтому он решил вылететь на Марс? — неприязненно предположил фон Браун. — Хотел совершить открытие?

— Не знаю, — развел руками Анатолий. — Я думал, его командировка была санкционирована…

— Ладно, — перебил его Мошер. — Это уже не твой вопрос. Если причиной взрыва на перерабатывающем комплексе явилось разрушение защиты генераторов, то как мы можем защитить уцелевшее оборудование и остановить распространение аварий?

Толмачев нервно передернул плечами.

— В своих записях Френк особо акцентировал внимание на том, что плесень появляется в местах, где явно присутствуют высокие энергии. Мне кажется, что в свете сегодняшней ситуации спасти положение может только полное отключение всех действующих систем. Мы теряем жизненно важные узлы управления, из-за этого происходит разрушение исполнительных коммуникаций. Если сейчас, немедленно отключить оборудование нашего сектора колонии, то можно спасти семьдесят процентов капиталовложений, но это чисто техническая рекомендация. — Он посмотрел на фон Брауна, который внимательно слушал его.

— Сэр, мы не можем вести дело таким образом, — возмутился Бюрге. Он резко обернулся, посмотрев на Толмачева так, словно там стоял не человек, а злой демон. — Корпорации «Дитрих фон Браун» принадлежит большая половина всей планетопреобразующей техники и систем контроля за атмосферой Марса! Их замораживание приведет к гибели огромного количества людей, ведь мы не сможем эвакуировать оттуда более тысячи человек в месяц!

Майлер фон Браун слушал этот диалог, больше похожий на перебранку, продолжая тяжко размышлять о своем.

Десять лет назад он принял корпорацию от своей жены Кейтлин в плачевном состоянии. Все основные активы находились в тот момент в проекте «Европа», который, вероятно, казался его предкам беспроигрышной аферой, но жизнь рассудила по-своему, проект провалился, и ему пришлось буквально по миллиметру вытаскивать крупнейшую корпорацию Европейского Союза из финансовой пропасти. Воспоминания тех лет были слишком болезненны и поучительны, чтобы он мог позволить себе еще раз потерять основную часть активов. Здесь в игру вступали такие деньги, на фоне которых резко обесценивалось все, вплоть до человеческих жизней, и он понимал, что действовать нужно резко и решительно, пусть и болезненно.

— Что мы реально имеем на сегодняшний день? — так и не придя к конкретному мысленному решению, спросил он.

Анатолий понял, что отвечать опять предлагают ему.

— Зона поражения с заводом в ее эпицентре локализована и составляет окружность радиусом в двадцать километров, — сообщил он. — Ежедневно на три километра в глубь этой территории производится термическая зачистка. Пока что удалось сохранить режим секретности, выдавая все за эксперименты по преобразованию атмосферы, но цепь мелких аварий продолжает развиваться внутри зоны отчуждения. — Толмачев покосился на компьютерный терминал и добавил: — Потеря связи с автоматикой атмосферного процессора только подтверждает серьезность ситуации…

— Потеря связи грозит катастрофой? — спросил фон Браун.

— Нет, — ответил Анатолий и тут же пояснил: — Предполагая развитие поломок, мы ввели все системы в режим глубокой консервации еще неделю назад. Реактор заглушён и может находиться в таком состоянии как минимум год без вмешательства и контроля извне.

Фон Браун опять задумался, потом посмотрел на собравшихся и сказал:

— Я пока не готов принять окончательное решение. — Он перевел взгляд на Бюрге. — Ганс, держи прессу в разумных рамках. Я понимаю, что теперь, после прибытия корабля с телами погибших, это будет нелегко, но в твоем распоряжении достаточно средств, чтобы заткнуть пасть особо говорливым и выиграть для нас еще немного времени. Было бы идеально, чтобы шум вокруг катастрофы на Марсе вообще заглох. — Взгляд фон Брауна переместился на Толмачева. — Анатолий, подготовь все

оборудование в радиусе пятидесяти километров вокруг зоны к аварийному отключению. Сколько оттуда до следующего процессора по переработке атмосферы?

— Сто километров, — ответил Толмачев. — На равном удалении находятся еще три процессора — два принадлежат концерну «Новая Азия» и один русским.

Фон Браун кивнул. Он ни на минуту не забывал о том, что все, как назло, происходит очень близко от границы трех секторов освоения…

— Мошер, останься. Нам с тобой надо обсудить еще ряд вопросов.

* * *

Хмурые небеса расплакались нудным моросящим дождем.

Мари ощутила, как порыв холодного ветра, несущий морось по ущельям улиц, вырвался на простор площади. Она поежилась. Ее взгляд скользнул по фасаду небоскреба, на миг задержался на хаотичном узоре освещенных окон, потом вернулся назад, к влажному стеклобетонному покрытию улицы.

Над городом быстро сгущались сумерки. Народу вокруг было немного, час пик уже минул, а редкие прохожие спешили укрыться от непогоды в остекленных галереях многоуровневых переходов, по которым струились неторопливые ленты эскалаторов.

Шли минуты, а Мари все стояла напротив входа в здание головного офиса «Фон Брауна», пребывая в состоянии ошеломленной, подавленной растерянности. Все вокруг казалось чужим, незнакомым, будто горе, обрушившееся на нее, имело силу видоизменять саму реальность. Мари казалось, что город опустел не просто так, взгляд сквозь навернувшиеся слезы делал контуры окрестных зданий мутными, расплывчатыми, а маленькие фигурки людей, появляющихся и исчезающих за стеклянными стенами переходов, только усиливали ощущение того, что жизнь внезапно потекла мимо, спеша в тепло и уют чужих судеб…

Разум Мари все еще пытался зацепиться за реальность хмурого осеннего вечера, но ее душа, не выдержав удара, надломилась и уже существовала вне этого мира, который внезапно потерял всякую привлекательность и смысл.

…Через несколько минут ее легкая одежда начала промокать, неприятно прилипая к телу, и она медленно пошла к остановке общественного монорельсового транспорта.

В руках Мари сжимала согнутую пополам папку из прозрачного тонкого пластика, внутри которой содержались официальные документы,

свидетельствующие о смерти ее отца…

* * *

Оставшись вдвоем, Мошер и фон Браун некоторое время молчали.

— Ладно, Майлер, давай говорить начистоту, — наконец произнес Мошер, щелкнув портсигаром. — Нравится тебе Бюрге или нет, но он прав — мы не можем действовать определенным образом. Есть черта, за которую нельзя переступать. Остановка атмосферных процессоров повлечет за собой гибель множества людей, и не думаю, что этим мы спасем капиталовложения на Марсе.

Фон Браун, прищурясь, смотрел за окно, мимо Мошера.

— Боишься толпы? — тихо спросил он. — Думаешь, не найдется новых кандидатов на освободившиеся места в колонии?

— Найдутся. Но ты напрасно недооцениваешь так называемую толпу. Люди сейчас быстро впадают в крайность, а по всему миру отыщется немало тех, кто недоволен существующей колониальной политикой корпорации.

— И что делать? — Майлер перевел взгляд на своего заместителя. — За последние десять лет в Марсианскую колонию вложено сорок миллиардов евро!

— Да, такими деньгами не шутят, — согласился Дейвид. — Но ты иногда слишком прямолинеен. Нужна толика гибкости.

Фон Браун покачал головой. Мошер всегда удручал его излишней склонностью к намекам и недосказанности.

— Говори прямо, Дейвид.

Мошер прикурил и только затем продолжил развивать свою мысль:

— Мы не виноваты в случившемся, верно? События свалились нам как снег на голову, их никто не мог ни предвидеть, ни тем более предотвратить.

— Дейв, ты решишься преподнести подобные аргументы нашим инвесторам? — раздраженно перебил его Майлер. — Не забывай, что после провала проекта «Европа» мы все еще зависим от денежных поступлений со стороны.

Мошер кивнул.

— Мы говорим об одном и том же. Я лишь хотел подчеркнуть, что эти события, на мой взгляд, больше напоминают стихийное бедствие.

Фон Браун встал. Меряя шагами кабинет, он некоторое время тяжело размышлял над создавшейся ситуацией, потом остановился у выходящего на площадь панорамного окна и обернулся.

— Два месяца назад нечто подобное в этом кабинете утверждал Френк, — произнес он, глядя на Мошера. — Ты можешь разыгрывать перед Бюрге наивное непонимание, но Лаймер предвидел развитие событий, помнится, даже говорил о том, что нам грозят серьезные проблемы. Как назвал он эту пакость? Внеземной формой жизни? Помнишь, как выторговывал он у меня эту отсрочку, ссылаясь на необходимость исследований? К чему они привели? Он был лучшим специалистом корпорации, причем, что немаловажно, проверенным специалистом. Теперь он лежит в холодильнике морга, а вместе с ним — целая смена инженеров и рабочих. События непоправимые. Скажи, кому теперь доверить это дело? Толмачеву, которого трясет, как только он переступает порог моего кабинета? — Фон Браун брезгливо поморщился. — Нужно реально что-то делать, Дейв, иначе корпорацию ждут потрясения еще более худшие, чем были в случае с «Европой».

— Послушай, Майлер, я помню разговор с Френком. Он ведь не просто выторговывал время для своих исследований, он, кажется, упоминал о перспективах…

— Из семи спасателей, занимавшихся после взрыва на заводе расчисткой завалов и извлечением трупов, в живых не осталось никого, — резко возразил фон Браун. — Там не было излучения, не зафиксировано никаких бактериологических загрязнений или выбросов ядовитых химических веществ. Спрашивается, почему они умерли?

— Не знаю, — откровенно ответил Мошер. — Я читал результаты вскрытия погибших при взрыве людей. Это ведь действительно была промышленная катастрофа! — повысив, против обыкновения, голос, напомнил он. — Службы земного карантина не обнаружили никаких патологических изменений во внутренних органах.

— Да, потому что им подсунули исключительно чистые трупы. А семерых спасателей никто не вскрывал, — напомнил собеседнику Майлер. — Туда никто не может войти — техника отказывает, продвинувшись всего на полкилометра в глубь зоны, люди способны проникнуть дальше, но потом связь внезапно обрывается и об их судьбе остается только гадать. Исключением из этого правила стал только отец бедняжки Мари… — Майлер вернулся в свое кресло и, протянув руку, взял портсигар Дейвида. — Он не погиб при взрыве — его лишь сильно контузило, и Френк сумел продержаться там несколько дней, преодолев пространство в двадцать пять километров. — Фон Браун вытащил сигарету, прикурил и спросил, выпуская дым: — Так кто, по-твоему, сначала поджарил его, а затем отрезал ему башку, если, кроме спасателей, в зону

взрыва не проникала ни единая душа?!

Дейвид Мошер некоторое время размышлял над заданным вопросом.

— Один из них, больше некому, — с раздраженной растерянностью в голосе вынужден был признать он. — Труп Френка обнаружили возле самого периметра утром седьмого дня после взрыва. Карантинный купол бригады спасателей уже тогда не отвечал на радиосвязь. Посмотри, вот увеличенные кадры района, сделанные с орбиты в тот злополучный день, когда после восхода солнца охрана периметра увидела тело Френка. — Мошер протянул руку, коснувшись нескольких сенсоров на терминале.

Картинка оказалась нечеткой, расплывчатой, — давало себя знать близкое присутствие работающего атмосферного процессора, который, помимо вновь образованного кислорода, с периодическими интервалами выбрасывал в небеса специально разогретую углекислотную смесь. Расползаясь в верхних слоях марсианской атмосферы, она образовывала плотный, постоянно подпитываемый облачный слой, необходимый для поддержания парникового эффекта на поверхности преобразуемой планеты. Эта мера была призвана сгладить резкие перепады между дневными и ночными температурами и работала весьма эффективно.

Затрудненное наблюдение за поверхностью планеты с ее орбит было одним из характерных неудобств технологии углекислотного облачного щита, но с этим приходилось мириться.

— Вот эти пятна, — Дейвид постучал пальцем по защитному стеклу монитора, — определены как тепловые сигналы человеческих тел. Об этом же свидетельствуют личные радиомаяки, но я делаю упор не на них, а на тепловой отпечаток, чтобы ты понял — они были живы на тот момент, но по непонятной причине ушли из купола и разбрелись кто куда.

— Зачем им было убивать Френка?

— Вот и я все время думаю об этом, — сознался Мошер. — Бедняга Френк ведь почти выбрался оттуда… Они все спятили, Майлер, иного объяснения я не нахожу. Семеро здоровых, тренированных мужиков… — Дейвид сокрушенно покачал головой, с силой загасив окурок в пепельнице. — Что заставило их уйти из купола? Почему они разбрелись поодиночке, а потом умерли?

Фон Браун молча потянулся за новой сигаретой.

У него не было ответов на эти вопросы. Единственное, в чем Майлер был уверен на все сто процентов, — это в образе своего мышления. Он являлся главой огромной корпорации, которая занималась конкретным бизнесом, и сейчас, когда этот бизнес оказался под угрозой, нужно было действовать жестко и решительно, чтобы спасти дело.

Глядя на Мошера, он спрашивал себя: почему мы тянули полтора месяца, теряя людей и технику, пытаясь доискаться до каких-то причин происходящего?

Ответ был прост. Даже им, давно утратившим все иллюзии в борьбе за деньги и власть, нужно было время, чтобы морально созреть для совершения определенных поступков. Проклятый Марс подспудно давил на психику, напоминая одним своим именем — это не Земля, это колония, космос, внеземелье…

— Тянуть дальше нельзя, Дейвид, — произнес он. — Настало время принимать конкретные решения. — Фон Браун откинулся на спинку кресла, глядя на своего заместителя. — Мне кажется, что ситуация складывается слишком непонятным и зловещим образом. Что-то разрушает коммуникации, сводит с ума людей, и это происходит таким загадочным, неординарным образом, что всякие происки третьих лиц можно исключить.

— К чему ты клонишь, Майлер?

— Еще немного промедления, и мы начнем испытывать серьезнейшие проблемы. Весь марсианский проект под угрозой, и я считаю, что нужно воспользоваться советом Толмачева — отключить все оборудование и выждать.

— Неразумно, — отрицательно качнул головой Мошер. — Остановив атмосферные процессоры и заморозив системы жизнеобеспечения, мы лишь ускорим свой конец. Наши клиенты слишком взыскательны, чтобы простить нам такие вольности. Если там по нашей вине погибнут не просто рабочие, а состоятельные люди, колонисты, то в дальнейшем все полетит коту под хвост, даже в том случае, если временное отключение спасет оборудование и остановит процесс распространения поломок. — Он щелкнул портсигаром и добавил: — Анатолий давал технические советы исходя из доступного ему знания, но мы-то с тобой не можем питать иллюзий. Ты верно заметил — это не чьи-то там происки, не случайность, не брак комплектующих, в районе действительно завелась неизвестная нам дрянь. Нужно во всем разобраться и подрубить проблему под корень — это единственный способ спасти положение.

Майлер слушал его, неприязненно обдумывая каждое сказанное Дейвидом слово. Ему казалось, что вместо мыслей в голове ворочаются тяжелые булыжники…

Вывод напрашивался уже давно, с того дня, как первый дистанционно управляемый робот вполз в покинутый купол спасателей. Там изнутри все было залеплено какой-то серебристой дрянью. Надежнейшая модель сервомеханизма, испытанная в сотнях нештатных ситуаций, проработала

еще двадцать секунд, а потом просто отказала…

Да, они с Мошером прекрасно понимали друг друга и говорили фактически об одном и том же. Фон Браун испытывал в эти минуты мучительное беспокойство, потому что понимал: на Марсе обнаружилось нечто выходящее из ряда вон. Пока все удается держать в тайне, но что будет, когда история выплывет на свет? Он не являлся ученым и не мог радоваться появлению в его владениях чего-то загадочного. Майлера фон Брауна устраивал лишь тот Марс, к колонизации которого приступили его предки много веков назад: мертвый, пустынный, напрочь лишенный самого намека на жизнь, а потому — полностью предсказуемый.

Нас обяжут свернуть все работы, — в который уже раз подумал он, — колония мгновенно превратится в поприще для разного рода исследований, а мы останемся тут, на Земле, отброшенные назад в своих планах, и будем вести затяжную войну со страховыми компаниями…

— Майлер, кажется, мы оба созрели для принятия адекватных решений, — произнес Мошер, угадав ход его мыслей. — Выход один: на известном пространстве должно быть уничтожено все, желательно ядерным ударом с орбиты. И сделать это, по возможности, должны не мы — вот на что я намекал, говоря о гибкости. Зачем дразнить спящую собаку? Нужно повернуть дело таким образом, чтобы мы могли не убивать, а спасать людей на Марсе, тогда мы не потеряем ни одного клиента, избавившись при этом от так неожиданно возникших проблем.

Фон Браун внимательно слушал Мошера, то хмурясь, то немного светлея лицом, в зависимости от ассоциаций, к которым подталкивали его слова Дейвида, но последнее утверждение заставило его фыркнуть:

— Евросоюз никогда не станет бомбить Марс. Ты, верно, бредишь, Дейв.

— Ты не прав. — Мошер глубоко затянулся. — Вспомни семьдесят пятый год…

Фон Браун вздрогнул.

Действительно, прецедент существовал.

— Азиатская чума?

— Верно, — кивнул Мошер. — Руины двух городов до сих пор светятся по ночам, не находишь? — Он коснулся сенсора на клавиатуре терминала, вызвав на монитор карту интересующего его сектора колонии. — Смотри, вот удобный промышленный поселок, расположенный на территории, принадлежащей концерну «Новая Азия». Сто пятьдесят километров до нашей злополучной зоны. Постоянное население — тридцать два человека, занятых на обслуживании введенного в строй год

назад атмосферного процессора. Что, если там внезапно вспыхнет эпидемия? — Он посмотрел на фон Брауна. — Единственное эффективное средство борьбы с этой мутацией вируса — ядерный котел, а Евросоюз еще достаточно напуган двумя прошлыми вспышками болезни, против которой не нашли реального противоядия.

Майлер покосился на экран. Значит, ты созрел раньше меня, Дейв? Все уже продумал заранее?

Они встретились взглядами.

— Мы не ученые, — произнес Мошер, повторяя те мысли, которые минуту назад посещали фон Брауна, что лишний раз доказывало близость их взглядов на окружающий мир. — У нас есть конкретные интересы на Марсе, которые нужно защищать. По мне все равно, кто угрожает делу — зарвавшийся конкурент или неизвестный вид инопланетной дряни, — честно сознался он. — Мы живем в жестоком мире, Майлер, где за все надо платить. — Он открыл потайное отделение портсигара и, усмехнувшись, показал уложенные туда шарики янтарного цвета. — Я плачу за все, даже за сон. По пятьдесят евро каждую ночь. И не собираюсь отказываться от своего образа жизни из-за того, что кожухи наших генераторов грызет какая-то микроскопическая тварь. Препятствия нужно убирать с дороги, а эти азиаты — потенциальные свидетели наших неприятностей. Запустим им вирус, и дело можно считать закрытым. В Европе слишком свежи воспоминания о чуме восьмидесятых. Они разбомбят очаг эпидемии или вынудят к этому власти Китая, а вместе с зараженным поселком сгорят и наши проблемы на сопредельной территории.

На минуту в кабинете повисла тишина.

— Нет, — подумав, наконец ответил фон Браун. — Долго и ненадежно. Но основная идея принята. — Мысль Майлера, получив необходимый толчок, работала быстро. Он протянул руку, указав на маркер атмосферного процессора, расположенный рядом с поселком, который имел в виду Мошер. — Думаю, что аварию атомного реактора организовать проще и быстрее. Смотри, — он прочертил воображаемую линию от станции переработки атмосферы, принадлежащей концерну «Новая Азия», к тому атмосферному процессору, который находился непосредственно в зоне заражения и был, по словам Анатолия, законсервирован еще неделю назад. — Взрыв у новоазиатов накроет и наш процессор, — развил свою мысль фон Браун. — Произойдет второй взрыв, который вычистит зону наших проблем. Мы же останемся вне подозрений, причем не пострадает ни один клиент корпорации — ближайший заселенный район удален на четыреста километров, и мы приложим героические усилия, чтобы

радиоактивное загрязнение, возникшее по вине концерна «Новая Азия», туда не проникло.

Мошер ответил не сразу. Некоторое время он размышлял, мысленно взвешивая все «за» и «против», поглядывая при этом на компьютерную карту, потом кивнул.

— Да, это надежнее, — согласился он. — Остается один вопрос: кто станет исполнителем?

Фон Браун помрачнел.

— После недавних событий у нас не осталось достаточно надежных профессионалов на Марсе, — вынужден был признать он. — Дело тонкое, тут нужен специалист высшего класса.

— У меня есть такой человек. — Мошер опять что-то прикинул в уме. — Через три дня с орбиты Земли уходит «Янус». Мы сможем удержать ситуацию еще в течение месяца?

— Думаю, да.

— Тогда вопрос об исполнителе снят. Остается удержать происходящее под контролем и подготовиться к грядущим событиям. Надеюсь, мы переживем этот кризис. Бывало ведь и хуже, верно?

Фон Браун не ответил. Он опять смотрел в окно, за которым светился огнями город и бесновалась осенняя непогода.

— Одолжи мне одну из твоих пилюль, Дейв… — внезапно попросил он.

Глава 2

Колония на Марсе.

Тоже время…

Маленький опрятный город спал, свернувшись зябким калачиком кольцевых улиц, под низким, давящим серым небом.

Температура к рассвету все еще падала до отрицательных значений по шкале Цельсия, но это уже были не те трескучие, мертвые морозы, с которыми пришлось столкнуться первопроходцам, высадившимся на красную планету более двух веков назад.

История освоения Марса напрямую связана с глобальными потрясениями, которые испытывало человечество на протяжении последних веков своего развития. Тотальное перенаселение и наступивший дефицит естественных ресурсов родной планеты неизбежно выдавливали цивилизацию в космос, и вопрос, куда будет направлена зарождающаяся колониальная политика, решался в этом случае простым сравнительным анализом общеизвестных фактов.

Орбита Меркурия расположена слишком близко к Солнцу. Этот маленький раскаленный шарик, лишенный воздушной оболочки, никак не сообразуется с понятием «жизнь».

Венера, на которую возлагали свои утопические надежды фантасты середины двадцатого века, не оправдала этого доверия при более внимательном ее изучении посредством спускаемых космических аппаратов. Вторая планета Солнечной системы на поверку оказалась слишком «горяча», да и давление на ее поверхности, достигающее ста атмосфер, не располагало к организации поселений под открытым небом. Два этих фактора могли быть преодолены в отдаленном будущем, но к началу колониальных изысканий они ставили на Венере жирный крест, перечеркивая практическую вероятность ее немедленного и эффективного освоения.

Следующим кандидатом на звание новой родины для растущего человечества могла бы стать Луна — верная спутница Земли, но у «серебряной планеты», как ее называли поэты прошлых веков, из-за малых размеров и низкого значения гравитации возникли бы серьезные проблемы с сохранением атмосферы. Луна в современном виде не может удерживать не то что атомы кислорода — даже более тяжелые газы под влиянием

солнечного излучения истекают от ее поверхности в космос, — поэтому спутница Земли была признана более подходящей для роли сырьевой базы, чем для полномасштабной колонизации.

Планеты-гиганты, в группу которых входят Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун, слишком удалены от Солнца, поэтому ни они, ни их многочисленные спутники в колониальном проекте не рассматривались.

Таким образом, при внимательном изучении фактов единственным реальным кандидатом на колонизацию оказалась четвертая планета Солнечной системы.

Марс отвечал требованиям колониальной программы по двум основным параметрам: во-первых, годовые колебания температур на его поверхности укладываются в промежуток между тридцатью и минус ста градусами по шкале Цельсия, что уже приемлемо для существования определенного спектра простейшей органики, а во-вторых, Марс имеет атмосферу, на девяносто пять процентов состоящую из углекислого газа, который, как известно, составляет основу метаболизма выделяющих кислород простейших органических форм.

В идеале колонизация четвертой планеты Солнечной системы должна была стать проектом международным, и осваивать мертвые пространства коричневато-рыжих пустынь действительно начинали космические агентства ведущих мировых держав, но далее жизнь внесла свои весомые и достаточно неожиданные коррективы в планы отдельных людей и правительственных организаций.

…Маленький опрятный город спал, свернувшись зябким калачиком кольцевых улиц, под низким, давящим серым небом.

В отличие от стихийно возникающих поселений, он был тщательно спланирован и строился исходя из конкретных требований.

Двух— и трехэтажные дома, составляющие основу его застройки, отличались прежде всего своей нестандартной для современной Земли архитектурой. Они ничем не напоминали о существующих на прародине человечества средних нормах плотности населения, когда пеналообразные или пирамидальные небоскребы подпирали облака, образуя ступени городов-мегаполисов. Нет, на Марсе все было иначе, и каждый дом стандартного, среднестатистического поселения рассчитывался всего лишь на одну семью.

Казалось бы, при существующих на Земле проблемах тотального перенаселения такая архитектура неуместна, но тут вступали в игру реальные факторы, которые как раз и определяли преобразование марсианских пустынь, придавая им тот или иной вид.

В силу ряда экономических причин у красной планеты появились хозяева, а это, в свою очередь, в корне изменило изначальную колониальную политику.

Спустя двести лет после начала работ по планетному преобразованию Марса в колониальном проекте осталось пять участников: Россия, Европейский Союз, Объединенная Америка, концерн «Новая Азия» и корпорация «Дитрих фон Браун», причем последней принадлежало более шестидесяти процентов всех преобразованных площадей и, соответственно, планетарной техники.

Политика «Фон Брауна» являлась на сегодняшний день определяющей силой марсианских преобразований и была ориентирована прежде всего на получение прибыли, основным источником которой, помимо добычи полезных ископаемых, должны были стать комфортабельные поселения, возведенные на терраформированных площадях Марса. Естественно, что, продавая застроенные участки преобразованных марсианских пустынь, сотрудники корпорации опирались на те слои земного общества, которые могли заплатить реальные деньги за переселение из урбанизированных городов-муравейников на простор «Новой Земли», как все чаще именовали Марс в дорогостоящих рекламны акциях.

Реальность Марса сегодняшнего, нарисованная специалистами «Фон Брауна», демонстрировала потенциальным покупателям оживающий на глазах, обеспеченный всеми удобствами мир, разделенный на обширные, отстроенные «под ключ» усадьбы с полным комплексом робототехники, включая андроидов, в качестве домашней прислуги и броскими, умело обыгранными в рекламе надписями «private» на табличках у входа во владения будущих колонистов.

На фоне этого блекли и казались незначительными усилия по тотальному переселению, предпринимаемые странами и союзами государств, — проект «Колония» в течение столетия ненавязчиво перешел в категорию дорогостоящих коммерческих предприятий, и главным игроком на марсианском поле сегодня являлась корпорация «Дитрих фон Браун», монополизировавшая не только шестьдесят процентов освоенных территорий, но и львиную долю добычи полезных ископаемых.

…До рассвета оставалось еще два часа.

Андрей Зыбов проснулся от непонятного шума.

Открыв глаза, он некоторое время лежал, напряженно вслушиваясь в тишину. Ровное дыхание спящей жены не успокоило его, а, наоборот, сделало предрассветные сумерки еще более настороженными и какими-то

недобрыми. Разбудивший его шум не повторялся, но уснуть снова Зыбов не смог.

Встав с постели, он подошел к окну.

Над городом висели хмурые, свинцово-серые облака. Накрапывал мелкий дождь. У горизонта несколько раз вспыхнула и погасла оранжевая зарница, но это не удивило Зыбова — он знал, что в той стороне расположен один из атмосферных процессоров — усеченная, похожая на вулкан пирамида, периодически выбрасывающая к облакам столбы призрачного пламени.

В общем-то жизнь на Марсе Зыбову нравилась. К пятидесяти годам он успел многое сделать на старушке Земле: рано поседел, научился ценить покой и не доверять людям. Заработав приличные деньги на торговле недвижимостью, он в определенный момент осознал, что ритм земной жизни в конце концов доконает его, и билет на Марс в такой ситуации показался ему вполне разумным выходом. Не в привычке Зыбова было слепо доверять рекламе, и сначала он прилетел сюда с ознакомительной экскурсией, которая сама по себе стоила немалых денег, но поездка имела смысл — ознакомившись с конкретными предложениями, Зыбов подписал контракт, в результате которого корпорация «Дитрих фон Браун» получила его агентство со всеми активами, а он — полностью автоматизированную усадьбу на красной планете.

Размышляя здраво, Зыбов еще ни разу не пожалел о принятом решении. Жизнь тут текла спокойно, размеренно, в окружении привычного ему общества состоятельных людей, но без нервотрепки и прочих неприятных аспектов земного бизнеса. Жизнь на Марсе являлась не чем иным, как вполне нормальным, заслуженным отдыхом после многих лет борьбы за выживание в обществе, где плотность населения в городах уже вплотную подошла к цифре сто человек на один квадратный метр урбанизированной площади, а самое приземистое здание насчитывало не менее пятидесяти этажей.

Он закурил и вдруг поймал себя на мысли, что за два года, прожитых на Марсе, он в первый раз стоит у окна полутемной комнаты и нервно курит. Такое состояние, привычное для земных будней, явилось неприятным напоминанием о прошлом.

Непонятно, чем было вызвано такое состояние — не то предчувствием, не то…

Он вздрогнул, потому что в конце просматриваемой из окна аллеи вдруг резко качнулась ветка кустарника и вновь послышался шум.

Некоторое время Зыбов пытливо вглядывался в сумрак.

Чертовы роботы, — неприязненно подумал он, глубоко затягиваясь сигаретой.

Мысль не была случайной, она основывалась на стойкой фобии — Зыбов никогда не приветствовал излишней «человекоподобности» некоторых серийных моделей бытовых автоматов, а в последнее время производящие этот тип техники новоазиаты совсем рехнулись — приспособились вживлять в свои машины искусственно выращенную нервную ткань… «Конечно, иметь в доме прислугу необходимо, но хорошо, что нам не достались эти новинки…» — подумал он, щелчком отправляя окурок за окно. Проследив за полетом мерцающего уголька, который, ударившись о покрытие садовой дорожки, разлетелся гаснущими брызгами искр, Зыбов собирался вернуться в постель, но в этот момент в сумерках опять промелькнула какая-то тень, едва заметная в бледном спектре дневного света, проникающего сквозь остекленные стены расположенных неподалеку оранжерей.

Он напрягся, непроизвольно подумав, что рано решил избавиться от привычки хранить в спальне огнестрельное оружие, — судя по дрожи, которая предательски прокралась от спины к затылку, вес автоматического пистолета в руке был бы сейчас лучшим успокоительным.

— Эй, кто там?! — хрипло осведомился Зыбов.

На улице стояла мертвая предрассветная тишь.

В конце садовой дорожки, которая вела от крыльца дома к воротам, опять показалась тень. Зыбов невнятно выругался. На этот раз силуэт оказался вполне узнаваемым — по дорожке к брошенному окурку шел дройд…

Кэтрин как-то умудрялась различать их, даже придумала каждому имя, но он не снисходил до подобного рода дурацкой привязанности к металлическим истуканам, ограничившись светящимися в темноте цифрами, которыми пометил свои машины…

Этот не носил на себе личного клейма Зыбова.

Приблудился, что ли? Может, с соседней усадьбы, от Мартинов?!

Дройд, едва слышно шелестя своими сервоприводами, подошел к истекающему дымком окурку и подобрал его. Зыбов продолжал неприязненно следить за испугавшей его машиной.

Сейчас уберет мусор и свалит, — подумалось ему, но нет… андроид зажал окурок между пальцами и вдруг… затянулся!

Зыбов стоял, не смея вздохнуть. Вырвавшийся из подсознания страх, который он тщательно скрывал в повседневной жизни, вдруг ледяными когтями вцепился в горло, не давая сделать очередной вдох.

Я так и знал… Эти новомодные штуки до добра не доведут…

Пока эта мысль оформлялась в голове оцепеневшего человека, андроид еще раз попытался сделать затяжку, но мало преуспел в своем обезьянничестве. Зыбов не обладал глубоким знанием робототехники, но мог поклясться, что за прорезиненными губами механического ублюдка располагалось все, что угодно, но только не гортань, ведущая к легким…

Дройд, похоже, начал подозревать нечто подобное.

Вытянув руку, он посмотрел на дымящийся окурок, который уже истлел до самого фильтра, и Зыбов вдруг услышал синтезированный голос машины:

— Что со мной случилось?.. — Дройд обернулся, посмотрев на расположенную неподалеку оранжерею. — Куда, мать вашу, подевался Нью-Гарлем?.. Где я?..

Зыбов медленно попятился от окна, споткнулся о кровать и с грохотом упал, повалив подставку с искусственными цветами.

Кэтрин испуганно вскрикнула, проснувшись.

— Что случилось?! — Она нашарила рукой выключатель и в свете прикроватного ночника увидела мужа, который, вскочив с пола, лихорадочно натягивал халат.

Он не ответил на ее вопрос — просто выбежал вон, и перепуганная женщина услышала, как через приоткрытую дверь спальни доносится его ругань и тяжелый, характерный звук открывшегося бронированного сейфа, в котором Зыбов держал документы и автоматический пистолет.

Спустя пару минут на улице оглушительно хлопнуло несколько выстрелов.

* * *

Земля.

Квартира Френка Лаймера

Одиночество вошло вместе с ней в гулкие, ставшие чужими и незнакомыми стены трехкомнатной квартиры на низковысотной фешенебельной окраине города.

Авария на производстве… Сощуренные глаза Майлера фон Брауна таили в себе ложь — чем больше Мари думала об этом, тем более убеждалась, что официальная версия событий — притянутая за уши чушь, призванная успокоить родственников тех, кто погиб на этом проклятом перерабатывающем комплексе…

Ее жизнь внезапно оказалась разбитой вдребезги. Не было сил

смириться с этим, а покрасневшие глаза оставались сухими, словно у нее действительно что-то перегорело внутри.

Есть особая близость родителей и детей, когда взросление последних не мешает этим чувствам. После смерти жены Френк Лаймер проявлял особую заботу о дочери — девочка росла рядом с ним, как тонкая лоза, обернувшаяся вокруг надежного ствола приютившего ее дерева.

В семь лет она впервые побывала на Марсе.

Этот факт мог сказать о многом, например о том, какой вес имел ее отец в корпорации «Дитрих фон Браун». Путешествия девочки до Марса и обратно — не загородная прогулка и не командировка в соседний город, а он дважды брал ее с собой и только в этот, третий раз полетел один. Мари уже выросла, у нее начала складываться своя жизнь, на носу были выпускные экзамены и еще куча разных дел, казавшихся ей такими важными, значимыми.

И вот его не стало.

Все рассыпалось, как карточный домик, мгновенно превратившись в прах…

Она понимала, что должна жить дальше, но где взять сил для этого, когда твое сознание неожиданно начинает рушиться в пропасть, когда подрублены все его устои и из жизни безвозвратно ушло все самое ценное?

…Внезапно включился сферовизор. Мари вздрогнула, обернувшись, но проекционная полусфера матово серебрилась снежинками помех — передачи уже окончились.

Она дотянулась до пульта, выключила питание.

Через минуту компьютерный терминал часто замигал приводом активации, но Мари уже не заметила этих судорог, которые неожиданно пробежали по сетевому терминалу и тем электроприборам, что управлялись бытовыми компьютерными подсистемами.

Она сидела у окна, глядя на город, который сначала медленно расцветал феерией огненных красок ночной жизни, а потом начал постепенно угасать, становясь серым, блеклым, утилитарным.

Она не могла заставить себя спать.

Все, что было дорого, значимо, внезапно оказалось в прошлом. На фоне обрушившегося горя бледнели проблемы дня вчерашнего, казались надуманными и смехотворными его радости, стали не нужны назначенные встречи и планы на ближайшее будущее.

Уже за полночь ей позвонил Пит.

Они собирались встретиться в ночном клубе, но Мари после известия о смерти отца и посещения морга не могла даже помыслить о том, чтобы

идти на какую-то вечеринку.

— Ну ладно, извини… — выслушав ее, произнес он. — Хочешь, я приеду?

— Зачем? — сжимая трубку мобильного коммуникатора похолодевшими пальцами, тихо спросила она.

— Ну, поговорим, посижу с тобой…

— Спасибо, Пит… Не нужно. Я сама… — Она машинально коснулась сенсора отключения и без сил опустилась в кресло, придвинутое к окну.

Он тоже не испытывал боли. Он был чужим человеком.

Мари не понимала, что с нею творится. Питер, которого она еще вчера считала славным парнем, вдруг вызвал острую неприязнь, и она отчетливо осознавала — это чувство уже не забудется, не пройдет. Моральные удары следовали один за другим, в ней все больше надламывался некий внутренний стержень, и в конце концов ближе к утру она не выдержала.

Нужно было как-то пережить это горе, найти новую точку опоры в пошатнувшемся мире.

Блеклая полоска зари зажглась у горизонта, подкрасив розовым серые облака, цепляющиеся за вершины города-мегаполиса. Она оделась и вышла в сонную прохладу загазованного осеннего утра.

Люди уже проснулись и спешили по своим делам.

Город на глазах превращался в шевелящийся муравейник. Мари некоторое время бесцельно брела по улице, но потом увеличивающаяся толпа прохожих начала затирать ее. Темп городской жизни не подразумевал бесцельных пеших прогулок в утренние и вечерние часы, когда миллионы людей спешили к транспортным развязкам уровней, чтобы успеть на очередной пневмопоезд.

С трудом выбравшись из стремнины людского потока, Мари, растрепанная и помятая, прижалась к холодной стене фасада многоэтажного здания.

Она всегда строго относилась к своей внешности. Хорошо выглядеть, следить за собой — означало в ее представлении возможность испытывать чувство внутреннего комфорта, быть уверенной и спокойной.

Сейчас ее волосы растрепались и спутались. Мари медленно приходила в себя, стоя у стены здания. Несколькими раздраженными движениями она попыталась привести в божеский вид предмет своей недавней гордости, но спутавшиеся волосы, мокрые от постоянно моросящего дождя, плохо подчинялись движению пальцев…

Внутри нее рос непонятный протест. Она чувствовала: еще немного такого состояния — и жизнь окончательно потеряет свой смысл…

Требовалось немедленно что-то сделать, встряхнуться так, чтобы вытравить из души народившееся в эту ночь равнодушие к самой себе, к окружающему миру, к смыслу жизни…

Заметив тускло сияющую вывеску, Мари пошла в том направлении.

Салон красоты только что открылся, и посетителей еще не было. Навстречу Мари вышла девушка примерно ее лет, помогла снять пальто, пригласила в кабинет. Мари прошла, села в кресло, несколько секунд смотрела на свое отражение в огромном зеркале, а потом произнесла, вздрогнув от глухого звука собственного голоса:

— Я хочу подстричься.

— Как? — с милой улыбкой спросила девушка, протягивая руку к терминалу, память которого содержала каталоги причесок.

— Не нужно, — остановила ее Мари. — Под машинку.

Что это было? Форма внутреннего протеста? Способ встряхнуть свою психику или осознанное действие, смысл которого ускользал от нее в данный момент?

Мари не нашла немедленного ответа на данный вопрос. У нее были прекрасные волосы, которые она растила несколько лет. Теперь их не будет, и на свет появится новая Мари… Может быть…

Через десять минут, выйдя на улицу, она остановила такси.

— К гаражам Восемьсот шестнадцатого квартала, пятый городской уровень, — произнесла Мари, опускаясь на заднее сиденье.

Она собиралась взять свою машину и съездить к маме.

* * *

Там, где жизнь и смерть неразличимы, рождаются новые, неизвестные ранее чувства.

Мари ощущала, что ее тоскливое безумство затягивается и затягивает ее, словно черный водоворот, вырывающийся за рамки сознания.

Она остановила машину у бетонных ограждений, выкрашенных в кричащую желто-красную «зебру».

Ветер ерошил ее коротко остриженные волосы, холодил непривычную к таким прикосновениям кожу головы, и это ощущение было острым, непознанным, как дальнейшая судьба…

Она прошла несколько шагов, оперлась о холодный шероховатый бетонный блок и застыла, глядя в прозрачную осеннюю даль.

Они с отцом приезжали сюда… Поначалу часто, потом реже — ведь время, как известно, лечит душевные раны.

За прерывистой стеной из бетонных параллелепипедов начиналось

мертвое пространство, посреди которого находилась остекленевшая коническая воронка, полная черной стоячей воды.

Мари не видела ее — эпицентр взрыва заслоняли мертвые коробки частично обрушившихся домов. Руины городских окраин обрамляли центр города, словно иззубренный венец, оброненный на землю великаном.

Чего я жду? — со страхом и внутренним смятением думала Мари, глядя на руины. Скорбь этого места смешивалась с ее свежим личным горем, делая его еще более невыносимым.

Неужели все так просто, так окончательно, так жестоко? Зачем же тогда мы живем, мучаемся, ненавидим, к чему-то стремимся, дышим, надеемся, любим?..

Зачем, если настанет миг и все исчезнет вместе с нашим сознанием?

Мари не понимала, что толкает ее именно на такие мысли. Она была измучена суетой города, узостью его стен, ей хотелось покоя, тишины, какого-то простора… И вот она нашла это место — неподалеку от почерневших, закопченных стен, у символической ограды, призванной отделять живых от мертвых…

Это несправедливо — с какой-то ребяческой, полудетской обидой думала она, глядя на руины города, где когда-то погибла ее мать.

Только повзрослев, она смогла связать воедино два факта: смерть молодой женщины, которую она едва помнила, и кадры страшной видеохроники, запечатлевшие вспышку ослепительного света, возникшую среди скопления высотных домов, и порыв неистовой, всесжигающей силы, дуновение которой вдруг вырвалось из тысяч окон сверкающей крошкой разбитого и испаряющегося уже на лету стекла…

Ее мать была штатным сотрудником гуманитарной миссии врачей Евросоюза и не могла остаться в стороне от эпидемии азиатской чумы, которая унесла за один месяц полтора миллиона жизней в двух городах…

Мари никогда не верила в бога, но и не кичилась собственным атеизмом — просто жила, и вот настал миг, когда ей вдруг жутко захотелось: пусть бы хоть кто-нибудь пришел оттуда, чтобы опровергнуть постулаты атеизма, поколебать эту удручающую окончательность всего сущего…

А может, мы не там ищем ответ?

Мысленный вопрос показался ей странным, более того, он испугал Мари.

Я просто тону в своем горе, вот и пытаюсь уцепиться за соломинку веры, — подумалось ей.

Ветер, дувший со стороны руин, окреп, он нес с собой холод

почерневшего стеклобетона, его прикосновения казались скрипящими, дерущими по коже, словно ржавые крючья торчащей из руин арматуры. Мелкий, зарядивший вдруг дождь неприятно проводил по лицу порывами своей мороси.

Мари внезапно ощутила себя живой.

Она озябла. Ей хотелось назад, в уют автомобильного салона. Оказывается, у любой пропасти есть дно…

Медленно развернувшись, она пошла к машине.

Тихо хлопнула дверка, едва слышно заурчал мотор, мягко осветились шкалы приборов, с шелестом заработал отопитель, подавая к ее ногам сухое, фильтрованное тепло…

Мари сидела, впитывая его своим измученным телом, и ее глаза вдруг начали слипаться — наступил не только моральный, но и физический предел ее возможностей.

Она погружалась в черную бездну провального сна.

Неужели все так и будет — быстро, окончательно, беспросветно?..

* * *

Она спала, и ей снился странный сон…

Огромный сумеречный зал. Сводчатые потолки, под которыми гнездился мрак, холодные стены из серого камня, кое-где прикрытые фрагментами облицовки, вероятнее всего, пластиковой, но точно что не тканой…

Мари на удивление быстро осознала, что данная реальность создана ее разумом, а точнее, подсознанием, и понимание этого сделало картины еще более удивительными, острыми, ведь в жизни у нее не было никаких интересов, связанных с подобными интерьерами, которые на первый взгляд смахивали на обстановку мрачного Средневековья…

Удивление и даже легкий испуг тем не менее не прервали сон.

Любопытство начало разгораться. Она не поняла — повернула ли во сне голову или то была лишь мысль, на которую каким-то образом отреагировала сотканная из грез призрачная реальность, но в следующий миг Мари увидела стоящую у широкого окна женщину.

Она была одета в длинное платье с прямоугольным вырезом на спине, узкое в талии и пышное книзу, растекающееся по каменному полу тяжелым шуршащим шлейфом… Волосы незнакомки, собранные в прическу, накрывала тончайшая сетка с вплетенными в нее крохотными бусинками.

Мари каким-то образом ощущала, что находится позади нее и чуть правее. Внезапно реальность вновь дрогнула и начала смещаться, реагируя

на острое желание увидеть лицо незнакомки.

Теперь она находилась сбоку от женщины, получив возможность взглянуть на нее в профиль.

Незнакомка выглядела лет на тридцать — красота еще не увяла, но бремя неодолимых забот уже наложило свой отпечаток на ее облик, ощущаясь во всем: в напряженной позе, в бархатистой серости лица, во влажном блеске печальных глаз, взгляд которых был устремлен на улицу.

Становилось понятно, что она глубоко переживает нечто происходящее вовне стен этого гулкого зала, но ясно различимое в проеме окна.

Сон становился не просто любопытным. В нем присутствовала какая-то пугающая реальность, осязаемость…

Мари тоже взглянула в окно и увидела широкую мощенную брусчаткой улицу, по которой двигалась длинная череда странных телег с ажурными легковесными колесами.

В первый миг ее внимание сосредоточилось именно на повозках, и она не сразу поняла, что их тянут… люди, облаченные в темно-серую свободно ниспадающую одежду, снабженную островерхими капюшонами.

Окно с толстым стеклом не должно было пропускать звук, но Мари в этот миг явственно показалось, что в гулкое огромное помещение все же проникают скрип колес, шарканье шагов по каменной брусчатке, легкий шелест от колыхания одежд и тихие, приглушенные реплики на непонятном языке, которыми обменивались двигавшиеся по бокам обоза воины.

Дальше ее сон приобрел ирреальную и уж совершенно фантастическую окраску.

…Мощеная дорога упиралась в массивные створы ворот, по обе стороны которых вдаль убегала череда колонн, поддерживающих каменный свод, нависающий над образующими улицу строениями.

Пространство между колоннами занимали вставки из прозрачного материала, похожего на стекло толщиной приблизительно в полметра.

Может ли во сне так явственно проползать озноб по шее и затылку?

Взгляд, брошенный сквозь мутноватые овальные окна, показал ей фрагмент непонятного, неприветливого мира, основные краски которого складывались из черного, коричневого и ослепительно желтого тонов.

Близкий горизонт щерился острыми горными пиками, за которые медленно опускался раскаленный диск звезды. Тени от скал казались угольно-черными, освещенное пространство резало глаз своей ослепительной желтизной, и лишь кое-где виднелись темно-коричневые

или светло-серые пятна.

Ближайшая к окнам иззубренная стена, наверное, являлась естественной границей кратера, диаметр которого превышал несколько сот километров.

Этот вывод нашептало ее подсознание.

Обоз продолжал медленно тянуться к воротам шлюза.

Сзади, за спиной, раздались шаги. Мари вздрогнула во сне, а женщина в ее грезах машинально взглянула на часы.

Десять.

Время ежесуточного доклада.

Приблизившиеся шаги отчетливо прозвучали в сторожкой тиши огромного зала, и она начала медленно поворачиваться.

Вошедший в зал оказался высоким мужчиной средних лет, с открытым, волевым лицом. Короткая, аккуратно подстриженная бородка скрывала линию его губ, а заодно и несколько свежих, полученных совсем недавно шрамов…

Его одежду составлял матово поблескивающий доспех, пластины которого, прикрепленные к синтетической подложке, вкрадчиво шуршали при каждом движении. Поверх брони, отправляясь на доклад, он накинул темно-серый защитный костюм из очень плотной ткани, с остроконечным капюшоном и прикрепленным к левому плечу прозрачным забралом, от которого под серую ткань расстегнутой защитной накидки убегали две гофрированные трубки дыхательного аппарата.

Воин остановился в нескольких метрах от женщины. Заметив прячущийся в ее глазах печальный блеск, он чуть склонил голову, видимо, приветствуя госпожу, и произнес, отвечая на прочитанную в ее взгляде мысль:

— Коммон ло…*[1]

В этот миг Мари ощутила во сне самую настоящую панику. Звук чуждого языка внезапно резанул по натянутым нервам, но проснуться, пусть в холодном поту, но с облегченной мыслью о том, что это всего лишь грезы, она не смогла…

Образы на несколько мгновений потускнели, отдалились, а когда вернулась четкость их восприятия, то вместе с ней исчез и страх.

Она понимала и помнила этот язык!

…Уголки губ женщины дрогнули, но смутная печать во взгляде исчезла, сменившись холодной проницательностью.

— Обозы отправлены, моя госпожа, — произнес воин. — У нас нет

иного выхода, поставки реголита с поверхности должны быть возобновлены, иначе мы рискуем остаться без воды и воздуха.

Женщина кивнула, молча признавая его правоту.

Воин продолжал стоять, глядя в ее похолодевшие глаза. Формально он был обязан доложить обо всех событиях минувших локальных суток.

— Караван из Аулии не добрался до нас в течение дня. — Он говорил спокойно, без видимых эмоций. — Наблюдатели видели Сервов на склонах кратера, но они не подходили на дистанцию выстрела. Запасы воздуха и воды не пополнялись, виной тому пылевая буря, которая забила воздухозаборники и принесла с собой больше углекислоты, чем кислорода, процент которого во внешней атмосфере упал ниже десяти единиц. Облако будет стоять в границах кратера до следующего восхода.

— Ты послал людей на поиски каравана? — спросила госпожа, нарушив свое молчание.

— Нет, — ответил мужчина, слегка склонив голову. — Я отрядил всех свободных воинов для охраны уходящих обозов. Мы давно не занимались добычей минералов, и у меня нет сведений о том, какие проблемы могут возникнуть на пути десяти отправленных к старым выработкам отрядов.

Заметив, что она продолжает вопросительно смотреть на него, воин продолжил:

— Сервы больше не спят по ночам. Дозорные говорят, что это не обычные машины. Ими руководят Измененные.

Взгляд женщины непроизвольно скользнул к окну, за которым череда влекомых людьми телег уже подходила к главным шлюзовым воротам города.

— Мы ничего не можем изменить, моя госпожа, — перехватив ее взгляд, произнес воин. — Этот риск оправдан. Вы не можете себя винить в сложившихся обстоятельствах, и уверяю, это не нанесет ущерба вашей…

Он не закончил свою речь, потому что в ее глазах промелькнула досада.

— Я не претендую на непогрешимость, — заметила она. — Жизнь жестока, а эти люди исполняют свой долг, как я исполняю свой. Времена счастья канули в Лету еще до нашего рождения, и незачем сожалеть о том, чего мы не в силах изменить. Реголит необходим нам, как получаемый из него воздух, а исчезновение каравана из Аулии лишь подтверждает, что днем действовать небезопасно.

— Ночь теперь не менее опасна, моя госпожа, — спокойно заметил воин. — С тех пор как среди Сервов появились Измененные, наша жизнь становится лишь хуже. Я не знаю, чем наш город заслужил это проклятие,

но думаю, что со времен Ярости Неба мир не видел более отвратительных тварей. — В его глазах внезапно сверкнул гневный блеск. — Их нужно истреблять, — твердо заявил он, — и для этого следует объединить усилия с теми городами, которые вкусили мерзости Измененных… — Пальцы воина сжались в кулак. — Их надо настигать и истреблять, пока новый вид тварей не превратился в непреодолимую угрозу, моя госпожа…

Она кивнула, вновь отойдя к окну. Внутренние шлюзовые ворота врезанного в скальный монолит города уже были открыты, и очередной обоз полностью втянулся внутрь огромной переходной камеры.

Прощальные лучи солнца освещали близкий горизонт, окрашивая остроконечные пики кратера в ослепительную, золотистую желтизну.

— Да, — согласилась она, глядя, как дно кратера быстро погружается в чернильный мрак. — Нужно объединяться с другими городами. После возвращения обозов подготовь гонцов, я напишу письма всем правителям, включая тех, с кем мы находимся в состоянии войны. У нас появился общий враг, более опасный и жестокий, чем обычные Сервы. — Она немного помолчала, а потом вдруг добавила: — Даже более опасный и жестокий, чем мы сами, верно?..

* * *

Мобильный коммуникатор звонил, не умолкая. Его тонкая прерывистая трель звучала в замкнутом пространстве автомобильного салона тревожно и вызывающе.

Мари открыла глаза, едва ли осознавая, что слышит звонок, и в этот миг сигнал смолк, сдавленно пискнув напоследок, будто нехитрое устройство, закрепленное в специальном держателе на приборной панели, ожидало, пока она откроет глаза.

Это был сон?!

Ее тело затекло от неудобной позы, глаза болели, словно в них насыпали песку, было жарко до ощущения удушья.

Со стоном заставив работать одеревеневшие мышцы, она выпрямилась, машинально коснувшись сенсора стеклоподъемника.

За приоткрывшимся стеклом царила ночь, там по-прежнему бесновался холодный ветер, но его влажное дыхание показалось Мари таким желанным и приятным…

Нашарив рукой сигареты, она прикурила.

Раньше Мари редко запоминала свои сны, но этот стоял перед глазами, словно только что просмотренный фильм.

Коммон ло? — вспомнилась ей резанувшая слух и так сильно

испугавшая ее фраза. Что бы это могло значить?!

Она ничего не смогла придумать. Испуганная, напряженная, измотанная еще больше, чем до своего внезапного провала в мир грез, она сидела, с жадностью вдыхая влажную морось напополам со сладковатым дымом сигареты, а ее взгляд рассеянно блуждал по тьме, затаившейся за лобовым стеклом машины.

Ее жизнь была разбита вдребезги, ей снились странные сны… Взгляд Мари остановился на мобильном коммуникаторе.

Красный сигнал на нем горел крохотной рубиновой точкой.

Кто-то звонил ей, пока она спала.

Мари поняла, что ее пальцы дрожат. Пепел от сигареты столбиком упал на колени, рассыпался кучкой праха, в глазах вдруг начало двоиться от навернувшихся слез.

На ум не шло, кто мог так жестоко подшутить над ней. Рядом с рубиновым сигналом крохотной циферкой затаился номер виртуальной линии, по которой пришел вызов.

По договоренности с отцом она не давала этот номер никому, чтобы он мог вызвать ее в любое время.

Сигарета уже дотлела до самых пальцев, но она не ощутила боли. Ее глаза смотрели на коммуникатор, а в душе рос панический страх.

Ну же, — мысленно подстегнула себя Мари. — Посмотри определитель номера… Давай…

Ее рука протянулась за приспущенное боковое стекло машины, пальцы, не ощущающие боли от ожога, выронили сигарету, а глаза все так же неотрывно смотрели на цифру.

Третья линия.

Этого не может быть…

А мир, который она видела во сне, — он мог быть или нет?

Иногда легкое касание миниатюрной кнопки способно перевернуть судьбу.

Мари коснулась ее.

Номер, высветившийся на крохотном дисплее, был марсианским номером отца.

Ниже, в строке сообщений, поступающих на автоответчик, изумрудной цепочкой букв застыло единственное слово:

Прилетай.

Мари коснулась пальцами своих дрожащих губ.

Она засмеялась, хотя из глаз в этот миг брызнули слезы.

Она засмеялась, потому что отчетливо поняла: так наступает безумие.

Глава 3

Борт космического корабля «Янус-К209НТ», владелец — Корпорация «Дитрих фон Браун», Европейский Союз, порт приписки — Станция «Каллисто».

Земная орбита

— «Янус-209», говорит центр связи «Хьюстон», доброе утро…

— Доброе утро, Хьюстон. — Андрей Дибров отстегнул ремни и всплыл над креслом, одновременно дотянувшись правой рукой до скошенной приборной панели, закрепленной у «потолка» отсека. Он действовал машинально, руки сами знали, где и что нужно нажать, — сказывался многолетний опыт космоплавания.

В тишине замкнутого помещения отчетливо пискнул сигнал.

Он обежал глазами контрольные датчики и начал привычную процедуру формального доклада:

— У нас все в порядке, бортовые системы в норме. — Андрей переместил взгляд к следующей группе датчиков. — Режим телеметрии данных не нарушен. — Он ухватился за скобу, подплывая к отдельно размещенному терминалу, и взглянул на огромное голубовато-серое полушарие Земли, застывшее в перекрестье координатной сетки систем наведения следящих антенн. — Ориентация в пределе допустимых погрешностей, — завершил он свой короткий рапорт, считав цифровые значения, которые постоянно менялись в узлах пересечения изумрудно-зеленых линий.

— Вас понял, «Янус». Челночные корабли с пассажирами стартуют по расписанию. Вы готовы к приему?

— Да, Хьюстон, у нас все в порядке. — Дибров взглянул на табло бортового хроно. — Через полчаса начало процедур предстартовых проверок.

— Хорошо, «Янус». До связи через тридцать минут.

Ухватившись за специальную скобу, Андрей перевернулся относительно «пола», одновременно коснувшись свободной рукой сенсора на панели интеркома.

— Хьюго, Земля вышла на связь. Желают нам доброго утра.

В ответ раздался сухой щелчок, и затем послышался голос первого пилота:

— Долго спишь, «командный». Основной модуль уже окончил утреннюю пробежку.

— О’кей, — усмехнулся Дибров. — У нас есть тридцать минут до следующего включения. Я в секции «Альфа». Предлагаю легкий завтрак на нейтральной территории.

— Принято.

«Нейтральной территорией» на борту двухмодульного космического корабля «Янус» его экипаж, состоящий из четырех человек, в шутку называл отсеки общего пользования, расположенные между разделяемыми модулями.

* * *

Покидая командную полусферу, в которой царила невесомость, Андрей Дибров на минуту задержался в тесном переходном тамбуре, снабженном небольшим круглым иллюминатором с толстым стеклом.

Отсюда отлично просматривался длинный, скупо освещенный цепочками навигационных огней корпус «Януса». Два спускаемых модуля, похожие при таком ракурсе на огромные, тускло серебрящиеся половинки исполинской раковины моллюска, присосались к нему с двух сторон, медленно вращаясь вместе с цилиндрической базой, соединяющей двигательную и командную секции.

От этой картины на душе Диброва стало тепло и спокойно. Он знал и любил свой корабль, и «Янус» до сей поры платил ему взаимной симпатией, по крайней мере командиру казалось именно так.

Андрей попал на борт межпланетного транспорта не случайно. Два года назад ему исполнилось тридцать пять лет. Это был предельный возраст для военного флота, но капитан Дибров, уволившись в запас, быстро осознал, что жизнь на «гражданке» ему невыносима. Он не был стеснен материально, но найти занятие по душе после пятнадцати лет, проведенных на военном флоте, ему не удалось, поэтому, промаявшись два года, он сам предложил свои услуги компании космических перевозок ЕСА*,[2] которая нуждалась в тот момент в специалистах, имевших опыт полетов на «К-209», тем более что подписанный контракт не входил в противоречие с теми ограничительными обязательствами, которые он принимал на себя при увольнении в запас.

…Люк шлюзовой камеры, зашипев, отъехал в сторону.

Оттолкнувшись от края иллюминатора, Андрей вплыл в транспортную кабину и, продев кисть руки в специальную петлю, вставил подошвы летных ботинок в гнезда, которые тут же отреагировали на

касание, намертво примагнитив его обувь к полу.

Чтобы перейти из модуля невесомости на внутреннюю поверхность вращающейся части, где центробежная сила создавала имитацию 0,43g, требовалось всего лишь несколько секунд терпения.

Кабина плавно ускорилась, потом остановилась, меняя пространственное положение, и когда ее дверь автоматически отъехала в сторону, перед Андреем уже был пол коридора вращающейся части.

До приема первого челночного корабля с пассажирами оставалось еще двадцать четыре минуты.

* * *

— Привет, Хью, — войдя в отсек, Андрей протянул руку и слегка хлопнул по протянутой ладони напарника.

Майкрофт уже накрыл на стол и включил терминал бортовой сети, но пока экран оставался занят вальяжно перемещающимися фигурами так называемого «Хранителя».

— Привет, — ответил он, показав при этом свои ослепительно белые зубы. Через секунду пухлые губы Хью сомкнулись, придав эбеново-черному лицу хитроватое, но добродушное выражение.

— Скажи, Андрей, — внезапно прищурился он, спрятав веселые чертики, мелькнувшие в его зрачках, — у вас, русских, эта страсть к экзотике врожденная или вы ее приобретаете с возрастом?

— Не понял? — насторожился Дибров, зная, что Майкрофт ничего не спрашивает просто так.

— Ты ведь опять спал в невесомости, верно?

Андрей кивнул, садясь за стол и пододвигая к себе поднос с завтраком. Он не видел в этом ничего экзотичного.

— А скажи, висеть вниз головой — это специальная тренировка? — не унимался Хью.

— Не придуривайся. Ты же знаешь, что в невесомости термины «низ» и «верх» теряют свой смысл. Нет никакой разницы, в каком положении спать…

Майкрофт покачал головой, на этот раз вполне серьезно.

— Для меня есть, — со вздохом сознался он. — Только смотри, командир, медикам ни звука, особенно нашей Лори. — Он приложил палец к своим пухлым губам. — Меня начинает тошнить, когда я открываю глаза и вижу под собой опрокинутый вверх ногами пол.

Андрей усмехнулся, принимаясь за еду. Несмотря на очень тесное общение со своим напарником, он все же в некоторые моменты начинал

сомневаться, шутит Хьюго или нет…

* * *

— Добрый день, дамы и господа!

Ощутимый толчок, лязг стыковочных захватов, вибрация корпуса и долгое протяжное шипение воздуха совершенно не гармонировали с приветливым голосом, который бодро вещал из скрытых динамиков бортовой сети шаттла.

— Наш челночный корабль сообщением Земля — орбита только что благополучно завершил стыковку с межпланетным грузопассажирским лайнером «Янус», совершающим регулярные рейсы между Землей и Марсом.

За внешней обшивкой челнока раздалось гудение, потом легкий скрежет прокрался вдоль корпуса, словно по нему, любопытствуя, провел когтем неведомый монстр.

Лица пассажиров, успевших за час полета сначала испытать трехкратную перегрузку при старте, а затем вкусить двадцать минут самой настоящей невесомости, были бледны.

В основном отбывающие на Марс образовывали пары. Мужчины были в возрасте, солидно одетые, и их, как правило, сопровождали молодые привлекательные женщины, ровесницы Мари, с ужасом осматривающие предельно скромные и практичные интерьеры доставившего их на орбиту космического челнока, на котором было очень мало места, минимум комфорта и максимум выворачивающих желудок ошеломляющих ощущений. Кто катался на американских горках, тот знаком с малой толикой перегрузок, возникающих на первой стадии полета, когда челнок выкарабкивался из гравитационного колодца планеты, а те, кто прыгал с парашютом, имеют некоторое представление о второй фазе орбитальных маневров, связанных с невесомостью.

Сейчас такая молодая особа с испуганными глазами загнанной газели удивленно и неприязненно смотрела на гофрированный шланг какой-то внутренней системы челнока. Длинная кишка оторвалась от креплений еще во время старта и вот уже минут десять как плавала в невесомости, словно живая, изгибаясь в воздухе причудливой синусоидой.

— Дорогой… — Женщина повернула голову, пытаясь привлечь к себе внимание плотного, крепко сбитого мужчины, одетого в строгий деловой костюм. Мари уже обращала внимание на него, отметив, что квадратный подбородок, ранняя проседь в висках и оценивающий взгляд, которым он из-под полуприкрытых век постоянно обшаривал салон, говорили в пользу

того, что это очередной клиент корпорации «Дитрих фон Браун», решивший порвать с делами земными ради обеспеченной старости на Марсе.

Чтобы не скучать, наш начинающий старичок прихватил в качестве новоиспеченной жены любимую куклу, неприязненно подумала Мари и тут же внутренне устыдилась собственной мысли. Какое ей дело до чужих судеб?

— Дорогой! — В голосе женщины теперь просквозили плохо скрытые истеричные нотки. — Неужели нам придется жить вот так полтора месяца?!

Матерый седеющий мужчина, который хранил до этого момента невозмутимое молчание, повернул голову.

— Успокойся, — произнес он. — Это просто хреновое орбитальное такси. На «Янусе» все будет в порядке. Нас усыпят, а проснемся мы уже на подлете к Марсу…

Его пояснения были прерваны голосом вновь включившейся бортовой киберсистемы:

— Дамы и господа, процесс шлюзования окончен, всех пассажиров просим покинуть свои места и, соблюдая очередность, пройти в переходной тамбур. Далее вам следует действовать согласно инструкциям, которые передаст мой коллега с «Януса». Приятного вам полета.

* * *

За внутренним люком переходной камеры не было ни души, но, к облегчению некоторых особо впечатлительных пассажиров, тут присутствовала искусственная сила тяжести, коридор был чистым, а все коммуникации прятались за пластиковой облицовкой стен.

В конце коридора зашипел, открываясь, внутренний люк второго состыковавшегося с «Янусом» челнока, и в коридоре тут же стало тесно. Основную массу вновь прибывших также составляли дезориентированные бледные люди, впервые покинувшие урбанизированную колыбель человечества, но Мари, которой уже приходилось совершать межпланетные перелеты, не смотрела на них. Выбравшись из толкучки, она быстро прошла по короткому коридору и оказалась в центральном холле, расположенном во вращающейся части «Януса». Это было одно из немногих помещений межпланетного корабля, отданное на откуп такому понятию, как «комфорт».

Все стены данного отсека представляли собой сплошной экран, набранный из десятков плотно пригнанных друг к другу мониторов.

Изображение не было круговым, оно оказалось разбито на квадраты, по количеству внешних видеодатчиков, расположенных на обшивке «Януса».

Мари села в кресло. Она знала, что экипаж корабля немногочислен и все его члены сейчас заняты работой по плану предстартовых процедур, но вскоре кто-то из астронавтов должен подойти сюда, чтобы проинструктировать прибывших пассажиров и проводить их в отсеки сна.

Оставалось ждать, разглядывая панорамы окрестного космоса.

Внутреннее состояние Мари по-прежнему оставалось сложным. Нет ничего хуже ситуации, когда лучик надежды внезапно сверкнет средь непроглядной тьмы, осветив какую-то призрачную возможность возврата к прошлому, и тут же погаснет, оставив тебя в полнейшей горькой растерянности…

Сколько она ни размышляла над внезапным звонком и единственным словом, которое оставил абонент на автоответчике третьей виртуальной линии, прийти к какому-то определенному выводу, обрести уверенность в своих действиях и мыслях ей не удалось.

Прилетай.

Это лаконичное послание, вопреки логике и здравому смыслу, будило в ней и отчаяние, и надежду.

Никаких подробных инструкций не прилагалось, но именно так поступил бы отец в ситуации, когда у него не оставалось времени на пояснения.

Прилетай.

Это, определенно, написано в его духе.

Дело в том, что Мари, посещая Марс в прошлом, была еще совсем маленькой девочкой, но отец, занятый своими делами на производстве, вынужден был надолго оставлять ее одну, позволяя Мари гулять, ходить по немногочисленным магазинам строящегося города и осматривать скудные достопримечательности только зарождающейся марсианской культуры.

На тот случай, если они разминутся или Мари, не дай бог, заблудится среди длинной вереницы строек, у них было заранее оговорено место встречи, куда следовало подходить каждый час.

Если бы отец торопился, мысленно рассуждала Мари, или не имел возможности писать подробно и обстоятельно, то он наверняка поступил бы именно так, полностью положившись на мою сообразительность.

О том, что он мертв, Мари думала, но…

Странности человеческой психики не поддаются исчислению и описанию.

После того страшного вечера, окончившегося странным,

необъяснимым сном и столь же загадочным звонком по выделенной линии, она не хотела мириться с его смертью, хоть и видела собственными глазами мертвое тело отца. Тело, которое сегодня должны были со всеми почестями предать земле, а она не будет присутствовать на этой церемонии, не отдаст последнего долга любимому человеку, потому что нет для нее ничего более невыносимого, чем мысль о его смерти…

Она зацепилась разумом и сердцем за этот сумасшедший звонок.

Да, придя на условленное место, она станет ждать днями, может, неделями, совершенно одна на чуждой ей планете, и, возможно, ее безумная надежда умрет, но, останься она на Земле, разве это не обернулось бы верной мукой, рассчитанной на много-много лет, — жить и спрашивать себя: а что было бы, если б я откликнулась?

Ее душа, не смея мысленно обсуждать вопрос о правомочности нынешних действий, внезапно застыла в шатком ледяном равновесии.

Мари ощущала себя канатоходцем.

Легкий толчок в ту или иную сторону неизбежно вел к роковому падению в бездну, и она, предвидя это, внутренне сжалась в комок, стараясь вести и ощущать себя как заводная механическая кукла.

Слава богу, скоро в сон, подумала она, потому что понимала: ее полет на Марс с точки зрения здравого смысла — это жестокое сумасбродное безумство.

* * *

Шли томительные минуты ожидания, а в салоне, где собрались прибывшие на челночных кораблях пассажиры, еще не появился никто из экипажа.

Некоторое время Мари сидела, уставившись в пол, потом принялась разглядывать окружающих. Большинство лиц были похожи друг на друга из-за бледности, но несколько человек отличались от общей массы прибывших.

Ее внимание привлек мужчина средних лет, черты лица которого наводили на неприятные ассоциации с какой-то хищной птицей.

Одет он был неброско, так, что взгляд оскальзывался на фигуре незнакомца, не находя в его гардеробе ни одной детали, за которую можно было бы зацепиться. Если бы не его орлиный профиль да мутноватый блеск глаз, то подобная фигура наверняка сливалась бы с любым скоплением народа, превращаясь в безликую тень.

Спустя пару секунд Мари поймала себя на том, что беззастенчиво рассматривает его, испытывая при этом странное чувство необъяснимого,

идущего из глубин подсознания страха.

Ей редко приходилось кого-то бояться, жизнь в этом смысле была милостива к ней, и сейчас внезапно возникшее чувство, оказавшееся острым, щемящим, чуть ли не паническим, заставило ее вздрогнуть.

Она с трудом отвела взгляд от испугавшего ее профиля и стала смотреть на обзорные экраны, досадуя на себя за излишнюю эмоциональность.

Постепенно ее мысли успокоились, переключившись на другое. Чтобы как-то занять себя и не возвращаться при этом взглядом к напугавшему ее незнакомцу, она рассматривала изображения, предлагаемые огромными стереоскопическими мониторами, и ее мысли понемногу потекли в ином направлении. Мари задумалась о дне сегодняшнем и о тех несбыточных надеждах, которые умирали одна за другой на протяжении последних двух веков развития человечества.

На эти мысли ее натолкнула одна из сотен огромных конструкций, величественно плывущих по орбитам вокруг Земли.

Эта станция была по своей форме похожа на колониальный транспорт «Европа» — первый космический корабль, воплотивший в своих конструкциях межзвездные технологии, но так и не стартовавший за пределы Солнечной системы.

Отец показывал ей «Европу» в телескоп, когда они подлетали к Марсу. Неудавшийся колониальный транспорт дрейфовал в точке своего затянувшегося на долгие годы старта, за поясом астероидов, так и не дождавшись первых пассажиров.

Френк Лаймер называл законсервированный колониальный транспорт памятником несбывшихся надежд человечества.

Действительно, думала она, глядя на схожий с «Европой», но гораздо меньший по размерам октаэдр орбитальной станции «Каллисто», — мы все любим мечтать, приукрашивая грубую реальность надеждой на будущее.

Ярким примером такой надежды могли бы стать люди, платившие в конце двадцатого — начале двадцать первого века солидные деньги за то, чтобы быть замороженными в жидком азоте. Эти мечтатели надеялись, что наука вскоре достигнет таких вершин, когда их запросто смогут вывести из подобного состояния, излечить все старческие недуги или, более того, подарить новые тела, трансплантировав в них сохранившийся в жидком азоте мозг.

Прекрасная надежда…

Более мягкой формой той самой веры в неограниченные возможности науки было стремление большинства фантастов расселить людей по всей

Галактике, пользуясь туманными принципами «аномалий космоса». Приятно верить, что придет день, и кто-то гениальный вдруг отменит теорию относительности, мы прыгнем за барьер скорости света, и…

Увы, этот барьер непреодолим. Жестокое разочарование после стольких лет надежды…

Отец однажды объяснил Мари, почему столь долго откладываемый старт «Европы» так и не состоялся, с досадой оговорившись при этом, что освоение космоса должно быть делом общечеловеческим, а отдавать его на откуп финансовым группам, таким, например, как «Дитрих фон Браун» — корпорации, преследующей свои узкие материальные интересы, — значит, обречь саму идею великой экспансии людей в Галактику на прозябание и моральную смерть.

Злые языки утверждали, что старту «Европы» помешал провал всех испытаний, связанных с крионическими исследованиями. Идея о том, что процессы метаболизма в человеческом организме можно замедлять в десятки тысяч раз, делая сон похожим на временную смерть, действительно продемонстрировала свою полную несостоятельность, но скончался проект по иной, более прозаической причине — оказалось, что на перенаселенной Земле не так много энтузиастов, согласных прожить свою жизнь в тесных отсеках космического корабля ради того, чтобы их правнуки достигли звезд. Крионика, на которую возлагалось так много утопических надежд, не смогла предоставить в распоряжение проектировщиков «Европы» функциональной модели криогенной камеры, а когда идея сверхглубокого сна рухнула, выяснилось, что дураков намного меньше, чем то пыталась преподнести реклама. Большинство людей хотели жить именно здесь и сейчас, а комплектовать экипаж «Европы» из согласных на все деградировавших элементов городских трущоб, естественно, не было смысла…

— Доброе утро, дамы и господа, — нарушил течение ее мыслей незнакомый голос.

Мари подняла голову.

На пороге отсека стояли мужчина и женщина.

— Я командир космического корабля «Янус», Андрей Николаевич Дибров. Это, — он обернулся к своей спутнице, — наш навигатор и специалист по системам сна Джоана Лори. Механизмы шаттлов уже закончили разгрузку вашего багажа, так что, — он сделал приглашающий жест в сторону открывшегося межсекционного люка, — прошу следовать за мной в отсек для пассажиров.

Еще один коридор привел нестройную толпу людей, которые еще не

освоились с низкой гравитацией, в длинное узкое помещение, сразу же напомнившее Мари морг.

Неприятный холодок пробежал по ее спине. Она уже дважды совершала подобные путешествия и была знакома с системами сна, но потрясения последних дней наложили неизгладимый отпечаток на ее сознание.

— Господа, прошу каждого найти камеру со своим именем на информационном табло и встать напротив. — Дибров отдавал распоряжения со спокойной вежливостью, без лишних эмоций и ненужных пояснений, которые большинство пассажиров попросту бы не поняли.

Когда толкотня в проходе прекратилась, Мари, оглядевшись, поняла, что ее ячейка — крайняя в ряду. Дальше особняком были расположены еще четыре камеры сна, на табло которых светилась одна и та же надпись: «Для экипажа».

— Господа, наш полет к Марсу продлится тридцать семь стандартных земных суток, — произнес Дибров, медленно продвигаясь по проходу. — Маневрирование в космосе, ускорение и торможение — процессы долгие и утомительные. Все маневры сопровождаются неприятными для нетренированного человека перегрузками либо полным исчезновением силы тяжести. — Он развернулся в конце прохода, скользнув взглядом по Мари, и пошел обратно, продолжая свои пояснения: — Как вы успели заметить, современный космический корабль хоть и обладает внушительными размерами, но по своему комфорту очень далек от тех авиалайнеров, которые осуществляют транспортные перевозки в пределах земной атмосферы. Большая часть места на борту отдана различному оборудованию, силовым установкам, системам жизнеобеспечения, навигации и так далее, оставляя людям очень малое пространство, поэтому вы все будете спать в ячейках-капсулах.

— Извините, а это опасно? — задала вопрос та самая женщина, на которую Мари обратила внимание еще в челноке.

— Нет, это не опасно, — спокойно ответил Дибров. — Процедура проверенная, и, чтобы рассеять ваши сомнения, могу сообщить, что сон на борту «Януса» не имеет ничего общего с дурно зарекомендовавшими себя процессами замораживания. Можете не беспокоиться — это обычный сон, поддерживаемый специальными препаратами. Вы просто избавитесь от неприятных ощущений, от скуки полета и тесноты отсеков. Путешествие покажется вам быстрым и приятным. Часть экипажа будет спать тут же, потому что мы несем вахту посменно.

— А нас будут кормить?

— Обязательно. Процесс питания осуществляется внутривенно. Вы ведь проходили на Земле медицинскую комиссию? — Он остановился напротив задавшей вопрос женщины.

— Да, конечно… — нервничая все больше и больше, ответила она.

— Обратите внимание на мониторы контроля. На каждом обозначены имя и фамилия пассажира. Данные медицинского освидетельствования каждого из вас введены в бортовой компьютер, и автоматика будет поддерживать оптимальный режим жизнеобеспечения, сообразуясь с рекомендациями обследовавших вас на Земле врачей. Уверяю, беспокоиться не о чем, ваш сон будет глубоким, здоровым и приятным.

После его слов в отсеке наступила гулкая тишина, в которой отчетливо был слышен звук работы каких-то расположенных за переборками агрегатов.

— Если вопросов больше нет, то могу лишь пожелать всем приятного полета и хороших сновидений, — произнес Дибров, выдержав паузу. — Сейчас с потолка опустятся пластиковые перегородки, чтобы вы могли раздеться, не стесняясь присутствия друг друга, и наш специалист займется каждым из вас индивидуально.

Едва он закончил говорить, как с потолка отсека с тонким визгом начали опускаться матовые ширмы, а прозрачные колпаки горизонтальных камер, расположенных по обе стороны от центрального прохода, медленно поднялись вверх, открывая пластиковые ложа, имеющие выемки, соответствующие форме человеческого тела.

Полет к Марсу начался.

Скорее бы, — подумала Мари.

Ей хотелось погрузиться в пучину сна и не думать ни о чем.

Часть 2 ГРАНЬ РЕАЛЬНОСТИ

Глава 4

Борт космического корабля «Янус».

Спустя сутки после старта с околоземной орбиты…

Час назад «Янус» закончил маневр ориентации и сейчас набирал маршевое ускорение.

Земля уже превратилась в горошину и вскоре должна была стать всего лишь одной из миллиардов звездочек на экранах внешнего обзора.

В период околопланетных маневров основная нагрузка падает на командира корабля и первого пилота, поэтому, после того как корабль ляжет на рассчитанный курс и начнется фаза полуавтоматического полета, они первыми получают право на сон.

Дибров и Майкрофт шли по коридору вращающейся части «Януса».

— Неплохо сработали, — произнес Хью, продолжая начатый незадолго до этого разговор.

Андрей кивнул в ответ — маневр ориентации действительно прошел без осложнений, и теперь корабль разгонялся, следуя траектории сближения с Марсом.

Последующие две недели они с Майкрофтом будут спать. Когда корабль достигнет определенной точки пространства, бодрствующие члены экипажа — Джоана Лори и Валентин Суханов, оставшиеся нести вахту, — разбудят их, а сами уйдут в сон, но всего лишь на неделю.

Они с Хьюго за это время должны будут изменить пространственную ориентацию «Януса», развернув корабль кормой к планете назначения, и подготовить все системы к началу маневра постепенного торможения. Совершив эти ответственные операции, Майкрофт с Дибровым опять на две недели погрузятся в сон, чтобы проснуться уже в непосредственной близости от Марса. Маневры окончательного торможения и выхода на околопланетную орбиту снова потребуют всей отдачи сил от командира и пилота, именно поэтому полетный график смен был составлен таким образом.

…Тихо зашипев пневматикой, отворился герметичный межсекционный люк, и Дибров с Майкрофтом вошли в отсек гибернации*.[3]

Андрей по привычке огляделся. Камеры, в которых находились пассажиры «Януса», образовывали две цепочки, располагаясь по обе

стороны прохода. Изнутри ячеек пробивался мягкий голубоватый свет, сигналы на индикационных панелях сплетали знакомый глазу успокаивающий узор, свидетельствующий о штатной работе систем жизнеобеспечения.

Он прошел к зарезервированным для членов экипажа ячейкам и коснулся сенсора активации на крайней из них. Прозрачный пластиковый колпак начал с ноющим визгом подниматься, открывая ложе, покрытое упругим пористым материалом.

Майкрофт уже раздевался, подпрыгивая на одной ноге подле своей ячейки. Рост и могучее телосложение Хьюго создавали ему множество мелких неудобств в тесноте корабельных отсеков, превращая обычное раздевание в комичный акробатический номер.

Дибров начал расстегивать ворот полетной униформы. Его усталый, рассеянный взгляд упал на консоль автоматической системы поддержания жизни крайней к нему камеры сна, и он вдруг заметил, что среди обычного узора зеленых огней прячется несколько желтых индикационных сигналов.

В принципе, ничего страшного, но не в привычке командира было оставлять без внимания любое замеченное отклонение в работе бортовых систем. Вернувшись на несколько шагов назад по центральному проходу, он посмотрел на показания датчиков.

Желтые сигналы предупреждали о повышенной эмоциональной активности спящей в ячейке молодой девушки. Ее тело казалось расслабленным, но мозг, очевидно, был возбужден и реагировал на введенные в кровь препараты не так глубоко, как предписывалось, — об этом явно свидетельствовали постоянные колебания электромагнитного поля, которое, как известно, генерирует нервные клетки коры головного мозга в результате протекающих в них процессов биоэлектрической активности.

Вероятно, ей снились кошмары.

Дибров посмотрел на ее осунувшееся лицо, покачал головой и несколькими переключениями перенастроил систему на более глубокий сон.

Спустя пару минут желтые искры индикаторов погасли, сменившись на зеленый узор сигналов.

Майкрофт уже разделся и теперь устраивался на своем ложе.

— Спокойных снов, Хью, — пожелал ему Дибров.

— Тебе также, командир, — ответил пилот. Колпак его камеры начал медленно опускаться.

* * *

Засыпая, Андрей не ощущал ни страха, ни дискомфорта, ни тем более какого-то предчувствия. Сутки постоянного маневрирования изрядно утомили его, а дисциплинированная психика не допускала досужих мыслей перед отходом ко сну.

Тихо чавкнул пневмоуплотнитель камеры, вспыхнул рассеянный голубой свет, Дибров закрыл глаза, ощущая легкое покалывание в тех местах, где под кожу впились иглы микроинъекторов.

Он не видел, что в этот момент на терминале соседней с ним камеры вновь вспыхнули желтые огни. Увеличенная им доза препарата оказалась недостаточной для того, чтобы девушка уснула глубоко и спокойно. Реакция ее мозга была прямо противоположной — напряженность колебаний электромагнитного поля, которое излучали возбужденные участки серого вещества, еще более усилилась.

Через некоторое время незримая аура, для которой не существовало материальных преград, увеличилась в диаметре пропорционально возрастающему напряжению.

Дибров уже находился под воздействием вводимых в кровь препаратов и не мог видеть, как на консоли управления его камерой также вспыхнули сигналы желтого цвета.

Поле, излучаемое мозгом Мари, вошло в резонанс с его собственными электромагнитными эманациями, усиливая их.

* * *

…Закат был долгим и стылым.

Ослепительный шар солнца медленно стекал за иззубренную линию скал. Там, где его лучи встречали препятствие, на дно кратера ложились длинные угольно-черные тени с четкими, будто отрезанными ножом краями.

Небо над головой казалось темно-фиолетовым и бездонным. Ни единого облака, ни перистой полосы — ничего, лишь мириады ярких, колючих, почти немигающих звезд да растущий серп огромного бело-голубого диска, чей отраженный свет в этот час уже начинал соперничать с лучами закатного солнца.

Наступало время Горячих Камней.

Андрею страстно захотелось проснуться, но сон, усиленный вводимыми в кровь препаратами, был слишком глубок, и волевого усилия явно не хватало, чтобы осознанно вырваться из него…

Кайл… Его звали Кайл…

Андрей еще успел мысленно удивиться тому факту, что ощущает себя вполне комфортно в чужом теле…

Постепенно мысли Андрея Диброва истончились, а потом и вовсе погасли.

Его сознанием полностью завладел этот странный, кошмарный мир.

…Кайл не впервые покидал город и потому смотрел на картины окружающего мира со здоровым равнодушием. Тащить телегу было не тяжело, но нудно и, чтобы не сбиться с шага, приходилось сосредоточивать взгляд на какой-то конкретной точке рельефа.

На этот раз он выбрал огромный островерхий валун, видневшийся над гребнем кратерного склона. Ярко освещенный закатными лучами солнца, он был виден издалека и сиял, как маленький маяк.

На самом деле рельеф Нового Селена*[4] обманчив. Не все видится таким, каким является на самом деле. Кайл поначалу путался, но потом привык и теперь уже не удивлялся, когда обнаруживал, что ориентир, на который смотришь по нескольку часов кряду, на поверку оказывается не отколотой глыбой породы, а вершиной следующей горы, отдаленной на десятки километров от гребня кольцевой возвышенности.

Обоз только что покинул шлюзовые ворота города и теперь медленно тянулся по старой дороге, покрытие которой, занесенное пылью, мелкими камнями и оплавленными шлаковыми фрагментами вулканических извержений, уже едва угадывалось в быстро сгущающейся тьме.

Кайл поправил веревку, к которой была привязана невнятно громыхающая сзади телега. Он не испытывал особых неудобств от тех физических усилий, какие приходилось прилагать, чтобы тащить свою ношу. Мудрые учителя, которые пытались в свое время вбить в голову юноши немного знаний об окружающей его жизни и природе существующих явлений, рассказывали о каком-то ином мире, где жили их предки, и о генетическом наследии этого мира, но Кайл вынес из сложных объяснений лишь один доступный его пониманию факт: мышцы его тела, оказывается, сформированы для иных условий тяготения и потому необычайно сильны…

Пока он размышлял таким бесхитростным образом, глубокие черные тени постепенно затопили все дно кратера. Со стороны могло показаться, что языки тьмы осязаемы: они ползут, сливаясь друг с другом, поглощая детали рельефа и грозя затопить своей чернью все окружающее пространство.

Солнце вот уже несколько минут как закатилось за линию скал, однако абсолютного, непроглядного мрака на дне кратера не наступило.

Чем темнее становилось вокруг, тем ярче сиял в небесах бело-голубой серп Владыки Ночи. Его отраженный свет соперничал с тьмой, вытачивая из нее смутные очертания каменных глыб, контуры утесов и пологие ступени застывших лавовых лестниц.

Огни оставленного позади города светились еще ярче.

Если остановиться и оглянуться, то можно различить, что город врезан в толщу скалы. Его фронтальная часть походила на узкую щель, разделенную на ярко освещенные овальные сегменты, которые бесконечной чередой протянулись по обе стороны от входа в шлюз. Главные шлюзовые ворота города были обозначены цепочкой голубых огней, да еще несколько искр сияло на мрачных утесах, которые образовывали свод поселения, предохраняя его от превратностей протекающих на Селене процессов.

Стоило взглянуть себе под ноги на обезображенную, покрытую шлаком и реголитным гравием поверхность, усеянную мелкими кратерами, как становилось понятно, что каменный козырек, нависающий над городом, не дань каким-то страхам или суевериям, а вполне реальная необходимость.

В подтверждение этих мыслей бездонные почерневшие небеса Нового Селена внезапно прорезал ослепительный огненный росчерк.

Закат солнца только что завершился — огненная макушка ослепительного диска несколько минут назад окончательно скрылась за пиками окаймляющей кратер возвышенности, а разреженный воздух уже стыл жутким холодом ночи, и очередной цикл природных коллизий вступал в свои права, медленно, но неумолимо меняя облик каменной пустыни.

На дне кратера властвовала ночь, но за его пределами солнечные лучи еще освещали поверхность. Обратная сторона скал держала тепло, а тут, в закольцованной ими котловине, температура резко начала падать, и поэтому первые порывы послезакатного ветра, зародившись легким дуновением, быстро окрепли и рванулись вдоль склонов скалистого вала, подметая редкие каменистые плато и закручиваясь в ущельях скоротечными, бешеными смерчами.

Внезапно в картину нарождающейся ночной бури ворвалось нечто иное, не менее страшное и стремительное, чем шквальный ветер, но гораздо более разрушительное. Разреженный воздух, помутневший, наполненный поднятыми ветром клубами мелкой бурой пыли, раскололся басовитым, надсадным воем, и в ночные краски Нового Селена вновь

вплелась ярчайшая вспышка, прочертившая фиолетово-черные небеса длинным огненным следом. Окрестные скалы потряс титанический удар, сопровождаемый дождем раскаленных осколков. Острая вершина одного из пиков вдруг, прямо на глазах остановившихся людей, надломилась и рухнула в пропасть, сотрясая окрестности многократным эхом обвалов.

Но это было лишь началом, короткой прелюдией перед захлестнувшим кратер огненным дождем. Падучие звезды вдруг обрушились потоком, наполняя разреженную атмосферу заунывным воем, озаряя окрестности сполохами взрывов и оставляя в скалах дымящиеся конические воронки…

Для Кайла, имевшего очень слабые познания в астрономии, это был обычный, ничем не примечательный послезакатный катаклизм, похожий на сотни других, которые из века в век переживал этот участок кратера, постепенно разрушаясь и меняя свой облик под напором бездушных стихий.

Для него наступило Время Горячих Камней — опасные, полные непредсказуемых коллизий первые ночные сутки.

Солнце зашло и появится над горизонтом только через четырнадцать стандартных городских дней. Ночь будет властвовать над Новым Селеном, покрывая скалы инеем, и там, где некоторое время назад путнику угрожала всеистребляющая жара, от которой разогревались и лопались камни, теперь грозила такая же верная смерть от лютого холода.

Новый Селен являлся миром резких контрастов, и жизнь, некогда процветавшая тут, век за веком покидала его, уступая место температурным аномалиям и зловещим пейзажам лавовых пустынь.

* * *

Во главе посланного на сбор реголита обоза шли трое воинов. Когда почерневшие небеса прорезались первыми огненными росчерками падучих звезд, старший из воинов остановился, властно подняв руку.

Кричать на поверхности Нового Селена бесполезно: во-первых, лицо скрыто прозрачным забралом защитной дыхательной маски, а во-вторых, воздух вокруг столь разрежен, что все звуки кажутся ватными, приглушенными, долетающими издалека, поэтому у воинов, путешественников и торговцев в ходу немой язык жестов.

Рука, поднятая вверх, остановила обоз, затем, когда раскаленные, падающие с небес каменные глыбы высекли из безжизненного дна кратера первые фонтаны мгновенно плавящейся от столкновения породы, воин быстро сориентировался и указал на небольшой прямоугольный выступ

скалы, расположенный метрах в трехстах от запорошенной пылью дороги.

Участники ночного похода, сломав строй, бегом кинулись в указанном направлении, слепо доверяя своему предводителю.

Вообще-то понятие «бег» было здесь не совсем уместно. Это слово пришло из старого языка, где оно обозначало несколько иной вид передвижения.

Побросав веревки и телеги, два десятка человек устремились к выступу, совершая длинные прыжки, каждый из которых покрывал пять-семь метров пространства. Воины, которых было человек десять, действовали более спокойно: отталкиваясь от каменистого дна кратера, они скользили над самой поверхностью особым, боевым шагом, покрывая при этом не более двух-трех метров за один скользящий прыжок. Такой способ передвижения не так быстр, но имеет свои неоспоримые преимущества. Человек, использующий боевой шаг, почти не теряет контакт с поверхностью, как, например, запаниковавший простолюдин, бросивший свою телегу и взмывающий вверх в неизбывном страхе перед разбушевавшейся стихией.

За те несколько минут, пока воины и рабочие бежали к указанному укрытию, огненный шквал не стал слабее. Ослепительные фонтаны локальных извержений били по всей площади кратера, освещая сумеречную каменистую равнину, пятная ее вишневыми язвами новорожденных углублений, от которых по ветру тянулся желтовато-сизый удушливый дымок.

Воины, замыкавшие бегство, не сломали строй и подошли к укрытию, когда остальные уже забились внутрь унылой рукотворной пещеры, в которой кто-то прорезал глазницы входов и оконных проемов.

Старый воин, возглавлявший обоз, на секунду задержался, окинув взглядом пещеру, и усмехнулся в ответ своим мыслям.

Странными существами были наши предки, подумал он, делая шаг в спасительную черноту. Интересно, они и вправду жили тут, или все эти ученые просто лгут, чтобы оправдать вдыхаемый ими попусту воздух?

Точного ответа на свой вопрос воин не знал, да и не очень ломал голову над ним. Его жизненный интерес простирался в другом, более практичном и жестоком направлении, чем история темных веков.

* * *

Вбежав внутрь покинутого тысячелетия тому назад здания, Кайл сделал еще несколько коротких, семенящих шагов, чтобы погасить инерцию, и остановился в кромешной тьме.

Было жутковато.

Твердый пол под ногами ощутимо колебался, передавая удары падучих звезд, вязкая тьма, в которой слышалось приглушенное масками тяжелое дыхание людей, облепила его со всех сторон.

Наконец кто-то из воинов догадался вытащить флюоресцирующий шар светильника, в котором ютились светящиеся существа размером с булавочную головку. Их были тысячи, и живая масса внутри шара находилась в постоянном хаотичном движении.

Воин открыл специальную крышечку и бросил в шар щепоть сухого корма. Рой светящихся существ взвихрился, принимая подачку, и вокруг разлилось зеленоватое сияние, осветившее даже дальние углы длинной прямоугольной комнаты, пол которой был покрыт толстым слоем реголитной пыли.

Кайл с любопытством огляделся.

Когда-то, вне сомнений, это было богатое жилище, о чем свидетельствовали остатки красивой облицовки, сохранившиеся на одной из стен. Сводчатый потолок помещения оканчивался круговым проемом, через него виднелось черное небо и одинокая звезда, то и дело затмеваемая фрагментами пылевых облаков, которые гнал рассвирепевший ветер.

Отверстие предназначалось для солнечного камня — прозрачного кристалла кварца, призванного собирать в пучок лучи дневного светила. В каменный свод Селенограда тоже было вправлено несколько солнечных камней, настолько больших, что подходить к ним днем было опасно, и столбы сфокусированной кристаллами солнечной энергии за несколько сот метров ограждали специальными заслонками-ширмами.

Этот, судя по всему, был невелик и обслуживал только одно здание. В полу, как раз под отверстием, сохранилось устье вертикального колодца, по которому собранный солнечный свет должен был попадать в подвал, где им питались машины, дающие тепло и приводящие в движение различные механизмы.

Все это Кайл знал лишь понаслышке. Жизнь в городе была трудна и не располагала к углубленному познанию всех сторон бытия. Про солнечные камни и уходящие под землю столбы сфокусированного ими света знал любой, кто имел глаза и хоть чуточку здорового любопытства, а вот что происходило с собранным светом впоследствии и как при его помощи можно было из мертвого, собранного на поверхности камня получить воду и кислород, ведали лишь единицы из многотысячного населения города.

Быть инженером означало прежде всего приблизиться к неким

тайнам, которые вели прямо на вершину городской власти, и эти должности, а также связанные с ними древние знания сохранялись в строжайшей тайне и передавались, как правило, по наследству.

Пока Кайл озирался по сторонам, старший воин, которого звали Роган, жестом отозвал в сторону двух своих наиболее испытанных соратников. Подойдя к оконному проему, через выбитую глазницу которого ясно просматривалось освещаемое магматическими фонтанами дно кратера, он склонил голову, и двое его подчиненных повторили этот жест командира. Соприкоснувшись лицевыми масками, они получили возможность говорить друг с другом.

— Что ты думаешь по поводу бури, Дарнинг? — спросил старший, глазами указав на зловещую панораму окрестностей.

— Сейчас идти дальше нельзя, но, по приметам, огненный дождь не будет долгим. Вспышки идут на убыль.

Взгляд Рогана остановился на втором воине.

— Что думаешь ты, Варлай?

— За одним огненным дождем может сразу же прийти второй, куда более сильный. Небеса обманчивы. Этот дождь скоро закончится, тут я согласен с Дарнингом, но следует выждать какое-то время, прежде чем выводить обоз из укрытия.

— А Измененные и Сервы? — Командир продолжал испытующе смотреть то на одного воина, то на второго.

— Что Сервы, что Измененные состоят из материи, — резонно напомнил ему Варлай. — Они не бесплотные духи, а удар раскаленного камня одинаково смертелен для всех видов поднебесных тварей. Вряд ли они станут шататься и выискивать жертвы в такую погоду.

Роган едва заметно кивнул.

— Согласен, — наконец произнес он. — Именно поэтому мы не станем сидеть тут и дожидаться, пока Владыка Ночи прекратит свои забавы. Выводите людей наружу, пусть впрягаются в телеги. Если кто будет упираться, подбодрите хорошим пинком. Все. За дело. Нашему городу нужно дышать, и мы раздобудем воздушный камень во что бы то ни стало.

* * *

На выходе из древнего здания возникла заминка. Один из городских жителей, впервые отряженный на ночной сбор реголита и напуганный сейчас более остальных, вдруг уперся, не желая покидать убежище. На фоне освещенного вспышками прямоугольного проема было отчетливо видно, как несчастный вцепился обеими руками в его края и дико завопил

от неизбывного ужаса перед бушующей снаружи стихией, но сопровождавшие обоз воины были неумолимы. Получив недвусмысленный приказ командира, они действовали жестоко, быстро и эффективно. Оторвав руки упирающегося горожанина от опоры, они попросту вышвырнули его наружу.

Человек в сером мешковатом защитном балахоне упал, но тут же вскочил. Искаженные черты его лица скрывала прозрачная маска, на которую ложился сложный, змеящийся узор ярких бликов от близких извержений, но по судорожным поворотам головы нетрудно было догадаться, что несчастный озирается по сторонам в диком ужасе.

Кайл вышел из здания сам, без принуждения. Он не был опытным путешественником и тоже испытывал безотчетный страх перед силами ночного неба. В некоторые моменты, когда какой-нибудь раскаленный болид пронзал разреженную атмосферу совсем рядом, так что становился слышен тонкий свист и зловещее шипение, юноша непроизвольно втягивал голову в плечи, а его сердце болезненно замирало, сжимаясь в трепещущий комочек…

Удар, рывок почвы под ногами, ослепительный фонтан магмы, вскипающий в месте соприкосновения небесного камня с пустынным дном кратера, капельки холодного пота, щекотливо сбегающие между лопаток, — все это сливалось в единое ощущение жуткой, красочной безысходности…

Высокий воин, оказавшийся позади, схватил замешкавшегося Кайла за плечи и подтолкнул вперед, недвусмысленным жестом указав на брошенные веревки, распластавшиеся по пыльной дороге у ближайшей телеги.

«Впрягайся», — говорил его жест.

Через несколько минут обоз кое-как собрался в упорядоченную группу и двинулся в прежнем направлении — к сумеречному горному валу, замыкающему в кольцо пространство кратера…

* * *

Ровно сутки потребовались небольшому отряду, чтобы преодолеть образующую стены кратера кольцевую возвышенность. После сумбурной перестановки во время огненного дождя, когда каждый хватал первую попавшуюся под руки веревку, напарником Кайла оказался тот самый горожанин, которого воинам пришлось силой выталкивать из укрытия.

Первое время, пока с небес продолжали низвергаться раскаленные камни, они, пыхтя, тянули свою ношу, непроизвольно втягивая головы в

плечи при каждом близком разрыве, но потом, когда огненный дождь пошел на убыль и всем стало понятно, что главная опасность уже позади, люди несколько приободрились…

Через час, когда они преодолели засыпанный пеплом участок карабкающейся вверх по склону старой дороги, Роган объявил короткий, пятиминутный привал.

Напарник Кайла тяжело осел на покрытую бесплодным щебнем поверхность и застыл, обхватив руками плечи. Глядя, как он сидит, чуть раскачиваясь из стороны в сторону, Кайл понял, что тот все еще находится во власти пережитого ужаса. Подсев поближе, юноша соприкоснулся своей маской с его прозрачным забралом и увидел, что под серым защитным балахоном скрывается бледный как мел, пухлощекий, уже облысевший мужчина лет сорока от роду.

Его посиневшие губы мелко тряслись, глаза казались выцветшими и мутными.

— Как тебя зовут? — спросил Кайл, высвободив изо рта мундштук дыхательного аппарата и позволяя воздушной смеси наполнить пространство под островерхим капюшоном.

— С-сорг, — судорожно сглотнув, выдавил тот. Кайлу было противно смотреть на его мелко трясущиеся губы, но он поборол брезгливость, понимая, что сам затеял этот разговор.

— Ты что, ни разу не был снаружи? — Взгляд юноши остановился на лысине Сорга, по бокам которой у висков топорщились пучки тронутых проседью волос.

— Нет… — выдавил тот. — Никогда.

В принципе, такое было возможно, население города насчитывало несколько десятков тысяч человек, и наружу в обычные времена ходили скорее добровольно, чем принудительно, но в последние месяцы начало твориться что-то неладное. Караваны из других кратеров приходили все реже, чаще теряясь в пути, чем достигая конечной цели, и город начал ощущать острую нехватку минералов с поверхности, которые власти обычно импортировали, продавая взамен продовольствие из огромных оранжерей. Ночная вылазка за реголитом являлась мерой вынужденной, необычной, и городская стража, судя по всему, хватала кого ни попадя, лишь бы набрать нужное количество работяг для десяти отправляющихся в разные стороны обозов.

— Я всю жизнь торговал едой на улице Старых Законов, — признался Сорг. — Они схватили меня, когда я возвращался домой. Это несправедливо. Я ведь исправно плачу налоги, почему меня хватают и

засовывают в этот балахон?!..

Кайл не ответил ему. Во-первых, юноша не знал тех сложностей, которые подвигнули городское руководство на быстрые и непопулярные меры, а во-вторых, он недолюбливал людей, постоянно сетующих на жизнь.

— Холодно… — стуча зубами, пожаловался Сорг и тут же добавил: — Вот погоди, вернемся назад, мой отец устроит трепку этим стражникам. Он смотритель воздуховода нашей улицы и может обойтись с ними подобающим образом.

Кайл молча отодвинулся.

Действительно было холодно, а разговаривать дальше не хотелось. Он отвернулся и обратил взгляд на панораму окрестностей.

В черных небесах царили мириады ярких звезд. Голубой, испятнанный белесыми разводами серп холодного ночного светила висел над самым горизонтом, пугая своей близостью. Кайлу казалось, что если долго и пристально смотреть на огромный ущербный диск, то на его поверхности можно различить смутный рисунок каких-то контуров.

От таких мыслей в памяти вдруг всплыли обрывочные воспоминания, которые относились к недолгой школьной поре.

…Детство у Кайла было трудным. Своих родителей он не знал. Такое не редкость в самых низших слоях общества, где социальные связи непрочны, а союзы носят временный и эгоистичный характер.

Город, в котором вырос Кайл, строился в иные, лучшие времена. Его современное пространство оказалось чрезмерно большим для существующего населения, и поэтому обжитых районов было всего три, а всю остальную площадь под каменным козырьком занимали кварталы давно покинутых, медленно разрушающихся зданий.

Там и родился Кайл. По крайней мере, его первые осознанные детские воспоминания относятся именно к такому разоренному, ввергнутому в хаос району, где среди остовов давно покинутых зданий жили в основном мелкие грызуны, бродячие скварги*[5] да редкие люди из числа опустившихся до полной нищеты.

Лет до десяти-двенадцати мальчик рос абсолютно диким образом. Он с трудом говорил, вел себя, как зверек, питался чем попало, не брезгуя четвероногими обитателями подземных коммуникаций города, которые зачастую являлись основным блюдом его рациона.

Конец такой жизни положил патруль, совершавший обход заброшенных городских территорий. Кайл в то время имел свои понятия о

комфорте и уюте — он вовсе не желал, чтобы его куда-либо забирали из хорошо знакомых, обжитых руин, но начальник городской стражи рассудил по-своему. Уже много позже Кайл узнал, что правительница их города издала в тот период специальный указ, обязывающий патрулей отлавливать бездомных детей и отвозить их в специально организованные приюты.

Следующий отрезок жизни Кайла длиной в семь стандартных городских лет походил на медленное прозрение.

Мир, оказывается, не ограничивался грязными, замусоренными руинами давно заброшенного квартала. Мальчик научился не только правильно говорить и не дичиться других людей, но с грехом пополам еще читать и писать, что в определенный момент показалось его учителям чуть ли не чудом, — ведь оборвыш, когда его привели в приют, был вполне сформированным жизнью зверенышем, едва выговаривающим несколько бранных слов.

…Мысли Кайла прервал толчок в плечо.

Он поднял голову и увидел воина, который указывал ему на телегу и распластанную рядом веревку, давая понять, что короткий отдых окончен.

Вздохнув, он поймал губами патрубок дыхательного аппарата и покорно встал. В отличие от своего напарника, он не видел ничего зазорного или неправильного в том, чтобы тянуть эту телегу через перевал, ведь в конце концов полученным из особого сорта реголита воздухом будут дышать все, в том числе и он сам, но как хотелось двадцатилетнему юноше оказаться на этих мрачных перевалах, озаренных голубоватым светом ущербного диска иной планеты, не как тягловому рабочему, а как вольному исследователю, искателю приключений, который ничем не связан и может отправиться в любую сторону, куда угодно, сам выбирая свой путь.

Кайл еще не знал, что спустя некоторое время он будет со смертной тоской вспоминать эту самую веревку и телегу на ажурных колесах с тонкими спицами, которая невнятно громыхала за спиной, подскакивая на камнях, и воинов, идущих по бокам обоза, и даже своего неприятного напарника с его глупыми обидами и мелко дрожащими губами…

* * *

По ту сторону окольцовывающих кратер гор тянулись все такие же унылые, безжизненные ландшафты.

Небольшой обоз спускался руслом давно исчезнувшей реки. Кайл никогда бы не поверил, что раньше по поверхности Нового Селена могла спокойно течь вода, если бы не встречал на своем пути такие вот яркие, живые свидетельства процветавшей тут некогда жизни.

Однажды он даже видел деревья.

…Это случилось во время его второго выхода за шлюзовые ворота города. Кайл в ту пору заканчивал обязательную для всех городских жителей школу первой ступени. Ему уже исполнилось семнадцать лет, и он ощущал себя вполне взрослым человеком.

Однажды вечером в комнату, где Кайл жил с девятью своими сверстниками, вошел учитель. Этого пожилого сухопарого человека по имени Домг Кайл обещал себе помнить всю жизнь. На этот раз добрый старик был чем-то крайне возбужден.

— Собирайтесь, сегодня нам не придется спать! — азартно заявил он, пробудив самый непосредственный интерес обитателей комнаты. — Люди из охраны прибывшего каравана сообщили мне, что видели неподалеку от города холмик особой формы. Я думаю, что это ископаемый лед, который не растаял из-за того, что занесен толстым слоем реголита. Мы возьмем лопаты и попробуем добраться до него. Я уже получил разрешение на выход из города. Живее, мальчики, собирайтесь, если мы выйдем немедля, то успеем исследовать холм до захода солнца.

— А если там и вправду лед? — спросил у учителя Кайл.

— Тогда мы сможем гордиться сделанным открытием, — потрепав его по голове, произнес Домг. — Во-первых, вода жизненно необходима всем нам, а лед — это и есть вода, только в иной физической форме, а во-вторых, замерзший ледник может содержать в себе остатки древней жизни, которая, как я вам рассказывал, процветала на Новом Селене много тысячелетий тому назад, еще до Ярости Неба.

Во время той прогулки Кайл и увидел деревья.

Под полутораметровым слоем реголита действительно скрывался ледяной панцирь, и в него были вморожены странные почерневшие образования, похожие на скелеты фантастических существ со множеством рук.

Когда ученики закончили копать, старый преподаватель поднялся на край ямы и сдернул чехол с принесенного с собой предмета. Им оказался серебристый прямоугольный лист какого-то металла — скорее всего, фрагмент обшивки или защитного кожуха, снятый с разрушенного временем механизма.

Никто не успел поинтересоваться, зачем учитель прихватил с собой этот лист. Домг посмотрел на сползающее за близкий горизонт солнце и повернул свое нехитрое приспособление так, чтобы лучи, отраженные им, упали на дно ямы.

Зрелище, открывшееся глазам, потрясло Кайла до глубины души.

Толща льда была слоистой и мутной, но все равно свет проник метра на три в глубину и в стороны, вырвав из тьмы фрагмент прошлого: почерневшее дерево с корявыми ветвями, похожими на руки, черный трупик птицы у его основания, пару пожухлых, скорчившихся листьев, чудом сохранившихся на кончиках самых тонких ветвей…

Пока Кайл завороженно смотрел на этот ледяной стоп-кадр из невероятного прошлого, поверхность льда, на которую падали отраженные от металлического листа солнечные лучи, вдруг стала мутной и подернулась паром, извергавшимся из образующихся прямо на глазах ноздреватых пор.

Учитель отвернул лист и снова накрыл его матерчатым чехлом.

— Забросайте поверхность льда тонким слоем реголита, — приказал он ученикам. — Когда наступит ночь и станет холодно, сюда придут рабочие, чтобы разрезать лед на куски и транспортировать в город. Я попрошу тех, кто станет этим заниматься, добыть для нас дерево.

Старый Домг сдержал свое слово, и почерневший корявый ствол, обработанный специальным укрепляющим составом, занял свое место в вестибюле школьного здания.

Как давно это было, подумал Кайл, волоча телегу.

Три года назад, почти сразу после той памятной экскурсии, он покинул школу, начав самостоятельную жизнь.

Мнимая свобода, о которой он втайне мечтал, оказалась не такой уж сладкой и заманчивой, как представлялось ему из стен школьного здания. Статус гражданина и начальная ступень образования еще не гарантировали ему получение работы. Городские власти обеспечивали жителей воздухом и водой, а остальное каждый добывал сам как мог.

Конечно, как и любой мальчишка, Кайл мечтал стать воином — сильным и независимым, но реальность опять внесла в жизнь свои коррективы. С грехом пополам ему удалось пристроиться на работу при шлюзовых воротах. Сначала он толкал ворот, который приводил в движение огромные створы, затем его старания были отмечены, и юношу стали изредка брать на обход внешнего городского периметра, где по указке старшего он выполнял наиболее тяжелые работы. Иногда приходилось ликвидировать последствия утренних и вечерних оползней, когда из-за резкого перепада температур скалы трескались и осыпались грудами острых камней, но чаще всего в таких инспекционных обходах надо было латать уплотнители на стыке оправленных в металлические рамы тройных стекол и каменных столбов, поддерживающих по периметру нависающий над городом скальный свод. Трудность этой работы заключалась в том, что

ремонт рассыхающихся уплотнений требовал ловкости и быстроты, приходилось освобождать руки от толстых, неуклюжих перчаток защитного костюма, а температура вне городских стен не отличалась милосердием — днем рамы нагревались так, что об них запросто можно было обжечься, а ночью материал уплотнений трещал от мороза…

Так что, в отличие от Сорга, Кайл не находил вылазку за реголитом какой-то карой, наказанием свыше, — наоборот, он радовался, что монотонное течение будней наконец нарушено и он может повидать мир, лежащий вне стен кратера.

…Во время следующего привала Сорг сам подсел к нему.

Кайл подумал, что он сейчас опять начнет брюзжать и жаловаться на жизнь, но ошибся.

Торговец едой извлек из-под своего защитного балахона прихваченный из дома сухой брикет и, разломив его пополам, протянул кусок концентрата Кайлу.

Обычно при выходе за городские стены для принятия пищи и короткого сна приходилось раскидывать палатку, герметичные стенки которой удерживали пригодный для дыхания воздух, но Кайл по личному опыту знал, что наскоро перекусить можно и так. Воздух снаружи был разрежен, холоден и ядовит, но если действовать быстро и стараться не вдыхать при этом, то все обойдется. Он взял предложенный кусок пищевого концентрата, быстрым заученным движением распустил шнуровку островерхого капюшона и, не отстегивая прозрачной маски мягкого лицевого забрала, резко приподнял всю защищающую голову конструкцию. Крепко зажмурившись, он сунул в рот кусок брикета и стал быстро затягивать шнурок, позволяя воздушной смеси из патрубка свободно изливаться под капюшон, вытесняя непригодную для дыхания атмосферу.

Брикет оказался восхитительным, со вкусовыми добавками. Кайл несколько секунд блаженно смаковал еду, затем открыл глаза и увидел, что Сорг сидит на корточках, напряженно глядя на него.

В этот момент до Кайла наконец дошло, что уличный торговец поделился с ним куском лакомства не от чистого сердца, а из практических соображений. Сорг не имел опыта еды, вне городских стен, а подходить за советом к воинам побоялся — припрятанную им еду вполне могли реквизировать для нужд всех участников обоза.

То, что его использовали как подопытного грызуна, не очень задело Кайла. Трудная жизнь впроголодь научила его философски смотреть на многие вещи.

Ну? — взглядом подбодрил он Сорга, — давай, чего же ты ждешь?

Торговец оглянулся. Воины собрались в группу неподалеку и что-то пытливо высматривали вдали, остальные рабочие расположились попарно, каждый у своей телеги. Опасаться, что его увидят и отнимут еду, было нечего, и Сорг взялся за завязки капюшона.

Нужно заметить, что, мысленно называя окружающую атмосферу ядовитой, Кайл был не совсем точен в определениях. Воздушная среда Нового Селена не являлась агрессивным химическим соединением, просто она была очень разрежена и содержала слишком низкий процент кислорода, чтобы обеспечивать потребности живого организма. По-настоящему серьезную опасность представлял царящий снаружи жуткий холод, но Сорг мог только догадываться об этом. По его мнению, главную опасность представлял именно отравленный воздух. Он надул щеки, стараясь удержать в легких как можно больше воздуха, и непослушными от переживаний пальцами, затянутыми к тому же в толстый, многослойный материал перчаток, начал неуклюже развязывать шнурок, стягивающий горловину мягкого колпака-шлема.

Кайл едва не прыснул со смеху, глядя, как тот возится с элементарными завязками. Вдоволь насладившись этим зрелищем, он решил помочь, потому что такими темпами Сорг успел бы разве что обморозиться.

Протянув руки, Кайл быстро и ловко распустил скользящий узел, но Сорг, видимо, уже не хотел есть — было нетрудно заметить, как его трясет. Лицо торговца опять позеленело, и вместо того, чтобы крепко зажмуриться, он широко вылупил глаза, панически сжав губы и надувая щеки.

Кайл понял: поднять колпак — значит обморозить ему слизистую глаз. Безнадежно махнув рукой, он вновь затянул завязки на горловине мягкого шлема и жестом показал Соргу: можешь выдохнуть, иначе лопнешь…

Вот такая она, жизнь вне города, подумал он, заметив, что воины возвращаются к телегам, поднимая рабочих. Короткий привал окончен, снова пора отправляться в путь, и времени на вторую попытку заглотить вожделенный кусок концентрата у Сорга уже не осталось, да и, судя по выражению его лица, он уже совершенно не хотел есть…

* * *

За спуском с горного перевала простиралась бескрайняя равнина, похожая на застывшее каменное море.

Отряд продолжал движение по хорошо заметному руслу древней

реки. На очередном пятиминутном привале Кайл подошел с вопросом к одному из охранявших обоз воинов. Соприкоснувшись шлемами с фигурой в безликом защитном одеянии, он понял, что перед ним Роган, и хотел было отшатнуться, но старый воин, заметив, что в глазах юноши любопытство борется с замешательством, ободряюще подмигнул:

— Спрашивай, чего тебе?

— Долго еще идти? — выпалил Кайл.

Роган, видимо, был в хорошем расположении духа.

— Нет, — ответил он. — Скоро уже будем на месте.

Воздушный камень, по его словам, раньше добывали открытым способом, прямо с поверхности, но теперь его запасы истощились, и им придется спускаться в огромную яму-карьер, который расположен сразу за кладбищем Сервов.

Последние слова сильно озадачили и взбудоражили Кайла. Он не успел больше ничего спросить — воин счел, что уделил достаточно времени любознательному юноше, и отошел в сторону, давая понять, что разговор окончен, а Кайлу пора браться за привязанную к телеге веревку.

Через минуту отряд снова двинулся в путь.

Череда унылых скал, отвесно вздымающихся по обе стороны проточенной водой дороги, более не казалась такой однообразной, как раньше, словно слова старого воина изменили саму реальность, придав ей некий зловещий оттенок.

Кладбище Сервов, мысленно повторял Кайл, неустанно озираясь по сторонам. В этом словосочетании сквозила настоящая жуть, ведь не было на Новом Селене созданий более опасных и злобных, чем Сервы и Измененные.

В результате Кайл несколько раз споткнулся, но даже резко натянувшаяся веревка и ощущение боли в плече не смогли вернуть его внимание к дороге. Взбудораженное воображение юноши не давало ему покоя, рисуя такие картины, от которых озноб драл по коже.

Заметив, что Сорг неодобрительно косится в его сторону, Кайл попытался все же сосредоточиться на дороге, но куда там — взгляд то и дело поднимался вверх, обшаривая сумеречные силуэты скал, за которыми могла таиться любая мыслимая опасность.

Легче от этого, конечно, не становилось.

Окружающие ландшафты могли лишь усугубить любое неосознанное беспокойство. Вокруг стояла мертвая тишь. Разреженная атмосфера плохо проводит звук, а мягкий остроконечный защитный шлем и вовсе гасит все проявления внешнего мира, так что Кайл, сколько ни напрягался, мог

слышать лишь свое собственное участившееся дыхание.

Раскинувшаяся впереди равнина, кое-где испятнанная окружностями небольших кратеров, была в этот час освещена призрачным голубым светом Владыки Ночи, чей ущербный диск находился за спиной путников.

От скал, между которыми петляло русло давно исчезнувшей реки, протянулись глубокие черные тени, в небесах сияли миллиарды ярких звезд, весь мир казался застывшим, статичным, уснувшим или же замерзшим навек.

…Кладбище Сервов, о котором упоминал воин, появилось неожиданно. Обоз уже спустился с перевала и вступил в пологие предгорья. Русло реки, по которому они следовали на протяжении многих часов, стало шире и удобнее для ходьбы. Когда-то вода унесла со своего пути большинство мелких препятствий, отложив по берегам толстый слой спрессованной реголитной пыли.

Впереди появилась излучина, образованная выступом причудливо разрушенных скал. Русло круто поворачивало вбок, обтекая препятствие.

Передовой дозор, состоявший из двух воинов, уже исчез за громоздящимися друг на друге глыбами камня.

Русло в этом месте сужалось. Оно стало глубже, приобретая на некоторых участках вид ущелья, — видно, вода в свое время немало потрудилась, пробивая себе путь вниз, через внезапно вставшее поперек течения препятствие.

Роган предупреждающе поднял руку, и обоз остановился.

Прошло несколько томительных минут, пока из-за поворота не появился воин головного дозора. Он сделал жест, означавший, что все в порядке, и люди, впряженные в телеги, вновь натянули веревки.

Картина, открывшаяся взгляду сразу за поворотом древнего русла, потрясала.

Кайл невольно остановился. Сорг, который смотрел себе под ноги, а не глазел по сторонам, продолжал по инерции двигаться вперед, веревка, привязанная к телеге натянулась, и он едва не упал, взмахнув руками, чтобы удержать равновесие.

Впрочем, Кайл был не единственным, кто остановился, не в силах двигаться дальше. Справа и слева от него также останавливались телеги, люди отпускали веревки и вскидывали головы.

Когда-то давно, вырвавшись из каменной теснины, река разливалась тут, затопляя огромное пространство, отмеченное сейчас толстым слоем спрессованной водяными потоками коричневато-желтой пыли. На этом месте и располагалось кладбище Сервов.

Кайл попытался, но не смог вообразить себе, как это было на самом деле. Во-первых, он никогда не видел открытых водных пространств, и понятие «река» связывалось в его сознании с удобным для передвижения руслом давно исчезнувшей водной артерии. Во-вторых, даже если бы ему удалось напрячь воображение и представить, как огромные массы воды превращались тут из бурного пенистого горного потока в мутную от взвеси речную гладь, то объяснить присутствие в ней Сервов не сумел бы и самый изощренный ум.

Кайл никогда не мог предположить, что Сервы имеют такие исполинские размеры. Он стоял и потрясенно смотрел, как голубоватый свет Владыки Ночи ползет змеистыми бликами по потускневшим остовам давно погибших чудовищ, самое скромное из которых раза в три превышало человеческий рост.

Нижнюю часть погибших исполинов покрывал окаменевший речной ил, но и видимые, торчащие наружу фрагменты серебрящихся скелетов впечатляли до дрожи.

…Выждав несколько минут и убедившись, что никто из рабочих не кинулся прочь, потеряв голову от внезапного зрелища, воины, для которых панорама кладбища была не нова, начали наводить порядок, подкрепляя свои распоряжения легкими тумаками и жестами.

Наконец, когда всеобщий столбняк прошел и порядок был восстановлен, обоз медленно двинулся дальше.

Идти пришлось все в том же направлении, двигаясь между застывшими, вросшими в речное дно скелетами.

Атмосфера была жуткой, близкой к взрыву истеричной паники, поэтому воины взяли обоз в кольцо, чтобы вовремя перехватить того из рабочих, у кого окончательно сдадут нервы.

Кайл чувствовал себя не уютнее других, но все же спустя некоторое время любопытство опять пересилило страх и он снова начал озираться по сторонам, пытаясь впитать глазами как можно больше подробностей окружающего ландшафта.

Первый вывод, который он сделал, когда взгляд свыкся с тусклым мерцанием металлических конструкций, был прост: Сервы находились тут очень много лет. Об этом свидетельствовало множество доступных пониманию юноши деталей: часть конструкций была оплавлена и поломана, русло реки покрывали конические шрамы от ударов небесных камней, а между страшными остовами древних обитателей Нового Селена вилась хорошо укатанная дорога — след от прохождения караванов.

Часть металлических конструкций, которые воспаленное воображение

с легкостью дорисовывало до формы огромных костей, не входила в какие-то конкретные скелеты, а была разбросана вокруг в не поддающемся систематизации беспорядке. Проходя мимо таких нагромождений, Кайл заметил, что некоторые из этих фрагментов попросту сломаны. На их погнутых торцах была хорошо различима серебристая структура не выдержавшего критической нагрузки металла.

Это наблюдение навело Кайла на очередную паническую мысль: значит, не все Сервы-исполины погибли, ведь кто-то должен был причинить эти разрушения древним скелетам, выламывая из них огромные фрагменты?

Замешательство и страх юноши можно было понять. Самый большой Серв, рассказ о котором ему приходилось слышать, не превышал полуторного человеческого роста и, конечно, не мог причинить те разрушения, которые сейчас наблюдал Кайл. Основной же размер злобных и сильных кратерных чудовищ, активных днем и засыпающих ночью, обычно варьировался от половины до полутора метров, причем крупные экземпляры встречались крайне редко.

Все эти сведения были почерпнуты Кайлом из случайно подслушанных разговоров охраны шлюзовых ворот, сам юноша еще не имел опыта личных встреч с извечными врагами всего живого…

* * *

Кладбище Сервов казалось бесконечным. Отряд двигался по нему уже не один час, и новизна восприятия постепенно притупилась, люди перестали озираться по сторонам в страхе, что на них сейчас навалятся все чудовища поднебесного мира, а волей-неволей вновь сосредоточились на физических усилиях, лишь воины, образовавшие кольцо вокруг обоза, не теряли бдительности, внимательно глядя по сторонам.

Наконец впереди появилось обширное черное пятно правильной прямоугольной формы. Оно лежало чуть в стороне от русла реки, края которого уже практически сравнялись с окружающим ландшафтом. Еще через несколько минут стало ясно, что темное пятно — это углубление, явно сделанное человеческими руками.

Карьер, догадался Кайл, вспомнив недавний разговор с Роганом.

От высохшего русла древней реки к прямоугольной выработке вела хорошо сохранившаяся дорога. Кайл удивился, заметив, что кладбище Сервов не закончилось в границах русла, а продолжается. Полузасыпанные реголитным гравием и вездесущей пылью остовы древних машин возвышались и вдоль дороги, и по краю карьера, а несколько угловатых

чудовищ необычного вида застыли прямо на пологом спуске, уводящем вниз, в чернильную тень глубокого разреза.

Роган остановил обоз на границе рассеянного света, источаемого ущербным диском Владыки Ночи, и густой, вязкой тьмы, царящей в каждом мало-мальски значительном углублении.

Что-то беспокоило старого воина. Из-за бесформенности, мешковатости защитной одежды трудно было судить о позе человека, но Кайлу показалось, что Роган напряженно вглядывается в однообразную, унылую даль застывшего навек лавового моря, простирающегося от кольцевых гор родного кратера до близкого горизонта.

Непонятно, что могло насторожить его, ведь скупо освещенный ландшафт казался абсолютно одинаковым, лишь одинокая скала, торчащая приблизительно в километре от пологого спуска в карьер, немного разнообразила унылый пейзаж, отбрасывая на каменную равнину резко очерченную длинную тень.

Видимо, она и привлекла пристальное внимание Рогана. Он сделал выразительный жест, и шестеро воинов тут же отделились от отряда, присоединившись к командиру. Трое оставшихся проводили взглядом удалявшихся по направлению к одинокой скале товарищей и принялись наводить порядок среди остановившихся рабочих, по привычке побросавших веревки там, где их застала внезапная остановка.

Подчиняясь выразительному приказу, Кайл нехотя подобрал веревочную упряжь и поволок телегу на указанное место. Юноша устал, но не физически, а морально. Чувство оказалось для него новым и неприятным. Попытавшись разобраться, что же вызывает в его душе это глухое раздражение, Кайл вдруг понял, что виной всему тишина.

Усталость мышц от долгой ходьбы, болезненный след от веревки на плече, периодически обостряющееся чувство голода, потребность терпеть с отправлением физиологических нужд организма — все эти неудобства блекли перед тем моральным дискомфортом, который испытывала психика человека, впервые совершающего долгое путешествие по Новому Селену.

Волоча телегу на указанное воином место, Кайл продолжал злиться. Лучше бы он не задумывался над причинами своего неосознанного раздражения, потому что, выяснив его источник, он сделал себе лишь хуже.

То же самое должны были испытывать и другие участники этой экспедиции за реголитом, большинство из которых являлись людьми случайными, мало подготовленными к долгим переходам по безжизненным пространствам внешнего мира.

Кайл остановился, и веревочная упряжь тут же сползла с его плеча в

пыль дороги. Он представил себе долгий путь назад, бесконечные часы наедине с самим собой, когда единственным звуком будет собственное тяжелое дыхание, и ему стало тоскливо. Несколько суток назад, покидая шлюзовые ворота города, он радовался возможности путешествовать, с жадностью впитывал картины мертвых ландшафтов, мысленно посмеивался над Сортом, считая, что общение с одутловатым уличным торговцем недостойно будущего воина, а теперь он смотрел на все совсем иными глазами.

Повернув голову, Кайл отыскал взглядом фигуру своего напарника, сгорбившегося подле телеги, и пошел к нему не в силах побороть эту внутреннюю потребность: прижаться лицевым щитком забрала к его шлему, увидеть осунувшееся человеческое лицо и просто поговорить.

…Кайл так и не преодолел те несколько метров, что отделяли его от присевшей на корточки сгорбленной фигуры уличного торговца.

Что-то случилось вокруг, обостренные долгим переходом чувства буквально взвыли об этом, когда среди телег сразу во многих местах возникло суетливое движение человеческих тел.

Гробовая тишина только усилила мгновенный приступ панического страха, ощущение непоправимости… Кайл резко обернулся и увидел их — исчадий, которых научился бояться и ненавидеть задолго до того, как впервые прошел сквозь шлюзовые ворота города во внешний мир.

* * *

Они появились внезапно, словно их породила угольно-черная тень, протянувшаяся от одинокой, застывшей среди твердого лавового моря скалы.

Очевидно, там они и прятались все это время, наблюдая за тем, как обоз приближается к пологому спуску в карьер.

Первыми в поле зрения появились Сервы. Их было не меньше двух десятков, и двигались они обычным для механических созданий способом: длинными, точно рассчитанными прыжками. Их тонкие, кажущиеся хрупкими конечности на самом деле являлись полыми конструкциями, чрезвычайно легкими и прочными. Со стороны казалось, что ниже шарнирного сустава конечность Серва состоит из двух входящих одна в другую трубок. Используя энергию заключенного внутри этой раздвижной конструкции механизма, они подпрыгивали высоко вверх, покрывая при этом десять-пятнадцать метров пространства, и приземлялись, поднимая легкие облачка реголитной пыли. При этом можно было отчетливо различить, как нижняя часть их конечностей укорачивается, трубки входят

одна в другую, сжимая и изготавливая к новому прыжку невидимые глазу пружины.

Воины, двигавшиеся к скале, остановились.

За время перехода Кайл уже научился отличать Рогана и двух его ближайших помощников от остальной охраны по мелким деталям защитной экипировки.

Вокруг панически разбегались люди, отчаянно жестикулировал пытавшийся унять их Варлай, а Кайла словно приморозило к месту, он стоял, не шелохнувшись, как вкопанный и расширенными от ужаса глазами смотрел на появившихся из тени скалы существ.

Эти картины навек останутся в его памяти.

Вязкая ватная тишина, голубой призрачный свет Владыки Ночи, играющий злыми бликами на ажурных конечностях Сервов, матовый отсвет сверкнувшего клинка, который обнажил Роган, жестами отдавая приказы воинам, черная прямоугольная пасть наполненного вязкой тьмой карьера и желтоватый язык сбегающей вниз дороги…

Косая тень одинокой скалы. Искаженное ужасом лицо Сорга, промелькнувшее за лицевым забралом, его водянистые глаза, полные покорного ожидания смерти, перекошенный в крике рот, похожий на черную яму, длинная синусоида брошенной веревки, бессильно распластавшейся в пыли, замеченный краем глаза жест Варлая, приказывающий рабочим перевернуть телеги, образуя из них баррикаду, и фигурки людей, не внемлющих никаким жестам или приказам, удирающих назад, к древнему руслу и кладбищу Сервов, — все это промелькнуло перед глазами остолбеневшего Кайла, и он понял: все, наступил их смертный час, потому что вслед за Сервами из глубокой тени скалы выступили хорошо узнаваемые силуэты Измененных.

Вид этих тварей, бывших когда-то людьми, заставил Кайла очнуться от наваждения, вырвал его из состояния болезненного ступора. Подчиняясь внезапному порыву, он кинулся не назад, а вперед. Варлай, отчаявшись получить помощь от разбегающихся рабочих, сам схватился за край телеги. Кайл подскочил к нему и добавил свое усилие, помогая воину перевернуть телегу, потом следующую, пока три повозки не образовали подобие укрытия.

Варлай схватил лопату из приготовленного инвентаря и воткнул ее глубоко в рыхлый реголит, подперев черенком только что поставленную на попа повозку. Кайл мгновенно понял, что хочет от него воин, и кивнул, торопливо отвязывая от борта телеги связку заготовленного для сбора реголита инструмента.

Все происходило очень быстро. Пока Кайл укреплял баррикаду, ставя подпорки, Варлай опустился на одно колено, достав из-за спины прямоугольный футляр, открыл его, обнаружив внутри заботливо упакованный, блестящий смазкой, разобранный на части механизм. Несколько точных, заученных движений — и металлические пластины встали на свои места, превращаясь в громоздкое, но эффективное метательное оружие.

Взглянув в щель между телегами, Варлай достал из футляра несколько металлических стрел и воткнул их в грунт у своего колена, чтобы можно было быстро хватать их одну за другой.

Кайл в этот момент поставил последнюю, укрепляющую заграждение подпорку и смог наконец обратить внимание на происходящее вокруг.

Дрожа от перевозбуждения и страха, он выглянул поверх сооруженной баррикады.

Схватку на поверхности Нового Селена трудно описать, пользуясь обычной терминологией. По какой-то непонятной пока Кайлу прихоти не то природных, не то высших сил, человеческие мускулы ничуть не уступали механическим приводам Сервов, и в этом смысле ни одна из противоборствующих сторон не получала явного преимущества. Ажурный металл Сервов гнулся и корежился под ударами с той же легкостью, с какой рвалась человеческая плоть.

Суровая реальность современности Нового Селена не знала иных способов противостояния, кроме жестокой рукопашной схватки. Кайл, вцепившийся в край телеги в жутком, заледенелом страхе перед неумолимостью надвигающихся событий, не подозревал в тот миг, как много ему придется мучительно узнавать, прежде чем удастся объяснить хотя бы один самый мелкий и заурядный эпизод этой самой реальности.

Десять воинов могли защитить обоз от двух десятков внезапно появившихся Сервов, тем более что последние являлись не самыми крупными и смертоносными представителями своего вида, но за сворой механических созданий двигались Измененные, и это сводило к нулю все шансы на благополучное развитие событий.

Роган и его воины прекрасно отдавали себе отчет в этом. Заметив, что за их спинами выросла баррикада из трех перевернутых телег, они начали медленно отступать.

Группа Сервов из десяти особей внезапно взвилась вверх, совершая прыжок. Заключенные внутри их полых конечностей пружинные механизмы разрядились, толкнув паукообразные блестящие тела вверх и вперед.

Расчет механических тварей был, как всегда, точен. Кайл понятия не имел, какого сорта разумом обладают эти существа и каким образом им удается так верно учитывать все особенности окружающей среды, но любое движение Серва всегда заключало в себе строгий, заранее просчитанный смысл. Эти существа ничего не делали наугад, вот и сейчас, взвившись высоко вверх, они обрушились прямо на головы отступающим к баррикаде воинам.

Только Роган да находящийся по правую руку от него Дарнинг смогли уклониться. Оба они не раз встречались с Сервами и сейчас, не сговариваясь, выполнили один и тот же прием: стремительным вращением гибких тел ушли назад и вбок, прочертив у себя над головами гудящий на низких, басовитых нотах смертельный круг остро отточенными длинными клинками.

Другим воинам пришлось туго. Кто-то пытался повторить маневр старых опытных бойцов, но его неточное выполнение или дрогнувшая рука приводили к непоправимым последствиям. Кайл сжался, увидев, как один из Сервов обрушился на ближайшую к нему фигуру, даже разреженная атмосфера смогла донести до его слуха слабый клацающий звук, вслед за которым во все стороны брызнула кровь.

Тело воина мешком оседало на землю, его отсеченная рука, все еще сжимавшая оружие, несколько раз конвульсивно дернулась, щедро пятная кровью желтоватую пыль, а Серв уже потерял всякий интерес к искалеченному человеку и, быстро перебирая длинными конечностями, ринулся прямо на Кайла.

Миг был ужасным.

Юноша оцепенел. Он вдруг понял, что не в состоянии что-либо предпринять — его ноги ослабели, приросли к рыхлому грунту, в груди внезапно разлился парализующий холод безысходности, кирка, которую он сжимал во вспотевших ладонях, начала выламываться из непослушных, вмиг одеревеневших пальцев под собственным смехотворным весом, и только расширенные глаза продолжали жить на лице Кайла, впитывая все подробности несущейся на него смерти…

Серв приближался. Его испятнанные кровью конечности двигались попарно, при касании грунта было видно, как полые трубки вдавливаются одна в другую, и тут же незримая сила выстреливала их в исходное положение, что порождало новый толчок и скользящий шаг.

Кайл больше не воспринимал течение времени. Ему казалось, что мир вокруг застыл, а Серв движется нарочито медленно, чтобы он успел перед смертью разглядеть его поблескивающие конечности и заключенное между

ними продолговатое яйцеобразное туловище с маленькими, матово отсвечивающими глазками, оправленными в конические, смятые гофром гнезда, чтобы понял сжавшийся в ледяной комок человечек, что время плоти на Новом Селене давно минуло и живым нет места в этой реальности, где властвует холод и не подверженный его воздействию металл…

Наваждение кончилось, сгинуло так же внезапно, как началось.

Кайл прятался за телегой, но в последний миг не выдержал и попятился. Серв, который несся на преграду, увидел наконец человека, прыгнул, целя вытянутыми конечностями прямо в лицо юноши, но в последний миг что-то метнулось ему наперерез, раздался хруст, и Кайл, у которого ужас обострил до предела все чувства, боковым зрением успел заметить, что это Варлай разрядил свое оружие с убийственно короткой дистанции, пробив металлической стрелой яйцеобразное тело Серва, и уже тянется за новым воткнутым в рыхлый грунт метательным снарядом, свободной рукой взводя пружину оружия, но дальше…

Дальше Кайл ощутил дикую, ни с чем не сравнимую боль, пронзившую сразу оба плеча, опрокинувшую его на спину, затмившую кровавой дымкой весь мир.

Он падал, опрокидываясь назад, не понимая, что это убитый Варлаем Серв по инерции врезался в намеченную жертву и боль в плечах происходит от того, что вытянутые в прыжке конечности механического создания пробили ткань защитного костюма, пронзили плоть и пригвоздили его собственное вмиг обмякшее тело к рыхлому грунту Селена…

От боли и страха сознание Кайла истончилось и погасло.

* * *

Разум вернулся к нему вспышкой всепоглощающей боли.

Перед глазами Кайла плавала чернота, расцвеченная болезненными сполохами цветных искр.

Вокруг по-прежнему царила ватная, глухая тишина.

Долгое время он не ощущал своего тела, не воспринимал ничего, кроме боли, черноты и собственного ужаса.

Потом ощущения стали медленно изменяться. В какой-то миг этого затянувшегося безвременья боль, которая просто присутствовала в сознании, никак не обозначая ни границ раны, ни каких-то иных, связанных с плотью ответных реакций, начала притупляться.

Кайл по-прежнему не ощущал себя, не мог пошевелиться.

Потом вовне что-то произошло.

Толчок. Он явственно ощутил толчок и понял, что кто-то теребит его ногу.

Страх вспыхнул с новой силой, и это обостренное чувство позволило ему вернуть себе власть над телом. Ощущение реальности обрушилось на него не менее болезненно, чем опрокинувший навзничь удар Серва, пронзенного стрелой Варлая…

Сквозь черноту просветило что-то розоватое, и Кайл внезапно понял, что его глаза закрыты и он воспринимает свет, пробивающийся сквозь плотно смеженные веки.

Он непроизвольно напрягся — скорее в силу того ужаса, который уже начинал пожирать его разум, нежели от осознанного желания каких-то действий.

Слипшиеся веки обожгло резью, и в глаза ударил неяркий, рассеянный свет Владыки Ночи.

Ущербный диск, который, как мгновенно вспомнилось Кайлу, висел позади баррикады, теперь ярко освещал безжизненную равнину, необъяснимым образом превратившись в полный шар с заметным даже невооруженным глазом объемом.

Кайл вдруг отчетливо вспомнил последние секунды перед беспамятством, и новая волна панического страха захлестнула его. Он конвульсивно дернулся всем телом, ожидая ощутить массу придавившего его Серва, но почувствовал лишь скольжение каких-то обломков по одежде да еще услышал тихий, вкрадчивый шорох, какой издает струящийся песок.

Все эти непонятные чувства, помноженные на растущий страх, заставили его сделать несколько необдуманных резких движений, в результате которых Кайл сел, озираясь по сторонам.

Тот факт, что он остался жив, в первый момент меньше всего занимал окончательно очнувшегося юношу.

Глаза Кайла были прикованы к одной точке: он увидел Варлая.

Воин сидел, боком привалившись к покореженной, опрокинутой кверху колесами телеге. Его грудь была прорублена чудовищной силы ударом и представляла собой сплошную рану, покрытую черной запекшейся кровью. Рядом валялся кусок сломанного клинка, чуть поодаль, поджав тонкие суставчатые лапы, неподвижно застыл изуродованный Серв.

Парализованный этим уничтожающим разум зрелищем, Кайл, тихонько подвывая, инстинктивно отполз назад.

Можно понять состояние юноши, который впервые столкнулся лицом к лицу с насильственной смертью. Одно дело слушать героические

рассказы шлюзовой стражи о доблести воинов и жестоких схватках на краю окольцовывающих кратер гор, а другое — смотреть на человека, с которым совсем недавно шел, преодолевая десятки километров пустынной поверхности, и понимать, что он мертв.

Кайл не выдержал.

Волна горечи, возникшая где-то внутри, вдруг накатилась на него удушливым спазмом, из глаз брызнули слезы, прокладывая по щекам щекотливые дорожки, губы задрожали, наверное, также некрасиво и противно, как раньше у Сорга…

Как ни странно, но от вырвавшихся слез Кайлу стало легче. Конечно, сосущая, холодная пустота, поселившаяся в груди, никуда не исчезла, но острота чувств притупилась, эмоции стали не такими резкими.

Стараясь не смотреть на Варлая, он попытался привстать, ухватившись рукой за край опрокинутой телеги.

Это ему удалось, и перед взглядом юноши открылось все окружающее пространство начиная от пологого спуска в карьер до ярко освещенного Владыкой Ночи безбрежного простора лавовой пустыни.

Все это время, помимо остальных, терзающих душу чувств, Кайл подспудно ощущал некое смутное беспокойство, и вот теперь, оглядевшись, он вдруг отчетливо понял, что его воспоминания никак не хотят укладываться в картину реальности.

Разбросанные тут и там тела, перевернутые телеги, брошенный инвентарь, сломанное оружие, серебрящиеся останки поверженных Сервов — все это выглядело жуткими, но понятными свидетельствами драмы, развивавшейся тут уже после того, как он потерял сознание от удара и боли. Но что случилось с Владыкой Ночи и куда подевался тот Серв, что пригвоздил его к грунту своими вытянутыми вперед конечностями?

Кайл медленно, повернул голову, опасливо покосившись на свое плечо, и…

Защитный костюм был пробит в районе обоих плеч и щедро пропитан кровью. В глубоких ранах серебрились куски конечностей Серва, которые непонятная сила отломила — или отгрызла? — у границы плоти.

Кайлу вдруг стало дурно. Он медленно повернул голову к другому плечу, холодея от ужаса, и увидел ту же самую картину: пробитая ткань, напитанная давно засохшей кровью, и матовое серебряное поблескивание в глубине раны…

Великий Селен, ЧТО СО МНОЙ СЛУЧИЛОСЬ?!

От этой мысли и мгновенной панической догадки его разум вдруг помутился, и Кайл вторично потерял сознание, не выдержав той

отвратительной правды, которая буквально кричала о себе, матово отсвечивая в глубине открытых ран…

Его настигло изменение…

* * *

Последующие события плохо сохранились в его памяти.

Разум отказывался служить ему. Кайл то приходил в себя, то вновь терял сознание от страха, отвращения и сотрясающей тело лихорадки.

Из-за этого полубредового состояния юноша не мог ответить самому себе, сколько времени он брел по бесконечному застывшему лавовому морю?

Ориентироваться не было никакой возможности. После того как вершины гор скрылись за близким горизонтом, Кайл потерял не только чувство времени, но и направления. Окружающие ландшафты, куда ни глянь, казались одинаковыми, да он и не пытался запомнить какие-то особые ориентиры. Ему было все равно, куда идти, потому что Измененному нет места среди людей.

Я проклят… Отвержен…

Но я жив?!

Эта мысль все настойчивее стучалась в его сознание, заставляя безумие временно отступить. Цепкий страх понемногу отпустил его горло, а на смену страху пришло глухое отчаяние.

Почему это случилось со мной? — думал Кайл, машинально переставляя ноги. — Почему я не умер, как другие, а оказался проклят, изменен?

Ответа на данный вопрос не знал никто. С мертвыми не поговоришь, а напавшие на обоз Сервы и руководившие ими Измененные ушли с места схватки задолго до того, как сознание вернулось к юноше. Он видел их следы, отпечатавшиеся в рыхлом реголите. Они уводили в неведомые глубины бескрайнего каменного моря, но Кайл не решился идти в том направлении…

Он вообще не знал, что ему теперь делать. В душе юноши царил хаос. Противоречивые, взаимоисключающие чувства рвали на части его разум, мгновенно превращая любую надежду в тоскливую безысходность.

Путь назад, в город, был заказан. Конечно, он мог попытаться скрыть свои ранения и этот проклятый блеск, угнездившийся в глубине обметанных запекшейся кровью ран, но страх и отвращение оказались сильней. Всю сознательную жизнь ему внушали ненависть к Сервам и Измененным.

Мысли были мучительными. Кайл, спотыкаясь, брел по пологому склону небольшой, усеянной потрескавшимися шлаковыми бомбами возвышенности. Выбившись из сил, он опустился на холодный камень, горестно глядя на Владыку Ночи, который уже потускнел, предваряя скорый восход солнца.

Длинная двухнедельная ночь заканчивалась, наступал черед жаркого дня, когда путник, оказавшийся в одиночестве посреди каменной пустыни, будет неизбежно зажарен заживо. Он знал, что у него нет никаких шансов выжить, но так же ясно Кайл понимал и другое — у него нет сил, чтобы мужественно покончить с собой.

Внезапное малодушие казалось ему отвратительным, но он не мог ничего поделать с неистовым желанием жить, дышать, видеть, ощущать. Всего несколько суток назад он, не задумываясь, ответил бы, что лучше умереть, чем жить измененным, и вот как все обернулось… Вместо того чтобы умереть и убить тем самым поселившуюся в нем серебристую проказу, Кайл спустя всего несколько часов после того, как к нему вернулось сознание, беспомощно сидел, пытаясь выискать в душе оправдание своим поступкам, и не находил его.

А быть может, я не изменен! — внезапно пришла ему на ум отчаянная мысль. Разве серебрящийся в ране металл — это признак наступивших изменений? Он ведь по-прежнему чувствует, как человек, думает точно так же, дышит, испытывает голод…

Кайл ухватился за эту призрачную надежду. Она придала ему сил, чтобы встать с холодного камня и оглядеться по сторонам. Он понял, что совершил глупость, так бездумно углубившись в просторы каменной пустыни. Ему нужно найти дорогу назад, постараться вернуться в город и все рассказать. Лекари ему помогут, они вытащат пробившие плоть конечности проклятого Серва, и он снова получит право ощущать себя человеком.

Кайл словно обезумел в этот миг. Ему хотелось назад, в город, к людям…

Едва соображая, что делает, он побежал в том направлении, где, по его субъективному мнению, должен был находиться родной город.

* * *

Солнце вот уже несколько часов как встало над унылой лавовой равниной, согревая мертвый камень своими жаркими лучами.

Юноша брел, спотыкаясь и падая, теряя последние силы, уже утратив всякую надежду на возвращение. Куда ни глянь — повсюду одни и те же

пейзажи: мертвый, покрытый паутиной трещин вулканический грунт, издающий легкое потрескивание, вбирая в себя жаркие лучи восходящего светила, да струящееся марево нагревающегося воздуха, которое меняло очертания камней, делая их зыбкими и расплывчатыми.

По телу Кайла струился пот.

Он уже не хотел ничего — ни жизни, ни смерти, его разум, казалось, давно погас, а телом движут лишь инстинкты.

…Солнце поднялось еще выше, превратив участок равнины, по которой двигалась одинокая фигурка, в раскаленную сковороду. Некоторые камни начинали лопаться от жары, без видимой причины вдруг покрываясь сеткой трещин и с легким шорохом рассыпаясь угловатым щебнем.

В недолгие минуты просветления, когда разум возвращался к нему, Кайл с ужасом смотрел вокруг, подозревая, что давно должен был превратиться в иссохший труп, но ведь этого не происходило! Он не понимал, что за процессы протекают в его организме, юноша даже толком не знал, что на самом деле, кроме громких проклятий, кроется за этим термином — изменение.

Он продолжал идти, машинально переставляя ноги.

Защитный костюм уже не мог уберечь его от разлившегося над открытым участком равнины испепеляющего света, кожа под серым балахоном стала сухой и шершавой, пот больше не струился по ней, а на ткани одежды белели разводы высохшей соли.

Голова пылала, язык едва ворочался во рту, и с каждым шагом Кайл все явственнее начинал понимать, что человеку не место на этих раскаленных днем и промерзающих ночью равнинах, словно кто-то незримый постоянно нашептывал ему на ухо эту мысль.

Наступил миг, когда он не смог дышать. Равнина раскалилась до такой степени, что из трещин между камнями начали бить струи газа, а трубки дыхательного аппарата скорчились, не выдержав температуры фильтруемого в них воздуха…

Кайл упал, не в силах идти дальше.

Последнее отчаянное, уже не осознанное, а скорее конвульсивное движение приподняло его голову, и перед мутным взглядом юноши вдруг предстал странный пейзаж.

Метрах в двухстах от него, под сенью одинокой скалы, похожей на ту, из-под прикрытия которой выскочили атаковавшие обоз Сервы, стоял невысокий, сложенный из прямоугольных каменных блоков одноэтажный дом с плоской крышей, покрытой чем-то наподобие зеркала.

От дома во всех направлениях разбегались ровные, тщательно

распланированные дорожки, по краям обсаженные невиданными кустами, протянувшими свои серебрящиеся ветви навстречу испепеляющим лучам солнца.

Неподалеку от дома, у пруда, заполненного ртутно поблескивающей жидкостью, сидел человек. Он был занят весьма бесхитростным занятием: распиливал надвое глыбу мягкой вулканической породы, придавая ей форму блока.

— Помогите… — отдавая последние силы, прохрипел Кайл, уже не надеясь, что шелестящий звук его голоса долетит до этого призрачного строения…

* * *

Его действительно никто не услышал, но спустя некоторое время Кайл снова пришел в себя.

Мираж не исчез, он остался точно таким же — ясным, контрастным, материальным.

Человек сидел вполоборота к нему на осколке лунной породы, который он неторопливо распиливал надвое, действуя при этом обыкновенной ножовкой, какие предназначены для резки металла.

Глыба камня была мягкой, податливой, а терпение человека — безграничным. Стоило посмотреть, как спокойно, равномерно, без судорожных рывков и излишних усилий двигается ножовочное полотно, как тут же становилось ясно — он получает удовольствие от выполняемой работы.

Кайл увидел его издали, и эта картина, воспринятая им в первый момент как мираж, бред, внезапно придала ему сил, чтобы ползти дальше, двигая свое непослушное тело к маленькому островку непонятной жизни, приютившемуся у скального основания, на самом краю мертвой, покрытой кратерами пустыни.

Он полз, задыхаясь от своих усилий и порождаемой ими боли. Каждое движение причиняло ему нестерпимые муки, но еще худшим было осознание того, что поразившая его проказа продолжает расползаться по коже уродливыми металлизированными пятнами.

Человек, казалось, не видел и не слышал его. Он спокойно продолжал свое занятие.

Кайл уже не видел ни маленького садика с ртутным прудом, на краю которого раскинул свою колючую крону металлический кустарник, ни мощенных красивым, гладко отшлифованным камнем дорожек, ни маленького домика, наполовину врезанного в скалу. Он полз, стараясь

удержать перед своим помутившимся взглядом спину человека, а его губы кривились в запредельном усилии, пока с них не сорвался наконец крик:

— Помогите!..

Человек перестал двигать ножовкой.

Несколько секунд он сидел напряженно и неподвижно, словно имел глаза на затылке или мог видеть происходящее у него за спиной каким-то иным образом, потом отложил свой нехитрый инструмент и встал.

Силы к этому моменту окончательно покинули Кайла. Он понял, что умирает, и все усилия, вся та страсть к жизни, что двигала им на протяжении последних дней, вдруг показались глупыми, ненужными, весь мир тонул в нечеловеческой боли, которая выжигала его изнутри, и он уже молил о смерти, хотел ее.

Когда человек подошел к нему и склонился над безвольным телом, Кайл уже не мог ничего видеть и слышать — он в бесчисленный раз потерял сознание.

Человек присел на корточки, некоторое время смотрел на его тело, покрытое просвечивающими сквозь изодранную ткань защитного костюма металлическими струпьями, потом покачал головой, одной рукой небрежно перевернул Кайла на спину и опять усмехнулся.

— Надо же, — пробормотал он, — измененный, но еще не испорченный. Редкий случай в наши дни.

Глава 5

Борт космического корабля «Янус».

Спустя две недели после старта с земной орбиты…

Андрей очнулся весь в ледяном поту.

Колпак камеры был откинут вверх, тусклый голубой свет омывал его тело, над головой сложной архитектурой бортовых коммуникаций змеились кабели, среди которых прятались отключенные сейчас плафоны освещения.

Таймер на терминале тревожно попискивал.

Некоторое время он лежал, глядя на сплетение оптико-волоконных магистралей бортового компьютера, не в силах напрячь ни один мускул своего измученного тела, словно он не спал на протяжении четырнадцати локальных суток, а действительно бегал под метеоритным дождем, покрывая огромными прыжками многометровые отрезки лавовой равнины на поверхности ирреального, чуждого его сознанию мира.

Лишь постепенно, по прошествии некоторого времени, он начал понемногу овладевать собой.

Скосив глаза, Дибров взглянул на тревожно сигналящий таймер и понял, что проснулся на тридцать две минуты раньше установленного срока.

Данный факт мог означать только одно — его мозг в период сна был возбужден сверх всякой меры и пробуждение, запрограммированное на обычный эмоциональный порог глубоко спящего человека, на самом деле произошло намного быстрее, чем планировалось дозами стимулирующих и пробуждающих препаратов. Он лежал, слушая назойливое попискивание таймера, и с внезапной, тоскливой ясностью думал о том, что не так давно казалось ему вопиющей несправедливостью: на поверку получалось, что военные медики были абсолютно правы, вводя ограничительный возрастной ценз на полеты в космос.

Из личного дела

Главное колониальное управление Европейского Союза. Отдел внеземных проектов.

Гриф: Для внутреннего пользования.

Объект: Дибров Андрей Николаевич.

Русский, 2360 года рождения, гражданство России (Европейский Союз).

Род занятий до заключения контракта с отделом внеземных проектов:

Пилот-внеземельник. Уволен по возрасту в звании капитана военно-космических сил России. Продолжать службу в силах наземного базирования отказался. Холост. Детей не имеет.

Данные медицинского освидетельствования: здоров.

Данные психосоматического зондирования: психически устойчив, логичен, рационален.

Прочие пометки: атеист.

Рекомендован на должность капитана межпланетного космического корабля «Янус».

Таймер наконец заткнулся, а он все лежал, ощущая, как неприятно холодит тело воздух отсека.

Он не пытался в эти минуты как-то оценить происходящее с ним. Дибров испытывал глубокое отчаяние. Впервые ему пришлось испытать столь потрясающее чувство подавленности, ненужности и даже более того — чуждости того мира, в котором он очнулся.

На эти переживания, усугубляя их, наслаивались другие, имеющие более тесную взаимосвязь с реальностью: Дибров отчетливо понимал, что, согласно полетной инструкции, он должен встать и немедленно пройти в медицинский модуль «Януса», предварительно вызвав туда Джоану Лори — своего штатного заместителя на посту командира, а затем объявить ей, что с его психикой творятся непонятные вещи.

Закономерным следствием такого поступка явится его отстранение от командования «Янусом», а это, в свою очередь, означало, что по возвращении на Землю он будет отстранен и от космических полетов, даже в том случае, если повторный тест на психическую устойчивость даст положительный результат. В космические корабли вкладывались такие баснословные суммы, что рисковать ими из-за человеческого фактора никто не станет. Офицер, с которым единожды произошел нервный срыв, пусть и не повлекший за собой никаких трагических последствий, автоматически отстраняется от полетов в дальнем внеземелье раз и навсегда. Этот закон, сформированный в среде военных, основывался на конкретном опыте и неукоснительно соблюдался всеми, в том числе и гражданскими компаниями.

Дилемма состояла не в личных амбициях Диброва как пилота и офицера, а в том, что после пятнадцати лет, проведенных в космическом пространстве, он не мог помыслить дальнейшей жизни без космоса.

Соберись в кучу, мысленно приказал себе Дибров, ухватившись

руками за борта своей ячейки. Еще не случилось ничего страшного.

Этот мысленный окрик действительно помог ему прийти в себя.

Пробуждение на полчаса раньше срока и странный сон еще не означают, что наступил конец света, просто не надо нагнетать обстановку необдуманными поступками.

Выбравшись из камеры, он опустил ее колпак, ввел терминал в режим резерва и потянулся за одеждой.

В гибернационном отсеке стоял тот уровень деловых шумов, который для опытного астронавта отождествляется с термином «рабочая тишина» и обычно действует успокаивающе, словно шепот бесконечного доклада множества автоматических систем: у нас все в порядке…

Дибров вдруг понял, что неосознанно боится посмотреть на свое нагое тело.

Черт, это уже слишком, раздражаясь, подумал он.

Скосив глаза, он взглянул сначала на правую ключицу, потом на левую. Кожа на обеих была чистой, гладкой, без каких-либо дефектов. Никакого намека на раны и ртутный блеск.

Бред, самый натуральный бред. Он начал натягивать свежий комплект униформы и понял, что тело зудит. Ему хотелось залезть под душ и выскоблиться с ног до головы, смывая с кожи несуществующую дрянь.

Это можно было сделать в каюте — маленьком личном отсеке размерами два с половиной на полтора метра, расположенном на этой же палубе «Януса».

На консоли управления камеры Майкрофта вспыхнули первые сигналы, предупреждающие о процессе пробуждения.

Андрей менее всего хотел сейчас, чтобы Хью увидел его таким — злым, растерянным и нервным, застывшим посреди отсека со скомканной униформой в руках, поэтому он быстро натянул одежду и вышел, даже не взглянув на контрольные панели остальных камер.

* * *

Войдя в каюту, он подошел к умывальнику и открыл воду.

В душ уже не хотелось, фантомный зуд прошел, а вот замешательство только усилилось.

Тонкая, упругая струя ударила точно в сливное отверстие небольшой раковины. На борту космического корабля все было продумано, даже такая мелочь. Одновременно включился вытяжной насос, отбирающий избыток влажного воздуха, и таймер. Ровно через десять секунд автомат перекрыл воду, а он все стоял, опираясь руками о края раковины и глядя на свое

отражение в зеркале.

Как все цельные личности, Дибров был уязвим. Ахиллесова пята таких людей, как он, кроется в базовых ценностях, составляющих основу психики. Другой, менее логичный человек махнул бы рукой на странное, пугающее сновидение, списав все на какую-нибудь притянутую за уши мелочь вроде прочитанной в детстве книги, виденного, но позабытого фильма или просто на усталость наконец, но Андрей оказался в ловушке, потому что не верил в чудеса и беспочвенные явления.

Он не мог не обратить внимания на чрезмерную, скрупулезную детализацию своих грез. Сон, сотканный из обрывочных, расплывчатых образов, можно проигнорировать, да его и не вспомнить в полном объеме после пробуждения, а тут прослеживалась совершенно иная картина: сон слишком очевидно походил на явь. Такой яркий отпечаток могли оставить реальные воспоминания о происходивших в действительности событиях, но ничего подобного не было и не могло быть в жизни Андрея Диброва!

Он отошел от раковины, закурил, изменяя своей привычке воздерживаться от сигарет сразу после пробуждения, и сел в кресло перед отключенным терминалом персонального компьютера, стараясь припомнить все, что было ему известно по теории сна, пытаясь найти в своей памяти ту зацепку, которая поможет объяснить случившуюся с ним странность и тем самым восстановить душевное равновесие…

Сон — это сложный процесс, — размышлял он, — основную роль в котором играет подсознание человека. Днем, в период активности, наша долгосрочная память молчит, она заблокирована множеством мгновенно возникающих и тут же распадающихся связей, кора головного мозга возбуждена, занята решением сию секундных задач. Другое дело — ночь. Организм отдыхает, в нем начинают протекать иные фазы жизненного цикла, мозг разгружается, и лишь наиболее возбужденные участки продолжают работу. Именно между ними в первую очередь возникают спонтанные связи, и тогда человек может видеть сны, напрямую связанные с переживаниями последних прожитых суток.

Сны, связанные с событиями далекого прошлого, например детства, возникают, как правило, аналогичным образом: какое-то недавнее происшествие застревает в «оперативной» памяти, остается лежать возбужденным участком сознания в разуме уснувшего человека. Тогда и происходит обращение к долгосрочной памяти — подсознанию, куда на длительное хранение складывается вся информация о прожитом. Возникает глубинная, вертикальная связь, и человек видит сон, в котором с нынешними проблемами ассоциируются образы, давно, казалось бы,

позабытые.

Сидя в кресле у погашенного терминала, Андрей попытался проанализировать свое видение с точки зрения данной теории, но не смог отыскать никаких аналогий. Его детство и юность прошли на Земле, а всю свою зрелую жизнь Дибров отдал открытому космосу. Болезненно вороша свою память, он пытался понять, картины из какого мира нарисовало его подсознание, но на ум не шло ничего, кроме узких панорам корабельных отсеков, заточенного между переборками пространства грузовых палуб, тесноты постов управления и как альтернативы — картин бездонной черноты космоса да тех пейзажей урбанизированной Земли, среди которых проходили его отпуска или вынужденные паузы между полетами.

Андрей был пилотом-внеземельником, его стихией всегда оставался открытый космос, как для моряка привычным окружением является безбрежный океан. В свои тридцать семь лет он ни разу не побывал ни на одной планете, кроме Земли и Марса, даже Луну приходилось наблюдать исключительно с орбиты.

Хотелось спросить самого себя — так какого же черта тебе снится чуждый, детализированный до последнего камушка мир, упоминания о котором не найти ни в памяти, ни в разумной реальности дня сегодняшнего?

Мысль о «зеленых человечках», потустороннем мире и прочих мистических или же фантастических силах даже не пришла на ум Диброву, для этого командир «Януса» был слишком логичен и рационален.

В его реальности существовало лишь то, что можно потрогать руками или описать законами физики, остальное не принималось к рассмотрению.

Взглянув на табло бортового хронометра, он понял, что настала пора принять какое-то решение. Либо он идет в рубку, либо…

Дибров встал, бросил окурок в утилизатор и, подойдя к зеркалу, помассировал глаза, чтобы не так бросалась в глаза отечность век.

Он не мог отказаться от своей жизни только потому, что его сознание вдруг породило нечто не укладывающееся в рамки привычной логики.

* * *

Межпланетный космический корабль «Янус» был построен на базе серийной модели российского военного транспорта «К-209НТ», разработанного еще полвека назад. «К-209» отлично зарекомендовал себя на внутрисистемных трассах, чья протяженность не выходила за радиус окружности, равной орбите Юпитера. Это был надежный, легко управляемый, прекрасно сбалансированный транспортный космический

корабль, «рабочая лошадка» дальнего космоса, как любовно именовали его военные пилоты-внеземельники, и нужно сказать, что их оценка не являлась завышенной: действительно, базовая конструкция семисотметрового шасси была так удачно спроектирована, что не претерпела серьезных изменений за пятьдесят лет серийного выпуска и эксплуатации, а такое «долгожительство» в век научно-технического прогресса говорит само за себя.

Издалека космический корабль был похож на две сложенные вместе человеческие ладони, сжимающие в кончиках пальцев небольшой шарик. Эта аналогия только усиливалась оттого, что броня «К-209» ближе к сферической носовой части была разделена на длинные клинообразные сегменты.

Следуя его узкими коридорами, Дибров поймал себя на мысли, что в аналогичных отсеках военного корабля намного теснее. Капитан знал об этом не понаслышке. Он командовал одним из «К-209» в период так называемого «астероидного кризиса», когда ведущие мировые союзы делили естественные ресурсы астероидного пояса, расположенного между орбитами Марса и Юпитера.

Изменения, внесенные в конструкцию военно-транспортного корабля, принесли на борт функционального «К-209» лишь некоторое подобие комфорта, но они существенно упростили и облегчили быт тех людей, кто бодрствовал на борту во время вахт. Например, взять вращающуюся часть корпуса, размышлял Дибров, пытаясь таким образом отвлечься от тяготивших его проблем. Ранее эта функция бортовых устройств носила чисто военный смысл. Вращение средней цилиндрической части являлось исключительно боевой операцией и включалось лишь непосредственно в момент атаки вражеских истребителей, позволяя бортовым орудийным комплексам ставить более плотную стену заградительного огня и одновременно затрудняя противнику прицеливание по отдельным огневым точкам самого транспорта. Специалисты Евросоюза вывели эту функцию в разряд постоянных, придав ей иной смысл, теперь вращение создавало силу искусственного тяготения в тех отсеках, где бодрствующая часть экипажа проводила две трети полетного времени.

Перейдя из отсеков с гравитацией в зону невесомости, Андрей проплыл по коридору, ведущему в главный пост управления, отталкиваясь от поручней, укрепленных вдоль стен.

Модульный люк раскололся при его приближении на шесть остроугольных сегментов, пропуская Диброва в помещение поста.

Смену Андрею передавала Джоана Лори. Ее помощник, Валентин

Суханов, бортинженер «Януса», уже куда-то исчез, и его кресло занимал Майкрофт.

— Доброе утро, — произнес Дибров, вплывая в основной, управляющий модуль. Его дальняя стена имела форму полусферы и представляла из себя огромный обзорный экран, перед которым были смонтированы посты управления, причем их расположение, как и ориентация четырех кресел, укрепленных в специальных вращающихся ложементах, не имела ничего общего с понятиями верха и низа. Ни «К-209», ни созданный на его базе «Янус» не были предназначены для полетов в атмосферах или посадки на планеты, для этих целей существовали отделяемые модули. Для «Януса» плотные слои атмосферы и сильная гравитация были губительны.

— Для кого утро, а для кого и вечер, — ответила Лори дежурной шуткой, сладко потягиваясь при этом. Она была пристегнута к центральному креслу и не рисковала улететь от подобного жеста куда-нибудь в сторону огромного вогнутого экрана, на котором немигающим узором застыли россыпи ярких звезд.

— Где Валентин? — осведомился Андрей, подплывая к ее рабочему месту. Уцепившись рукой за подлокотник, он взглянул на Джоану.

— Отпросился у меня поговорить с семьей, — ответила Лори. — В ближайшие часы ожидается повышение солнечной активности, — пояснила она, — возможны перебои со связью, а у него там какие-то проблемы с отцом. — Дождавшись ответного кивка Андрея, она протянула руку к расположенному перед ней терминалу и, коснувшись сенсора, произнесла: — Восемь часов одна минута локального бортового времени «Януса». Продолжается запись текущих суток. Второй пилот Джоана Лори вахту сдала.

Андрей, в свою очередь, активировал запись бортового журнала.

— Командир корабля Андрей Дибров вахту принял, замечаний нет.

— Всё, мальчики, я пошла спать. — Джоана отстегнулась от кресла, всплыв над ним.

Андрей кивнул ей и привычным движением перевернулся в пространстве. Ухватившись за подлокотник, он позволил чуткому ложементу отреагировать на касание. Тонко взвизгнули сервомоторы, подстраивая угол наклона спинки и подголовника, страховочные ремни скользнули по груди и бедрам, тихо клацнули замками. Андрей подтянул к себе плавающую в невесомости подле кресла дугу коммуникатора и надел ее.

Майкрофт обернулся.

— Привет, командир. Что-то ты сегодня рано проснулся.

— Привет, Хью. — Дибров, чтобы не пускать в голову досужие мысли, тут же включился в процесс работы, и его пальцы засновали по сенсорной клавиатуре командного терминала. — Захотелось принять душ и позавтракать в одиночестве, — наконец ответил он, ощущая при этом внутреннее напряжение. Ложь, даже такая незначительная, была ему неприятна. Он привык к простым и ясным взаимоотношениям.

— С тобой точно ничего не случилось, командир? — переспросил Хью.

— Дурной сон, — вторично попробовал уклониться от ответа Дибров.

Майкрофт скосил глаза, выглянув из-за спинки своего кресла.

— У тебя дрожат пальцы, — как бы невзначай обронил он.

Андрей вторично напрягся, не зная, что ответить. Грубить бессмысленно, говорить правду — глупо, а продолжать развивать данную тему — еще хуже…

Его замешательство рассеял сам Хьюго. Несколько секунд он сидел с нарочито серьезным видом, вытягивая шею, а потом все-таки не выдержал, прыснул.

— Ой, не могу. — Он весь прямо-таки светился от переполнявшего его веселья, при этом палец Хью указывал в сторону командирского кресла. — Ты так серьезно напрягаешься каждый раз, когда я пытаюсь неудачно шутить.

Дибров тоже не выдержал и слабо улыбнулся.

Майкрофта не поймешь. Шутит он или нет — невозможно предугадать. Андрей все же покосился на свои пальцы, застывшие над сенсорной клавиатурой, и понял, что их кончики действительно дрожат.

— Ладно, Хью, повеселились, и хватит, — с неожиданной резкостью в голосе произнес он, теряя обычное самообладание.

Сегодня им предстояло начать маневр переориентации «Януса». Рабочий день обещал быть напряженным, и…

— Послушай, командир, ты видел моего кота? — совершенно неожиданно спросил Майкрофт.

Дибров повернул голову. Рабочее кресло пилота, расположенное в метре от него, было ориентировано на боковые секторы обзорного экрана, так что он смог увидеть лишь высокую спинку, подголовник и руку Майкрофта, в которой тот держал маленький стереоснимок. Андрей и раньше замечал, как его напарник рассматривает какую-то карточку, но никогда не просил ее показать.

Из-за спинки кресла опять появилась голова Хью.

Он почему-то больше не улыбался — просто молча протянул Диброву карточку.

Вот как? Бровь Андрея чуть приподнялась. А я — то думал, на снимке его подруга. Он также вытянул руку, взял снимок и вдруг ощутил, что кончики пальцев Майкрофта тоже мелко дрожат.

Неужели и он?! Мысль была резкой, острой, неожиданной и неприятной. Андрей отогнал ее, сосредоточившись на изображении.

На тонкой пластинке действительно была запечатлена голографическая копия кирпично-рыжего кота с зелеными глазами, такими же веселыми и хитрыми, как у самого Хью.

— Ты в курсе, что они считают нас своими богами? — совершенно серьезно спросил Майкрофт, принимая карточку назад.

— У меня никогда не было своего кота, — пожав плечами, сознался Андрей.

— Ты много потерял. А что ты вообще думаешь о боге? Он есть… или его нет?

Вопрос оказался неожиданным.

Вообще-то на борту «Януса» в среде экипажа не возбранялись никакие темы, но вопрос религии еще ни разу не поднимался Майкрофтом за то время, что он летал вместе с Дибровым.

Удивительно, что Хью спросил об этом именно сегодня, подумалось Андрею.

Тема не казалась ему конструктивной, особенно сейчас…

— Мы же вместе отбывали с Земли, Хью, — ощущая сухость в горле, напомнил он.

— Ну и что?

— Ты смотрел в иллюминатор челнока?

Майкрофт кивнул, слабо усмехнувшись. Мысль Андреи стала ему понятна.

— Да, за облаками, по-моему, никого не оказалось — вздохнул он. — Ладно, командир, все, начинаем работать, — поспешно добавил Майкрофт, перехватив напряженный, неодобрительный взгляд Диброва. Через секунду голова и плечи Хью исчезли за высокой спинкой пилот-ложемента. — Просто мне в этот раз снились совершенно непонятные сны, — внезапно признался он, заставив Андрея вздрогнуть.

Глава 6

Земля, центральный офис корпорации «Фон Браун».

Кабинет управляющего робототехническими производствами

Когда запищал зуммер вызова, Толмачев сидел, устало уронив голову на сцепленные в замок руки. В последние дни он почти не спал — продолжался процесс экстренного отключения оборудования в злополучном секторе колонии, и главный инженер корпорации был измотан до предела, причем основные душевные силы Анатолия отнимала не сама работа, а гложущие его неуверенность и страх.

Как грамотный инженер он понимал, что ему не представили и десятой доли правдивой информации о происходящем на Марсе. А если с ним не поделились истиной, то как он может эффективно работать, а главное — почему ему не доверяют?

За десять лет работы на корпорацию он успел достаточно узнать Майлера фон Брауна, чтобы отдавать себе отчет в серьезности исходящей от него угрозы. Босс платил огромные деньги своим доверенным сотрудникам, но и требовал с них, словно сатана, полностью откупивший душу того или иного человека.

В этом смысле Толмачев не соответствовал понятиям фон Брауна об идеальном сотруднике: грамотном, исполнительном, но безропотном проводнике его воли.

Анатолий прекрасно знал свою жизненную планку и никогда не пытался подпрыгнуть выше — должность заместителя главного инженера его вполне устраивала. После гибели Френка Лаймера обстоятельства не только вознесли его по служебной лестнице, но и возложили на Толмачева ту долю ответственности, нести которую он никогда не стремился.

Подняв голову, Анатолий посмотрел на панель коммуникационного терминала. Вызывал центр связи Хьюстон.

— Да? — Он коснулся сенсора видкома, и монитор персонального компьютера тут же осветился, показывая лицо оператора.

— Марс на виртуальной линии, сэр, — доложил тот. — Центр технической экспертизы в Новоламске.

— Соединяйте.

Экран на мгновение потускнел, затем в его стереообъеме возникло лицо начальника марсианского отдела службы корпоративной

безопасности. Каким ветром занесло шефа охраны в технический центр, оставалось только гадать, но Анатолий уже не предполагал в развитии марсианских событий ничего хорошего.

— Привет, Николай. — Толмачев устало потянулся за сигаретой. Немедленного ответа ждать не приходилось — запаздывание сигнала между Землей и Марсом составляло на этот час три минуты двадцать семь секунд. Данный параметр связи отмечали цифры, расположившиеся под изображением, у нижнего среза экрана.

Давний коллега Толмачева, работавший когда-то на Марсианский отдел РНАА*,[6] еще не услышал его приветствия. Он по-прежнему сидел в ожидании, пока их соединят, а слова Анатолия летели к нему, преобразованные в электромагнитный импульс, преодолевая по восемнадцать миллионов километров в минуту.

Прикурив, он вновь обернулся к экрану.

За две недели, прошедшие с момента памятного разговора в кабинете фон Брауна, ситуация на Марсе не менялась коренным образом, но Толмачев не верил, что события, начавшиеся с крупной катастрофы, способны утрястись сами собой. Пока что им удавалось удерживать ситуацию, изолировав очаг поражения, возведя железобетонный периметр и отключив в радиусе пятидесяти километров все оборудование, но подсознательно Толмачев ждал развития событий и потому вздрагивал от каждого звонка с Марса.

Вот и сейчас он в напряженном ожидании смотрел на экран, мучительно пытаясь предугадать, зачем он понадобился начальнику корпоративной службы безопасности.

Если верить хронометру, то Николай уже услышал его, и сейчас связь должна передать его ответ.

Точно. Скрягин коснулся пальцами мочки своего уха, прижимая крохотную бусину вживленного коммуникатора, — видимо, рядом кто-то шумел, мешая ему нормально разговаривать.

— Привет, Анатолий.

Связь с Марсом обходилась недешево, поэтому Скрягин тут же перешел к сути дела, стараясь дать за короткий промежуток времени максимум полезной информации:

— Недавно произошел инцидент, в результате которого к нам попал исключительно странный образчик человекоподобного механизма. — Скрягин чуть отодвинулся, позволяя передающей видеокамере показать расположенный за его спиной технический стол, на котором в специальной

растяжке был распят полуразобранный андроид. Даже в таком неудобном для наблюдения ракурсе можно было заметить, что в машину стреляли — защитные кожухи с пенорезиновым покрытием, имитирующим человеческую плоть, были во многих местах разворочены попаданиями пуль, причем, как машинально отметил про себя Толмачев, огонь вели фактически в упор. Мысленно сосчитав отверстия с рваными, загнутыми внутрь краями, он понял, что оружием был автоматический «стайгер» — только у него в обойме пятнадцать зарядов и калибр вроде бы соответствовал…

Анатолий почувствовал, что ему становится не по себе. В среде клиентов «Фон Брауна» и раньше наблюдались мелкие случаи психоза в отношении человекоподобных машин, но обычно дело ограничивалось терпеливой разъяснительной беседой или заменой неугодной модели на какую-либо иную…

Так… Значит, вся обойма с близкого, если судить по пороховым подпалинам, расстояния и большинство пуль вошли в голову. Последний факт говорил о том, что стрелявший не робкого десятка, но вот об устройстве человекоподобных машин знает лишь понаслышке. На самом деле мозг робота расположен не в голове, а в центральной части грудной полости. Под черепной коробкой для оптико-позитронного процессора слишком мало места.

— Некто Зыбов преподнес нам этот подарок, — подтвердил его догадку голос Николая. — Две недели назад он вызвал охрану рано утром, сообщив, что к нему на участок забрел человекоподобный механизм, который вел себя, мягко говоря, неадекватно программному обеспечению.

Толмачев, слушая пояснения, напряженно всматривался в экран, стараясь ухватить взглядом как можно больше деталей.

Запаздывание сигнала раздражало Анатолия, но он ничего не мог поделать с физикой распространения волновых колебаний. Приходилось ждать, теряясь в мучительных догадках, пока очередная фраза Николая преодолеет бездну разделяющего планеты пространства.

— Мы немедленно начали поиск, но обнаружить машину удалось только сегодня. Это наш механизм, партия закуплена у новоазиатов два месяца назад, предназначалась для нового района, конкретно этот дройд — для одного из домов в городке Нью-Даймонд.

— Так в чем проблема? — устало спросил Анатолий, пытаясь сообразить что к чему, хотя название города его насторожило — Нью-Даймонд находился на территории той самой проклятой зоны заражения, с которой была связана его личная головная боль последних недель.

Оборудование вокруг источника проблем удалось отключить, но что творилось в самой зоне, лично для него оставалось загадкой. Может быть, фон Браун или Мошер имели на этот счет более полную информацию, но они явно не спешили делиться ею с новоиспеченным главным инженером корпорации. Всем заправляла служба корпоративной безопасности, и звонок ее шефа откровенно напугал Анатолия.

Его мысли были прерваны очередной репликой Николая:

— Короче, Толя, я докладывал Дейвиду Мошеру, он приказал связаться с тобой. Линия защищена от прослушивания, но все равно от комментариев воздержись, доложишь свои соображения фон Брауну. Просто посмотри и послушай. — Скрягин подошел к столу с распятой на нем человекоподобной машиной и приподнял крышку грудной клетки, под которой скрывались основные процессорные блоки дройда. При этом последний с тонким, едва слышным визгом микромоторов скосил глаза в сторону Скрягина, и Анатолий вдруг услышал синтезированный блоком речи голос:

— Что ты делаешь, мать твою, ублюдок траханый?

У Толмачева ледяной озноб продрал по коже, а Николай, который, видно, уже освоился со своим «пациентом», криво усмехнулся, пояснив:

— Знаешь, с кем он себя ассоциирует? Он осознает себя неким Дунканом Макклайтом, бездомным обитателем городского дна из Нового Гарлема.

С ума сойти…

Толмачев откинулся на спинку кресла, потрясенно глядя в объем стереоэкрана. Дройд продолжал свои попытки вырваться из сковывающих его захватов, грязно ругаясь при этом. Не обращая внимания на его потуги, Николай склонился над вскрытой грудной клеткой. Очевидно, кто-то из его помощников поднес ближе глазок передающей камеры коммуникатора, вынув его из гнезда терминала связи. Изображение на экране помутилось, стало хаотичным, а потом вновь обрело резкость.

Теперь экран передавал крупный план размещенных внутри андроида узлов. Спустя секунду в поле зрения появился чрезмерно увеличенный оптикой кончик авторучки, и голос Скрягина пояснил:

— Мы протестировали все схемы, и могу тебя уверить, что система работает нормально. Сбой, судя по всему, произошел вот тут, — кончик авторучки указал на два продолговатых цилиндра из прозрачного пластика, внутри которых было заключено смятое складками серое вещество нейронных тканей. Анатолий сразу же узнал недавно запущенные в серию биологические модули долгосрочной памяти, которые рекламировали

представители концерна «Новая Азия».

Однако внимание Скрягина было сосредоточено не на самих блоках биологической памяти, а на той неожиданной архитектуре, которая в буквальном смысле опутывала их.

Нити… Тонкие серебрящиеся нити толщиной с человеческий волос.

Дройд, которому было положено лежать не шелохнувшись, продолжал свои тщетные попытки вырвать руки из механических захватов, изрыгая при этом поток невнятной ругани.

Передающая камера приблизилась, осуществляя наплыв на пораженный инородными вкраплениями участок. Нити образовывали сложнейшую архитектуру, часть из них, пробив пластиковые кожухи, вонзалась в скопления нейронов.

Изображение опять помутилось, затем в фокусе передающей камеры появилось лицо Скрягина.

— Вот такие дела. — Он криво усмехнулся. — За последние двое суток мои ребята собрали целую коллекцию из тринадцати таких уродов. Все в окрестностях известного тебе места. Все как один — агрессивны и дезориентированы. Пятерых пришлось просто изрешетить — не давались в руки. Информационный пакет по данному образчику, — он неопределенным жестом указал себе за спину, — будет передан тебе в ближайшие минуты. Мошер велел показать тебе это и попросил зайти к шефу, когда переваришь увиденное. Все. Мое дело сделано. Пока, Толя.

Оперативное окно видкома опустело.

Спустя несколько секунд в недрах терминала заработал привод запоминающего устройства — это начала поступать обещанная техническая информация.

Толмачев сидел, вцепившись побелевшими пальцами в край стола, и смотрел, как медленно поворачивается на экране красочная рекламная заставка межпланетной сети «Видком»…

Такого оборота марсианских событий не мог предположить никто…

* * *

В кабинете Майлера фон Брауна в этот момент находился он сам и вице-президент корпорации.

— Андроиды — не единственная проблема, — говорил Мошер, прохаживаясь по кабинету. — Даже мне понятно: в зоне закончился некий инкубационный период, и там теперь происходит процесс образования каких-то новых форм, исходным материалом для которых послужила та самая серебристая погань, что явилась причиной первого взрыва на

перерабатывающем комплексе.

Фон Браун, который последние несколько дней провел на американском континенте, теперь болезненно пытался вникнуть в суть дела.

— Я не стал дожидаться твоего возвращения, — продолжал Мошер, — и вывел «Орион» из зоны базирования в поясе астероидов. Через восемь часов корабль выйдет в точку высокой геостационарной орбиты над нашим сектором освоения Марса.

Фон Браун кивнул. Речь шла об одном из двух боевых космических кораблей корпорации, которые несли постоянную вахту в районе пояса астероидов, где производилась добыча полезных ископаемых.

Мошер подошел к столу, коснулся сенсора, расположенного в торце столешницы, и встроенный голографический проектор тут же превратил огромную плоскость Т-образного стола в рельефную карту марсианской поверхности.

Фон Браун неприязненно посмотрел на тщательно распланированный рельеф нового мира, мысленно пытаясь подсчитать хотя бы приблизительную сумму убытков, которые неизбежно понесет корпорация от потери полностью терраформированного, уже готового к заселению района, на преобразование которого ушло без малого пять лет.

— Нам крупно повезло, что проблемы возникли до того, как в Нью-Даймонде появились первые жители, — произнес Дейвид. — Сейчас у нас все еще остается реальный шанс избежать огласки и обойтись малой кровью. Основной план действий, думаю, нужно оставить в силе. «Янус» уже преодолел половину пути до Марса, но коррективы, конечно, потребуются серьезные, к тому же, на мой взгляд, инцидент с дройдами дает нам возможность получить свою долю выгоды из этой кучи дерьма.

Фон Браун скептически хмыкнул, но пока не стал возражать.

— Введи меня в курс дела, Дейв, — потребовал он, откидываясь на спинку кресла. — Ночь не спал, ничего не соображаю… — пожаловался Майлер, массируя покрасневшие веки. — Давай, давай, не тяни.

Мошер взял световую указку и очертил ею окружность радиусом в пятьдесят километров в масштабе голографической карты.

— Здесь нами был построен бетонный периметр, по которому до вчерашнего дня располагались блокпосты, — пояснил он. — Буфер незаселенных земель, — световой маркер указал на огромные пространства, окружающие зону, — помогал хранить режим полной секретности. Я позаботился о том, чтобы ни один спутник не мог отследить происходящее.

— Это мне ясно. Давай говори, что там случилось с этими роботами?

Мошер поднял взгляд на фон Брауна.

— Что конкретно происходит с ними, я тебе пояснить не могу, — ответил он, — но хронология событий такова: утром тринадцатого мая в службу охраны позвонил некто Зыбов. Он проживает вот тут, — Мошер указал на городок, расположенный в четырехстах километрах от Нью-Даймонда. — К нему на участок под утро вторгся человекоподобный робот. Господин Зыбов был очень раздражен этим и разрядил в него всю обойму автоматического «стайгера», после чего дройд благополучно ретировался…

— Этот болван, конечно, дырявил ему башку? — презрительно буркнул фон Браун.

— Естественно, — кивнул Дейвид. — При беседе с Зыбовым выяснилось, что он весьма далек от понятий технической грамотности, но речь не о нем. Служба безопасности сразу же приступила к поиску непонятного механизма. Его принадлежность было трудно определить — никаких заявлений о пропаже роботов к тому времени не поступало.

— Он из зоны? — спросил фон Браун, который уже понял, куда клонит его заместитель.

— Да. Но это стало достоверно известно только вчера, когда дройда наконец отыскали в массиве лесопосадок, километрах в двухстах от усадьбы господина Зыбова. Тебе следует посмотреть на это, прежде чем я начну вводить тебя в курс событий сегодняшнего утра.

— Давай.

…Просмотрев видео, полученное с Марса от Скрягина, Майлер некоторое время молчал. Он был потрясен и не мог скрыть этого.

— Этот урод вообразил себя человеком?! — наконец, справившись с внезапно возникшей сухостью в горле, переспросил он, потянувшись к успевшему остыть кофе.

— Выходит так, — кивнул Мошер. — Как ты видел, в нем поселилась та самая серебристая дрянь, которая после взрыва на перерабатывающем комплексе явно изменила свою структуру, стала более сложной и сумела внедриться в биологические составляющие процессора. Откуда у андроида взялась реальная память о Нью-Гарлеме и какой-то жизни в трущобах, я тебе объяснить не могу, для этого мной вызван Толмачев, но сегодняшнее утро показало, что данный дройд — не единственный. В зоне начался какой-то обвальный процесс. Если до вчерашнего дня вся техника там просто отказывала, то теперь наоборот — механизмы зашевелились… Они начали оживать и расползаться в разные стороны. В течение нескольких часов произошло пять прорывов периметра, но, что самое скверное, мы

строили в Нью-Даймонде базу для сил корпоративной безопасности.

— И что? — Щеки фон Брауна побледнели.

— Туда успели завезти полный набор робототехники, включая десять ПКМ.

Лицо Майлера фон Брауна приняло серо-зеленоватый оттенок. Казалось, что он сейчас взорвется, но нет…

— Дай сигарету, Мошер.

Дейвид щелкнул своим портсигаром.

— Ты же понимаешь, что мы не могли эвакуировать оттуда технику. После случившегося с Френком и спасателями я запретил кому бы то ни было пересекать границы периметра.

Майлер прикурил и со вздохом выпустил струю дыма.

— Давай дальше, раз уж начал, — справившись с неприятным потрясением, произнес он. Майлер понимал: наорать на Дейва — это не решение проблемы. — Сколько машин теперь шатается по зоне, что стало с местами прорыва и какие действия предприняты службой безопасности?

— Количество роботов подсчитать невозможно. Орбитальный контроль будет осуществляться с борта «Ориона», а до его подхода еще семь с половиной часов. Места прорыва блокированы, пять машин уничтожено, тринадцать захвачено в плен…

— Ты что, рехнулся? — Теперь щеки фон Брауна побагровели. Он вдруг несколько раз ударил себя сжатым кулаком по лбу. — Я спятил или ты? Что значит «захвачены в плен»?! — Он все-таки не удержался и начал орать: — Мы что, ведем боевые действия с каким-то конкретным противником?! Это же наши роботы, закупленные, мать твою, для бытового обслуживания домов!

— Успокойся, Майлер.

— Да я спокоен!

— Нет, ты психуешь. Остынь. Все захваченные машины ассоциируют себя с людьми. Я не могу найти этому объяснение и нервничаю не меньше, чем ты! Кроме андроидов, там еще куча всякой техники. Город был готов к сдаче под ключ…

Сигарета, дотлев, обожгла пальцы фон Брауна. Он вздрогнул, нервно дернул рукой, и длинный столбик пепла рассыпался по столу. На фоне голографической карты казалось, что там пошел серый снег — это пылинки пепла, подхваченные статическим напряжением, заплясали в воздухе.

— Я отодвинул периметр, расширив зону отчуждения еще на пятьдесят километров, — сообщил Мошер, глядя на необычный эффект.

— И что? — доставая новую сигарету из лежащего на столе портсигара, спросил фон Браун.

— Остается ждать подхода «Ориона». Тогда мы сможем начать активную зачистку и сгрести все это механическое отродье ближе к эпицентру, не дав машинам вырваться оттуда.

Тонкая золоченая пластина электронной зажигалки дрогнула в пальцах Майлера.

— Мы начнем войну?! — искоса посмотрев на Мошера, спросил он. — Войну с принадлежащими нам бытовыми агрегатами, да? Весь мир узнает об этом, нас сначала засмеют, а потом, когда разберутся, что к чему, просто порвут в клочья за несанкционированные действия против неизвестных науке жизненных форм!

— Ничего подобного не будет, — ответил ему Дейвид, который уже успел пережить нечто подобное тому, что происходило сейчас с Майлером.

— Расскажи мне, как теперь мы сможем запихнуть этого джинна обратно в бутылку?!

— Очень просто. Все останется по-прежнему. Капитану «Ориона» дано указание соблюдать режим максимальной секретности. Точка геостационарной орбиты, куда выйдет корабль, не контролируется посторонними. На Марсе, слава богу, еще не развиты системы противокосмической обороны, а со спутников высокие орбиты не просматриваются — подавляющая часть их аппаратуры нацелена вниз, на Марс.

— Хорошо, допустим… — немного успокоившись, произнес фон Браун. — Что дальше?

— С борта «Ориона» в проблемный сектор будут высажены штурмовые группы. При поддержке истребителей мы загоним всю нечисть назад, соблюдая при этом одно условие: по возможности захватить как можно больше образчиков инфицированной техники.

Фон Браун плохо соображал в эти минуты. Он был слишком ошеломлен случившимся, чтобы мыслить последовательно и здраво.

— Зачем?

Дейвид постучал трубкой световой указки по толстому стеклу монитора, в объеме которого застыло статичное изображение распятого дройда.

— Ты считаешь его поведение нормальным, Майлер? — негромко спросил он.

— Нет, — признал фон Браун.

— Я тоже. С первого взгляда это сильно смахивает на бред, но с

фактами трудно спорить, а немного поразмыслив, начинаешь понимать, что перед нами загадка, разрешение которой может дать толчок не имеющим цены технологиям. Такой шанс нельзя упустить. Зона марсианских проблем должна быть вычищена, как мы и договаривались, это верно, но прежде, используя лимит времени, мы постараемся извлечь оттуда и изолировать для исследований побольше техники, зараженной этой чумой.

Фон Браун некоторое время размышлял над его словами, потом был вынужден признать:

— Разумно. Только где ты ее собираешься изолировать, Дейв?

— Я подумал об этом, — ответил Мошер. — Единственное место, где мы сохраним в тайне все происходящее и сможем спокойно исследовать добытые образцы, должно отвечать трем требованиям: во-первых, такая исследовательская база должна быть полностью подконтрольна нашей корпорации, во-вторых, желательно расположить ее как можно дальше от Земли, где нет любопытных глаз, карантинных служб и вездесущих репортеров, и, наконец, третье — это место должно быть легко уничтожаемым в случае возникновения непреодолимых проблем.

Пока он говорил, лицо Майлера немного просветлело.

Он понял, куда ведет свою мысль Мошер. Дейвид, как всегда, мыслил ясно и логично. Фон Браун иногда всерьез задумывался — есть ли у его заместителя эмоции вообще?

— Ты имеешь в виду «Европу»? — не скрывая своего одобрения, спросил он.

— Точно. Более подходящего места нам не сыскать. Колониальный транспорт законсервирован, и сейчас он дрейфует в точке несостоявшегося старта за поясом астероидов. Мы использовали часть его ангаров как перевалочный склад в процессе добычи полезных ископаемых, но на его борту, ко всему прочему, масса лабораторий, есть все условия для проживания технического персонала, и, в конце концов, «Европу» можно просто взорвать, если у нас внезапно возникнут непреодолимые проблемы. — Он немного подумал и добавил: — Ну а в случае успеха мы получим нечто, не поддающееся сейчас здравому осмыслению.

— А кого мы туда пошлем? — спросил фон Браун.

— Толмачева. Я уже проинформировал его через Скрягина. Думаю, что наш главный инженер должен появиться тут с минуты на минуту.

* * *

Мошер не ошибся. Через пару минут поступил доклад секретаря, и на пороге кабинета возник Толмачев.

Выглядел он прескверно: волосы растрепаны, костюм помят, а глаза на осунувшемся лице выдавали смятение мыслей и чувств, которое он и не пытался скрыть.

Впрочем, главного инженера корпорации можно было понять.

На взгляд Анатолия, который обладал чисто техническим, рациональным складом мышления, все происходящее никак не укладывалось в рамки привычной логики и больше смахивало на бред.

Андроид, которого продемонстрировал ему Скрягин, был выпущен на заводах концерна «Новая Азия». Толмачев ни на секунду не сомневался, что остальные дройды сошли с аналогичных конвейеров. Если корпорация «Дитрих фон Браун» лидировала в планетном преобразовании и добыче полезных ископаемых, то новоазиаты исторически несли пальму первенства в области робототехники. Производственные мощности концерна, базирующиеся на Марсе, производили весь спектр роботов, в которых нуждались поселения колонии, начиная от обычных бытовых агрегатов и заканчивая самыми современными моделями человекоподобных машин.

Анатолий следил за всеми новинками и знал, что полгода назад концерн «Новая Азия» начал рекламную акцию своей новой продукции — модели человекоподобного робота последнего поколения, позитронный мозг которого был оснащен биологическими модулями долгосрочной памяти.

Попавший в руки Скрягина дройд принадлежал именно к этой модели, принципиальное отличие которой заключалось в том, что впервые в качестве комплектующих в роботе использовались искусственно выращенные фрагменты нервных тканей, созданных на основе человеческой ДНК.

Прогресс не остановить…

О клонировании продолжали спорить, но технология фирмы «Селл» — одной из дочерних компаний концерна «Новая Азия» — вполне укладывалась в рамки международных юридических норм — процесс исключал выращивание человеческого эмбриона. В инкубаторах «Селла» выращивались отдельные виды специализированных тканей, к которым невозможно было применить термин «организм».

Тайны человеческого мозга по-прежнему оставались не разгаданы в целом, но назначение отдельных видов составляющих его нервных тканей уже было известно, как и принцип, по которому они передавали или сохраняли информацию.

Результаты миллиардов лет кропотливой работы эволюции внезапно

были поставлены на конвейер, и, пока разгорался спор о правомочности и этической окраске тех или иных действий, компания «Селл» уже поставляла свою новинку на марсианский рынок.

В том, что человеческий мозг по многим признакам является самым совершенным на сегодняшний день компьютером, уже не сомневался никто, и исследования в данной области проводились очень давно, еще с конца двадцатого века. Локализовать участки серого вещества, являющиеся не чем иным, как отделами долгосрочной памяти человека, удалось еще шестьдесят лет назад, но реальная технология по внедрению нейронной ткани в оптико-позитронные схемы появилась совсем недавно.

С той минуты, как поступило злополучное видео с Марса, Толмачевым владели недоумение и страх, но он все же не терял рассудка. Локализованный, заключенный в цилиндрическую пластиковую колбу фрагмент серого вещества — это еще не мозг. Нет никаких оснований приписывать двум биологическим модулям какие-то сверхъестественные способности — они были и остаются не более чем скоплением нервных клеток, специализированных эволюцией для хранения и передачи данных.

Нет… Он даже тряхнул головой перед входом в кабинет фон Брауна, словно пытался отогнать наваждение этого рокового слова: биологический. Какая разница — живой или неживой, это был не более чем блок памяти, и нужен конкретный злой умысел, чтобы информация, помещенная в него на заводе-изготовителе, вдруг оказалась подмененной на воспоминания какого-то бомжа из Нью-Гарлема.

Анатолий достаточно хорошо разбирался в нюансах программирования андроидных машин и оттого еще более безнадежно недоумевал: его опыт не мог подсказать той червоточины, что вкралась в программные блоки, заставляя машины внезапно и необъяснимо менять свое поведение, совершая абсолютно неадекватные поступки, описанные Скрягиным в информационном пакете. Анатолий прочитал короткую справку о поведении тринадцати дройдов, и все это, вместе взятое, просто сводило его с ума. Он прекрасно понимал, что ни одна серийная машина не может действовать описанным образом, ведь роботом руководят инсталлированные на его носитель программы, которые жестко регламентируют каждый шаг и не предусматривают никаких вольностей, а тут… нападение на блокпосты периметра, причем с использованием холодного и огнестрельного оружия, полная свобода в выборе целей и средств их достижения, и на фоне этого — абсолютная дезориентация в пространстве и времени. Ни одна из захваченных машин не смогла ответить на вопрос о текущей дате и местном времени, но каждый из

роботов необъяснимым образом был осведомлен о различных уголках Земли, на которой они попросту не бывали…

Конечно, в своих мучительных размышлениях Анатолий ни на секунду не забывал, что переписать руководящие андроидом программы в принципе возможно — мощностей и быстродействия современного процессора хватит, чтобы какой-либо злоумышленник смог превратить бытовую машину в примитивного насильника-отморозка, но для этого нужно долго и кропотливо работать над конкретным образчиком, полностью уничтожить его систему и вписать на ее место новую программную архитектуру.

От мысли, что нечто подобное могли сотворить тонкие серебрящиеся нити, опутывающие и пронзающие блоки биологической памяти андроидов, Толмачеву становилось жутко.

Он не был морально готов к встрече с неизведанным и слишком хорошо ощущал степень своего ужаса.

Дверь кабинета фон Брауна тихо затворилась за его спиной, негромко клацнув старомодным механическим замком.

* * *

Борт «Януса».

Семь суток спустя

Вопреки опасениям Диброва, вахта прошла вполне обычно.

Шесть раз он сменялся с Хью, уходя отдыхать в свою каюту с внутренним ожиданием, что странный сон повторится или его психическое расстройство даст знать о себе каким-то иным образом, но нет, шли дни, а с ним ничего не происходило.

И все же видение не прошло бесследно.

В период службы на кораблях военно-космического флота Андрей сталкивался со многими видами психических расстройств и отчетливо понимал, что космос — не место для шуток, тут нельзя махнуть рукой на какое-то незначительное отклонение в привычном укладе мыслей, рассудив, что все пройдет само собой.

И все же рассуждать уставным образом, опираясь на голые инструкции, когда речь идет о тебе самом, — занятие сомнительное и неблагодарное. Разум машинально начинает искать лазейки, оправдания и в конце концов находит их.

Они с Майкрофтом больше не разговаривали о самочувствии или сновидениях — после того неудачного полушутливого диалога при смене

вахты оба старательно избегали подобных тем.

Рабочие будни пролетели достаточно быстро. Андрей нашел в себе силы успокоиться и ложился в гибернационную ячейку почти без страха — чуть шевелился в душе червячок сомнения: а вдруг все повторится? — но Дибров задавил его, подкорректировав систему жизнеобеспечения так, чтобы сон был более глубоким, чем обычно.

Колпак камеры медленно опустился, отсекая все шумы космического корабля, лишь тело ощущало легкие вибрации, ритмично пробегающие по переборкам в такт включению двигателей, — «Янус» уже начал маневр предварительного торможения.

Он уснул, сам не заметив момента перехода из реальности в грезы.

Это походило на вспышку света.

Создавалось ощущение, что он пропустил несколько дней показа в длинном сериале, повествующем о чужой жизни.

Интерьер был тот же: озаренная ослепительным сиянием лавовая пустыня, фрагмент рукотворного оазиса, притаившегося под сенью наклонной скалы, но чувства, мысли…

Чужое сознание опять вторглось в разум Диброва, совершив это с болезненной бесцеремонностью, будто его морально насиловал некто, обладающий чудовищной волей…

Он понял, что вторгающееся сознание возбуждено сверх всякой меры: существо по имени Кайл испытывало страх и отвращение.

…Кайл впервые видел Измененного так близко.

Тот факт, что он сам с недавнего времени мог считаться одним из них, никак не повлиял на его восприятие. Он по-прежнему ненавидел этих существ, хотя и не знал толком — почему? Он чувствовал, что от произошедших с ним несчастий это чувство стало лишь глубже и острее.

Затаившись в укрытии, он в напряжении смотрел, как хозяин оазиса — старик по имени Гоум — стоит, спокойно скрестив на груди руки, в ожидании, пока запыленные путники подойдут ближе.

Их было трое. Сзади, навьюченный поклажей, тащился изуродованный Серв обычного паукообразного вида, самого распространенного на Новом Селене. У механизма не хватало двух лап, и он комично прихрамывал, оставляя в пыли следы-полосы.

Кайл уже понял, что Измененных удобнее всего различать по степени их уродства. Этот критерий был, наверное, несправедлив, но нагляден.

Трое путников выглядели столь необычно, что Кайл, еще не свыкшийся с подобными картинами, ощутил дрожь: на них не было обычных для людей защитных костюмов, а тела прикрывал лишь минимум

одежды.

Не отрываясь, он смотрел на приближающихся, все отчетливее осознавая, что они ничем не защищались от суровой реальности Нового Селена. Эти существа плевали на нее, не замечая ни изнуряющего зноя, разлившегося над желто-коричневым каменным морем, ни низкого содержания кислорода в разреженном, удушливом воздухе. Кожа всех троих была обезображена глубоко въевшимися серебрящимися пятнами металлической проказы, руки одного оказались сплошь покрыты рубцами, в которые металл въелся особенно сильно, на лице второго отсутствовал глаз, и вместо него в глазнице под тонко выщипанной бровью гнездилось нечто отвратительное, похожее на глубоко впившегося клеща, который постоянно шевелил своими лапками.

Третий Измененный поначалу внушил Кайлу особенное отвращение. У него серебристая проказа поразила половину лица, пробороздив его тонкими, ртутно поблескивающими прожилками, протянувшимися по правой щеке и исчезающими за ухом в пыльной, беспорядочно спутанной шевелюре, перехваченной узкой лентой, из-под которой выбивались скатавшиеся сосульками рыжие пряди.

Очевидно, эти въевшиеся в кожу серебристые нити доставляли Измененному неудобства — он постоянно подергивал пораженной щекой, время от времени поднимая руку и поглаживая изуродованную плоть кончиками пальцев.

Пока Кайл в напряжении разглядывал вновь прибывших, троица пересекла границу оазиса и остановилась.

— Привет, Гоум, — произнес тот из путников, у которого не было глаза.

Хозяин кивнул в ответ, по-прежнему держа руки скрещенными на груди.

— Привет, Онжилай, — ответил он. — Давно тебя не было видно в наших краях.

— Охотился на темной стороне… — небрежно обронил Измененный, устало присаживаясь на каменный поребрик, ограждавший ртутный пруд. — Тамошние Сервы сейчас идут на рынках по десять чимов за штуку.

Двое его спутников продолжали стоять. Механизм, на спину которого была навьючена поклажа, подогнул лапы, опускаясь в пыль с тихим, затухающим на низких нотах воющим звуком, и тут же утратил всякую схожесть с живым существом — просто покрытая пылью груда металла, на которую сверху навалили тюки с тряпьем…

— Хорошая цена, — кивнул Гоум, нарушая возникшую в разговоре

паузу. — Но ведь и трудиться приходится изрядно, верно? — заметил он.

— Да, — коротко согласился с ним Онжилай. Он протянул руку и коснулся своего отсутствующего глаза. — Видишь, какой подарок я приволок с собой оттуда. Сможешь вытащить?

Гоум не спешил с ответом.

Несколько секунд он пристально смотрел на отвратительно шевелящиеся лапки.

— Сильно мешает? — наконец осведомился он. Онжилай подозрительно покосился на него здоровым глазом.

— Издеваешься? — с угрожающими нотками в голосе спросил Измененный.

— Нет. Даже не думаю. — Гоум продолжал смотреть на впившегося в глазницу металлического клеща. — Просто мне непонятно, почему ты тащился в такую даль? Разве ты не мог получить помощь раньше?

— Это не твое дело, — неприветливо буркнул Онжилай. — Я заплачу тебе тридцать чимов, если ты сумеешь обезвредить этот модуль.

Гоум покосился на спутников одноглазого.

— Ей тоже требуется помощь? — спросил он, взглядом указав на Измененного, который машинально поглаживал стягивающие щеку серебристые нити.

Великий Селен! Это была женщина!

Кайл едва не выдал себя, вовремя задавив готовое вырваться из пересохшего горла бессвязное восклицание.

Действительно, стоило присмотреться повнимательнее, и под пылью, пятнами проказы и заскорузлым подобием одежды начинал угадываться контур женского тела.

Она выглядела изможденной, а раньше, наверное, была красива. Неряшливые волосы, торчащие во все стороны из-под матерчатой повязки, закрывающей часть лба, казались пучком раздерганной во все стороны медной проволоки.

Жалкое зрелище. В другой момент вид изуродованной женщины показался бы Кайлу отвратительным, но разве он сам не выглядел так же, когда из последних сил полз сюда, уже не отдавая себе отчет, мираж перед ним или настоящий оазис?

Все познается в сравнении. Чувства слишком быстро и калейдоскопично менялись в душе Кайла, словно кто-то, забавляясь, встряхивал наполняющие его осколки мыслей, образов, ценностей. Раз встряхнешь — вспыхнет в душе злой огонек злобы, ненависти и отвращения, еще раз — и вдруг просыпается жалость, а вместе с ней и

растерянность, непонимание происходящего, беспомощность, желание понять, кем же на самом деле является теперь он сам?

Женщина выступила вперед. Откинув выбившуюся из-под повязки слипшуюся от пота прядь медно-рыжих волос, она молча подставила свою щеку для осмотра.

— Похоже на плевок, — не дотрагиваясь до щеки, произнес Гоум, внимательно изучая въевшиеся в кожу стягивающие ее нити. — Как тебя зовут?

Она покосилась на Гоума, не меняя при этом своей напряженной позы, и в ее взгляде читалось недоумение, словно она хотела спросить: какое тебе дело до моего имени? Но все же ответила, вытолкнув сквозь зубы:

— Беат…

Гоум кивнул. Он явно что-то обдумывал, взвешивая в уме какие-то «за» и «против».

— Тебя, Беат, я возьмусь привести в порядок, а вот твоего Онжилая…

Лицо женщины внезапно исказилось.

— Я с ним не сплю! — прошипела она, и в этот миг Кайл, который не дыша наблюдал из своего укрытия за развитием событий, вдруг заметил, как вспышка непонятной ярости на мгновение разгладила ее черты, вернув им прежний облик.

Она была молода. Кайл мысленно содрогнулся, осознав, как сильно она, должно быть, страдает, если эта гримаса муки стала ее привычной мимикой, навсегда исказившей миловидные черты.

Гоум отступил на шаг назад, миролюбиво подняв обе руки.

— Стоп… Не так резко, девочка. Я не лезу в ваши взаимоотношения. — Он обернулся. — Онжилай, где ты подобрал этого милого, бешеного скварга?

— На темной стороне, — буркнул в ответ одноглазый. — Она подыхала в руинах. Пожалел.

— Ясно. — Гоум обернулся. — Значит, перед нами дикая, гордая, независимая девочка, мм… думаю, лет двадцати от роду, маленькое исчадие темной стороны? Прекрасно. Сколько раз этот грязный тип пытался тебя изнасиловать? — приподняв бровь, напрямую спросил он у Беат.

Она опять начала багроветь. На ее щеке от напряжения из-под серебрящихся нитей выступили крохотные капельки крови.

— Остынь, — осадил ее Гоум. — Я спрашиваю не из праздного любопытства. Если ему удалось это сделать, то ваши микромашины могли вступить во взаимодействие, а это осложнит лечение.

— Хватит нас расспрашивать, — вмешался в разговор Онжилай, которого раздражала, но не смущала развитая хозяином оазиса тема. — У меня ничего не вышло.

— Вот это уже лучше, — позволил себе улыбнуться Гоум. — Хоть одна приятная новость из вороха пакостей, что вы приволокли ко мне. Ну, а чем страдает наш молчун? — обратился он к третьему члену маленького отряда, который с видом полного безразличия уселся прямо на дорожку рядом с Сервом и проявлял во время разговора не больше эмоций, чем тот каменный поребрик, о который он оперся локтем.

— Отсутствием мозгов, — зло хохотнул Онжилай. — Мне кажется, я не слышал от него внятной речи с тех самых пор, как он сунул свои руки в улей микромашин. Они, наверное, свили себе новое гнездо в твоей башке, да, Даккар?

Измененный не ответил, продолжая сидеть с безразличным видом.

Онжилай хмуро посмотрел на Гоума.

— Ты ничего не сказал относительно моего глаза, — напомнил он.

— И не скажу. Сначала мне надо вас обработать, вымыть, осмотреть, а уж потом станет ясно, что я могу сделать.

— Но ты же сказал ей…

Гоум жестом прервал протест Онжилая. Он уже понял, что троих путников, кем бы они ни являлись в иной жизни, привела сюда крайняя нужда и никто из них не станет создавать серьезных проблем. По крайней мере, до той поры, пока они не получат желаемую помощь.

— С Беат мне все ясно. Я уже имел дело с подобными плевками и знаю, как с этим бороться. А вот ты и твой друг Даккар вызываете у меня серьезные сомнения. Боюсь, что я не сталкивался с такого рода изменениями. Остается надеяться на милость создателя, который не произвел на свет ни одной бесполезной микромашины.

Выслушав его, Онжилай насупился.

— Чем же может быть полезна эта дрянь?

— Пока не знаю, — пожал плечами Гоум. — Но опыт подсказывает, что ни один модуль на Новом Селене не существует просто так. У каждого есть своя неповторимая функция, разгадать которую — удача для любого исследователя. Мы потеряли слишком много знаний в период темных тысячелетий, потому и ходим сейчас вот так, — он выразительно указал на Беат, которую снова скрутило, изменив до неузнаваемости и черты лица, и саму фигуру, превратив человека во что-то непотребное, скрюченное, готовое подохнуть прямо на твоих глазах…

— Твои предварительные условия я принял, — добавил Гоум,

обращаясь к одноглазому. — Девушку я возьмусь вылечить бесплатно, а вот что делать с твоим другом? Ты согласен нести расходы на его обследование?

Онжилай покосился на Даккара, который безразлично продолжал смотреть в одну точку.

— Когда-то он был моим компаньоном, — наконец вздохнул одноглазый. — Ладно, пусть Селен смилуется над ним. Я оплачу его лечение.

— Отлично, — подытожил результат переговоров Гоум, не скрывая своего облегчения от того, что ситуация разрешилась без особых проблем. — Ты знаешь мои правила, Онжилай. На территории оазиса командую я. Кто не желает подчиняться моим указаниям, может проваливать немедленно. — Он повернулся к Беат и смотрел на нее, пока не дождался утвердительного кивка. — Тогда прошу всех следовать за мной, но прежде я бы хотел представить вам своего помощника. — Гоум обернулся к зарослям металлизированного кустарника и позвал: — Кайл, выходи.

Пока юноша выбирался из сплетения ветвей, цепляясь за них вверенным ему громоздким оружием, Онжилай, напрягшийся было от такого оборота событий, вдруг расхохотался:

— Вот, значит, как? Держал все это время нас на мушке, старый пройдоха?

Гоум пожал плечами.

— Мир жесток. Разве ты не проявил бы подобной предусмотрительности на моем месте?

Онжилая, видимо, охватил приступ веселой откровенности. Он криво усмехнулся и вдруг заявил, глядя на выбирающегося из кустов Кайла:

— На твоем месте, Гоум, я бы перестрелял подобную компанию, движущуюся в моем направлении, еще вон там… — Он указал на одинокий валун, отбрасывающий короткую черную тень метрах в пятистах от оазиса.

— Спасибо за откровенность, — в свою очередь, усмехнулся Гоум. — Это не в моем стиле, ты же знаешь.

— Потому и пришел, что знаю, — оборвав смех, ответил одноглазый и тут же переспросил, внимательно глядя на Кайла: — С каких это пор ты начал пригревать у себя людей?

В его голосе не было злобы или ненависти — в нем ясно прозвучала глухая реальная угроза.

— Он не человек, — спокойно ответил ему Гоум. — Такой же

Измененный, как я и ты. Покажи ему, Кайл, — потребовал хозяин, заметив, что губы Онжилая дрогнули, кривясь в недоверчивой, не предвещающей ничего доброго усмешке.

Щеки Кайла вспыхнули румянцем точно так, как это несколько минут назад случилось с Беат.

С какой это радости я должен оголяться перед одноглазым уродом? — говорили его глаза, выцветшие от внезапной вспышки бесконтрольного, ничем не оправданного и не свойственного юноше гнева.

Он еще не знал, что это микромашины, попавшие в его кровь, необратимо изменили биохимический баланс в пользу наиболее эффективного, основанного на яростной борьбе выживания…

— Я же сказал, покажи ему! — повысив голос, прикрикнул на Кайла Гоум, заметив, что побелевшие пальцы юноши впились в ложе метательного оружия.

— Ты смотри, сервеныш недоделанный! — Онжилай, видно, был морально готов к драке в любую секунду, не расслабляясь ни на миг в своей полной опасностей жизни. Он встал одним тягучим, плавным движением, и в его руках, словно по мановению злой силы, тут же сверкнул длинный, не предвещающий ничего, кроме смерти, серометаллический клинок с несколькими сенсорными переключателями на замысловато инкрустированной рукояти.

Кайл не знал, что за сила владела им самим в тот момент. Непонятная вспышка ярости затмила разум, выбила из головы все иные чувства, не оставив места даже элементарному инстинкту самосохранения. Не он владел ситуацией, а ситуация владела им. Не было ни смысла, ни повода, чтобы причинять неприятности Гоуму, но в эти секунды Кайл даже не вспомнил о своем спасителе, как не вспомнил и самого себя, остолбеневшего при первой в его жизни стычке с Сервами…

…Они совершили роковые движения фактически одновременно.

Палец Кайла утопил спусковую скобу метательного оружия, освобождая сжатую пружину, а Онжилай неуловимым глазу движением резанул клинком снизу вверх, без видимых усилий, с жутковатой усмешкой на губах и ледяным блеском во взгляде единственного глаза.

Две половинки металлической стрелы полетели по сторонам, с жалобным звоном ударившись о каменный парапет искусственного водоема, а Онжилай, не останавливая начатого движения, подался вперед, вытягивая руки, и его клинок жестко ударил по цевью самострела, выбив оружие из рук Кайла.

Юноша не успел ни отскочить, ни испугаться. Он лишь ощутил, как

самострел вырвало из пальцев, а затем что-то холодное, шуршащее коснулось его груди и одежда распахнулась сама собой по всей длине косого разреза…

Он охнул, отступив на шаг назад, и вдруг осознал, что стоит абсолютно голый и безоружный, но на его груди при этом не было раны — на коже не выступило ни единой капельки крови.

— И вправду Измененный, — удивился Онжилай, взглянув на серебристые пятна видоизмененной Гоумом проказы, которые прижились на ключицах Кайла. — Классно сделано, — прищелкнул он языком, убирая за спину свой страшный клинок. — Жаль, что мне в свое время не повстречался такой мастер, как ты, Гоум.

На Кайла он больше не обращал никакого внимания, но, заметив, что хозяин оазиса покосился на своего подопечного, небрежно обронил:

— Тебе стоит вбить в его голову немного послушания, а то ведь забредет к тебе какой-нибудь незнакомый урод, потом горя не оберешься.

* * *

Это был первый в его новой жизни урок.

Гнев Кайла иссяк так же внезапно, как вспыхнул, а оставшуюся на его месте сосущую пустоту тут же заполнил целый сонм противоречивых чувств.

Во-первых, пришел запоздалый страх, во-вторых, он испытал жгучий стыд перед Гоумом. В-третьих…

Да что там говорить… Кайл ощущал себя полным идиотом. Униженный, голый, он стоял, не зная, что ему делать, и в этот миг ненавистный Измененный вдруг подошел к нему и потрепал по плечу.

— Со мной было хуже, — внезапно произнес он. — Учись не давать волю чувствам, а если уж дал, так сумей довести свою ярость до логического конца. — Он опять жутковато усмехнулся и выразительно чиркнул себя ребром ладони по горлу.

Кайл, дрожа и краснея, потянулся за разрезанной на две половины одеждой, а Онжилай, больше не обращая на него внимания, пошел вслед за Гоумом в глубь оазиса.

Подняв распоротый надвое защитный балахон, за который его сознание по инерции цеплялось, как за последнюю реликвию, оставшуюся от прошлой, утерянной навсегда жизни, Кайл вдруг ощутил на себе еще один взгляд и невольно поежился.

Резко обернувшись, он увидел Беат, которая стояла, беззастенчиво разглядывая его.

Кайл машинально закрылся одеждой, а она пожала плечами и тоже пошла в глубь оазиса к приземистым постройкам, сложенным Гоумом из серой, нарезанной прямоугольными блоками вулканической породы.

Никто не осудил его, не наказал за спонтанную вспышку гнева, словно выплеснувшаяся наружу ярость являлась в этом новом для Кайла мире нормой.

* * *

Последующие часы оказались настолько перенасыщены событиями, что Кайлу попросту некогда было вспоминать о своем недавнем поведении и жестоком, полученном от Онжилая уроке.

Гоум действительно взялся врачевать пришедшую к нему троицу, если, конечно, тут уместен термин, означающий исцеление живого организма.

Только вдоволь насмотревшись на Измененных, Кайл смог наглядно убедиться, какую неоценимую услугу оказал ему старик. Если бы металлическая проказа, поразившая его раны, получила возможность свободно распространяться по телу, то один Селен ведает, каков был бы облик юноши спустя пару месяцев после инфицирования.

Онжилаю и его молчаливому другу Даккару повезло в этом смысле намного меньше — их тела были в буквальном смысле изуродованы: участки серебристой, насыщенной металлом кожи, как модифицированной впоследствии, так и самостоятельно переродившейся в негнущийся, неприятно поблескивающий покров, перемежались со здоровой плотью в хаотичном беспорядке, отчего тело нагого Онжилая казалось раскрашенным под пустынный камуфляж, какой иногда наносят на свои защитные балахоны человеческие воины.

Прежде всего Гоум загнал троих путников в палатку из грубой водонепроницаемой ткани, где они долго и тщательно мылись под его беззастенчивым, строгим контролем. Когда с их тел была удалена вся пыль и грязь, а плоть неприятно засверкала пятнами пораженных участков, Гоум, не успокоившись на этом, обрил всех наголо, пощадив лишь Беат, которой он оставил на голове сантиметровый ежик медно-рыжих волос.

Кайл, который выполнял роль разнорабочего, таская воду, относя в специальный очаг тряпье, которое когда-то было одеждой, а теперь могло называться разве что лохмотьями, поначалу старался не смотреть на Измененных, но, когда разделась Беат, он не выдержал — скосил глаза в ее сторону.

Беат действительно была молода, чуть старше его самого, может, на

год или два — в таком возрасте различия почти не ощущаются. Она оказалась вполне сформированной женщиной, и Кайлу оставалось только внутренне изумиться, как сильно искажала, уродовала ее облик та гнусная, на его взгляд, одежда, которую он только что отнес в очаг и сжег, испытав при этом непонятное удовольствие.

Мысли о Беат после брошенного на нее украдкой взгляда становились все навязчивее. Он гнал от себя ее образ, но тот упорно маячил перед мысленным взором Кайла…

…В ложбинке между ее грудей неприятно поблескивал металл, да еще одно обработанное пятно овальной формы расползлось по бедру. Оба очага поражения, насколько мог судить Кайл, были локализованы достаточно быстро, и изменения в структуре тканей не успели глубоко проникнуть в ее организм.

По-видимому, как и в его случае, рядом с Беат в момент Изменения находился кто-то более старший и опытный. Чья-то добрая рука ограничила очаги поражения и не только остановила распространение металлизированных пятен, но и модифицировала их, придав податливой в тот момент поверхности пораженных участков форму универсальных разъемов, куда впоследствии, при желании самого измененного, можно было подключать внешние устройства.

Кайл еще слабо разбирался в тонкостях того искусства, которым владел Гоум. Он мог наблюдать лишь внешнюю часть процесса, а суть происходящего при этом в большинстве случаев оставалась за кадром.

Первой в руки целителя попала Беат. Онжилай попробовал было протестовать, но Гоум просто не стал его слушать, напомнив, что тут распоряжается он.

Беат уложили на жесткий стол из полированного камня.

Гоум принес поднос со склянками, в которых были насыпаны или налиты различные вещества. Чтобы Кайл не путался, он называл их просто: желтый порошок или фиолетовая жидкость.

Поначалу процесс лечения шел однообразно и утомительно. Гоум требовал различные реактивы, которыми он обрабатывал пораженные участки кожи, а затем долго, иногда по полчаса кряду, наблюдал за малейшими изменениями в структуре пораженных тканей, за их цветом, плотностью и иными, ведомыми только ему признаками.

Все это время Кайл вынужден был стоять подле, не смея заговорить с Гоумом, который, насупясь, молчал, изредка проводя по обезображенной коже особой металлической палочкой, острой с одной стороны и уплощенной на другой.

Маясь от вынужденного безделья, Кайл волей-неволей смотрел на Беат. Несколько раз они встречались взглядами, но она тут же отводила глаза, словно мучительно стыдилась всего происходящего с ней.

Кайлу было понятно и знакомо это чувство, он лишь подумал, что, имея на своем теле два измененных пятна, глупо переживать по поводу третьего.

Участок пораженной кожи, куда попало то, что Гоум назвал «плевком», находился на правой стороне ее шеи. Серебристая проволока, пронзающая плоть щеки и причиняющая Беат особенно сильные мучения, видимо, появилась не так давно вследствие разрастания пораженного участка.

Девушка лежала, уставившись в потолок. Когда Гоум начал пальцами растягивать кожу на пораженной щеке, из уголков ее глаз ручьем брызнули слезы.

— Зеленую жидкость, Кайл, быстро.

Юноша подал Гоуму нужную склянку, и старик принялся своей палочкой, смоченной в ядовито-зеленом растворе, выглаживать щеку Беат, двигаясь вдоль глубоко въевшихся в кожу нитей.

Она скривила губы, терпеливо вынося боль.

Нити засеребрились, потом вдруг начали тускнеть.

— Придется потерпеть, милая… — произнес Гоум. — Сейчас я попробую их убрать.

Беат, лицо которой было белым, как лист бумаги, едва заметно кивнула.

Старик обернулся к Кайлу.

— Держи ее голову, — приказал он.

Юноша повиновался. Он сам был взволнован и напрягался каждый раз, как только инструмент касался покрасневшей, распухшей плоти вокруг нитей.

Гоум, действуя острыми щипчиками, обкусил одну нить у основания, там, где она сливалась с безобразным пятном. В месте вмешательства выступило несколько капель крови.

— Сожми зубы, — посоветовал он.

Беат опять едва заметно кивнула. Слезы продолжали сбегать из уголков ее глаз, скользя по пальцам Кайла, который ладонями сжимал ее виски.

Он ощущал ее страдания и страх. В эти минуты в его душе что-то смешалось, одни понятия теряли свою опору, другие незаметно обретали почву под собой. Юноша почти не помнил своей собственной физической

боли, но моральные муки были еще так свежи, что он понемногу начинал видеть ситуацию совсем в ином свете. Разве человек пойдет на добровольные муки, станет терпеть адскую боль, мириться с уродством своей плоти?

Нет, конечно.

Значит, изменения, по своей сути, события случайные, произошедшие в силу каких-то неподвластных человеку обстоятельств, и они — действительно проказа, болезнь, но разве следует презирать, ненавидеть и уничтожать больных?

Это был безответный вопрос, заданный самому себе. Для каждого эта дилемма решается по-своему. Кто-то, кого не коснулась беда, возможно, лишь фыркнет, заявив, что источник болезни нужно уничтожать, вырывать с корнем, а кто-то, напрямую вкусивший этой горечи, осознающий, что больной остается человеком, станет действовать и думать как-то иначе.

Вот Гоум наверняка относился к последней категории.

Его действия были болезненными по отношению к пациенту, жестокими из-за элементарного отсутствия анестезирующих средств, но оправданными с точки зрения практического выживания.

Взяв пинцет, Гоум ухватил конец нити и резко потянул за него.

Раздался отчетливый хруст.

Голова Беат дернулась, рот раскрылся в немом крике, Кайлу казалось, что его самого пронзила эта боль, когда серебристая нить с неприятным звуком начала извлекаться из ее щеки.

Эта кошмарная процедура повторилась шесть раз.

На пятой нити Беат не выдержала и потеряла сознание. Заметив это, Гоум удовлетворенно хмыкнул.

Ладони Кайла вспотели от напряжения.

— Пока все, — к его неописуемому облегчению объявил старик, вытащив шестую нить. Щека Беат после операции покраснела и распухла.

— Присыпь ей следы от нитей желтым порошком. Пусть он смешается с кровью и засохнет, — распорядился Гоум, не глядя больше на потерявшую сознание женщину, словно, удалив проказу, он утратил к пациентке всякий интерес. — Если вдруг очнется, не позволяй ей крутить головой. Я скоро вернусь. — С этими словами он просто вышел, перейдя в соседнее помещение и оставив Кайла наедине с измученным, кровоточащим, бессознательным телом.

Его руки дрожали, когда он выполнял наставления жестокосердного старика. Сделав все, как приказывал Гоум, Кайл снова встал в изголовье и сжал ладонями ее виски на тот случай, если Беат внезапно придет в себя и

начнет дергаться от боли.

Шли минуты, но она не приходила в сознание.

Кайл стоял в напряженной позе, глядя на ее черты, на коротко стриженные волосы, которые стали еще больше похожи на короткий проволочный ежик из-за своего медно-рыжего цвета.

В его короткой и достаточно однообразной в недалеком прошлом жизни не было никакого опыта общения с женщинами. Как и любой подрастающий юноша, он с определенного момента стал поглядывать на представительниц иного пола несколько иными глазами, но реального случая понять, что за смутные чувства тревожат его разум, у Кайла попросту не было.

И вот сейчас этот миг наступил.

Как ни противоестественной могла показаться эта ситуация, но Беат оказалась первой, на кого Кайл смотрел как на женщину.

Чувство, обрушившееся на него, показалось юноше ошеломляющим. Он ощущал под своими ладонями тепло ее кожи, и те муки, которые он сопереживал вместе с ней несколько минут назад, сделали его взгляд не постыдным, а теплым, понимающим, нежным, гладящим ее кожу и…

Он вдруг понял, что Беат пришла в себя и вот уже несколько секунд смотрит на него. Ее губы были чуть приоткрыты, дыхание стало неровным, прерывистым.

Кайл не успел смутиться или испугаться. Они встретились глазами, и он понял, что голова Беат под его ладонями дрожит.

— Я, наверное, умру… — тихо, но внятно произнесла она.

Кайл отчаянно затряс головой.

— Нет. Не думай об этом.

— Я боюсь. Мне говорили, что когда это проникает в мозг, то наступает смерть… Человек становится дебилом, как Даккар. Ему, бедняге, уже не поможет никто…

Кайл содрогнулся от этих тихих, как само дыхание, слов.

— Не надо думать о плохом. Гоум тебе поможет.

— Я боюсь… — повторила она, и ее взгляд вдруг опять начал тускнеть.

— Постой… — Кайл запаниковал. Ему хотелось помочь ей, как-то облегчить страдания, но он не знал, что следует делать, и стоял, лишь сильнее сжимая ее виски своими ладонями, так что короткие волосы Беат впивались в его кожу.

Ее блуждающий взгляд остановился на шее Кайла, где на тонкой, но прочной цепочке висел медальон размером с небольшую бусину. Такие

личные метки выдавали в городе всем воспитанникам муниципальных учебных заведений.

Почувствовав, куда она смотрит, Кайл отнял одну ладонь от ее головы и дрожащими пальцами на ощупь расстегнул замок цепочки.

— Возьми. — Он нагнулся, вложил медальон в ее руку и легким усилием сжал ее пальцы в кулак. Это было наивно, но ему казалось, что он поступает должным образом. — Это поможет тебе, — внезапно добавил он. — Держи его крепко, и ты не умрешь.

Их диалог нарушило возвращение Гоума. Старик вошел с какой-то шкатулкой в руке и положил ее на стол у изголовья Беат.

— Очнулась? — спросил он, пристально посмотрев на юношу.

Кайл кивнул, стараясь избегать его проницательного взгляда, будто и вправду совершил что-то постыдное.

— Ну-ну… Сейчас посмотрим. — Гоум присел, разглядывая обработанное кем-то пятно на ее бедре. — Что-то я не припомню таких мастеров… — через некоторое время произнес он, закончив исследование сформированных чьей-то твердой рукой выступов и впадин на месте посеребренной кожи. — Эта форма гнезд мне незнакома. Кто формировал их тебе?

Беат молчала. Поджав губы, она смотрела в потолок, а ее взгляд вдруг стал мертвым, ненатуральным. Гоуму это не понравилось, но он сдержался.

— Ладно. Тогда ограничимся стандартным модулем выживания. — Он открыл принесенную с собой шкатулку. — Если ты не солгала мне, девочка, то прошло достаточно времени после изменения, и это новое пятно на твоей шее уже вступило в контакт с нервной и кровеносной системами. Сейчас я лишу эту колонию возможности размножаться и попробую сформировать из внедрившейся в тебя пакости что-нибудь полезное. А ты потерпи и подумай, может, захочешь все-таки ответить на мой вопрос хотя бы из элементарной благодарности?

Беат продолжала молчать, глядя в потолок, и Гоуму пришлось заняться делом.

Опять Кайл подавал ему различные реактивы из склянок, которыми Гоум последовательно обрабатывал серебрящуюся поверхность пятна на ее шее, пока оно не утратило своего ртутного блеска, приняв серо-стальной оттенок.

Спустя полчаса, потыкав в пятно палочкой, Гоум нашел состояние размягчившейся поверхности вполне удовлетворительным и извлек из шкатулки металлический модуль, легко разнявшийся в его пальцах на две половины.

— Модуль выживания, — пояснил он, обращаясь к Кайлу. — Тебе я поставил точно такой же в правое предплечье. Смотри, как это делается. — Он взял в пальцы половинку устройства, на плоскости которого виднелись ряды углублений. — Это приемная часть, она вживляется в организм. Я нейтрализовал колонию внедрившихся в кожу металлических бактерий, они вскоре умрут, и тогда участок металлизированной кожи станет твердым. Ну а пока они мягкие и податливые, нужно успеть сформировать пятно. — С этими словами он взял приемную часть приспособления и вдавил его в кожу Беат.

Она тихо вскрикнула, когда эта половинка на сантиметр утонула в ее матово отсвечивающей плоти.

— Прижать и подержать минуту, — прокомментировал Гоум.

Кайл смотрел на эту операцию расширенными глазами, представляя, как хозяин оазиса совсем недавно проделывал то же самое с ним самим.

— Замечательное устройство, — прокомментировал Гоум, отнимая руку. — В эти гнезда могут подключаться до десятка приспособлений, извлекающих из окружающей среды кислород, питательные вещества или же энергию в чистом виде. Если нет специально выращенных насадок, то подойдет и вторая, ответная часть. В ней содержатся микромашины, которые живут за счет тепла человеческого тела. Они выполняют полезную симбиотическую функцию, питая организм, который снабжает их энергией. Единственное неудобство: они размножаются приблизительно раз в полгода, выбрасывая свои споры. Если соблюдать осторожность, это безопасно, к тому же из собранных спор можно, при надлежащем усердии, вырастить новый модуль для вживления. — Заметив, что Кайл недостаточно внимательно относится к его словам, Гоум добавил уже более строго: — Ты не глазей по сторонам, а слушай. Эти знания собирались веками, по крохам, и один Селен ведает, сколько людей умерло в муках, пока кто-то не распознал назначения этих модулей и не научился трансформировать пятна проказы в полезную соединительную ткань.

Ворчание Гоума не мешало ему работать — пальцы старика, вооруженные тонким металлическим стержнем, медленно перемещались вдоль вживленной секции импланта, поверхность которой содержала множество ответных соединительных гнезд. Все происходящее на его глазах казалось Кайлу если не чудом, то невероятным таинством. Он не мог объяснить значения большинства производимых Гоумом операций, но замирал каждый раз, когда тонкое, заостренное в виде иглы стило касалось той или иной части вживленного модуля. Если на противоположной оконечности этого непонятного инструмента вдруг загоралась трепетная

зеленая искра, то Гоум удовлетворенно кивал головой, переходя к следующему участку, если же нет, то он начинал втыкать длинную иглу под кожу Беат, пытаясь добраться до неведомой Кайлу цели. Не зная точного смысла совершаемых действий, юноша замечал лишь гримасу боли, от которой беспомощно и некрасиво кривились ее губы, да капельки холодного пота, выступающие на лбу молодой женщины. Удивительно, как терпела она эту процедуру, больше не издав ни единого стона.

Наконец Гоум удовлетворился сделанным. В последний раз потыкав иглой в установленный имплант, он разогнулся и посмотрел на Кайла, который стоял в напряженной позе, машинально закусив губу.

— Читать умеешь? — внезапно спросил он.

Кайл, мысли которого были сосредоточены в этот миг совсем на другом, растерялся.

— У-умею… — заикнувшись, наконец ответил он.

— Надо бы дать тебе пару старых книг, где описана суть процесса, — себе под нос проворчал Гоум и добавил уже громче: — Чтоб в следующий раз не смотрел на меня, как на изувера.

Видя, что юноша смутился еще больше и не находит слов для ответа, старик взглядом указал на обессилевшую Беат:

— Неси ее в соседнюю комнату и дай две желтые пилюли, они там приготовлены на подносе. Пусть спит, а мы с тобой займемся Онжилаем.

* * *

Лечение одноглазого Измененного оказалось более сложным и болезненным, чем операции, произведенные над Беат.

Гоум вел себя с ним несколько иначе, чем с женщиной.

— Садись и запрокинь голову, — резким, каркающим голосом приказал он, когда Онжилай вошел в комнату. Из одежды на нем была лишь чистая набедренная повязка. Кайл, который стоял за массивным стулом с высокой спинкой, смотрел сейчас на множество рубцов и шрамов, покрывавших кожу воина, думая при этом, что по отметинам, наверное, можно прочитать всю его жизнь, вот только судить, длинна она была до сей поры или коротка, не взялся бы и сам Гоум. Большинство шрамов затягивала серебрящаяся пленка, не позволяющая прикинуть на взгляд — свежие это рубцы или давние? По ртутным отметинам ясно было одно — получены они при столкновениях с Сервами.

Как же так, подумалось Кайлу, ведь всегда считалось, что Сервы и Измененные лучшие друзья… сообщники!..

Перехватив его взгляд, Онжилай криво усмехнулся. Неизвестно, о чем

он подумал в этот миг, но комментировать свою ухмылку не стал, лишь сверкнул на Кайла своим единственным глазом да скривил уголки губ.

— Пристегни его ремнями к креслу, — приказал Гоум, бросая Кайлу связку прочных матерчатых полос с застежками на концах. — А ты, — обратился он к Онжилаю, — сиди и терпи. Стул прикручен к полу, если тебе интересно.

Воин кивнул.

В школе Кайлу внушали, что беззастенчиво пялиться на людей, особенно если они отмечены печатью физических недостатков, неприлично, но сейчас он был не в городе, да и поделать ничего не мог — его взгляд нет-нет да и соскальзывал на ту механическую тварь, что обосновалась в глазнице Измененного.

Создание было совсем небольшим, и оно полностью перекрывало глазницу. То, что издали казалось лапками, на самом деле не имело никаких суставчатых соединений и больше походило на гибкие металлизированные усики.

Некоторое время Гоум не начинал никаких действий, приглядываясь к этому невиданному включению в человеческую плоть.

— Когда ты потерял глаз, Онжилай? — в своей обычной манере неожиданно спросил он.

— Три стандартных года назад, — не задумываясь ни на секунду, ответил ему воин.

— Изменения были?

— Нет, — покачал головой Онжилай. — Чистый удар от воина-человека. Его клинок был стерилен, как луч света. Никакой дряни, только крови много вышло.

— Понятно… — Гоум опять склонился, разглядывая металлического клеща. — Похоже на какой-то модуль, не находишь?

Воин пожал плечами. Откуда мне знать, говорил этот жест.

— Он так и прыгнул на тебя, в таком вот виде? — продолжал расспрашивать старик.

— Нет, — внезапно признал воин. — Это был плевок.

Невозмутимость Гоума как рукой сняло.

— Ты серьезно?! — Он недоверчиво посмотрел на Онжилая. — Плевок, как в случае с Беат? Ты ничего не путаешь?

Онжилай скривился, потом вдруг хохотнул, словно ему на ум пришла неожиданная веселая мысль.

— Придется тебе верить мне на слово, старик… Единственный мой свидетель — это Даккар, а из него, сам видишь, рассказчик никакой.

Гоум, неосознанно теребивший в пальцах свой щуп, который он после операции с Беат тщательно промывал в каком-то растворе, вдруг насупился.

— Ну-ка расскажи подробнее.

— Нечего рассказывать, — нахмурился Онжилай. — Это были обычные плюющиеся кусты. Думаю, мы просто подошли к ним в неудачное время, когда эти твари начинают стадию размножения. Даккару уже тогда было все равно — одним пятном больше, одним меньше, он почти не разговаривал, только мычал иногда, а вот я сплоховал, подставился. Вообще-то плевок попал мне в ворот, и немного брызнуло на щеку, но я быстро отер капли, подумав, что обойдется, тем более что к тому времени стоны девочки уже были слышны вовсю. Она валялась у самого основания отдельно растущего куста и корчилась от боли. Я вынес ее оттуда, а потом, когда нашел время осмотреть себя, понял, что дела плохи, — там, куда попали брызги, уже поползло серебро. Я обработал его обычным составом, но не помогло. Когда стал глядеть во второй раз, часа через три после плевка, вся эта дрянь сползла со щеки и собралась в глазнице. — Онжилай нервно дернул плечами и добавил: — То, что ты сейчас видишь, сформировалось на третьи сутки, примерно неделю назад.

На Гоума рассказ произвел самое неожиданное впечатление. Впервые за две недели пребывания в оазисе Кайл видел старика в явном замешательстве.

— Из плевка вырос модуль… — бормотал он себе под нос, глядя куда-то в стену, словно там было прозрачное окно. — Хм… Плюющиеся кусты… Почему, спрашивается, у девочки не выросло никаких модулей, а потянулись эти нити? Странно… — Он отошел к низкому столику и принялся перебирать склянки с реактивами, расставленные на подносе.

— Вот что, Онжилай… — спустя некоторое время произнес Гоум. — Я не готов прямо сейчас удалять его. Мне нужно подумать.

Воин, который до этого времени сидел абсолютно невозмутимо, резко повернул голову.

— Мы так не договаривались.

Гоум попытался объяснить свою позицию, но мало преуспел в вопросе взаимопонимания с рассерженным Измененным.

— Ты пойми, мир Нового Селена не возник сам по себе, — начал растолковывать старик. — Его создали много тысячелетий назад выходцы со Старого Мира.

— Ну и что? — насупившись, переспросил Онжилай.

— Все, что существует на поверхности Нового Селена, завезено сюда извне, — терпеливо попытался объяснить ему Гоум, но благодарного

слушателя старик получил разве что в лице Кайла, который, затаив дыхание, ловил каждое его слово. — Если отбросить сейчас вопрос о божественности Создателя, то можно сказать, что жизнь на Новом Селене подразделяется на две резко отличающиеся друг от друга категории: Живое и Неживое. Живое подчиняется одним законам, Неживое — другим…

— Ты, видно, бредишь, старик, — оборвал его Онжилай. — Если возня с девчонкой тебя утомила, то так и скажи, что устал и не хочешь заниматься мной сегодня.

— Да нет же, — попытался вразумить его Гоум, но Онжилай неожиданно резко оборвал старика:

— Тогда делай свое дело и нечего юлить. Потом, если захочешь, я отведу тебя на темную сторону к этим кустам, благо граница недалеко. Пусть тебе пометит рожу эта дрянь, вот тогда и будешь восторгаться ею.

Гоум не обиделся, лишь тяжело вздохнул, глядя на воина.

— Дело твое.

Кайл мог поклясться, что во время операции Гоум несколько раз порывался прервать ее, и все же, покосившись на свирепую рожу Онжилая и бугристые мышцы его рук, он не рискнул дать волю своим желаниям. Случись что, и ремни вряд ли удержат воина на хлипком стуле. С определенной категорией людей лучше играть по заранее оговоренным правилам.

Кайл в этой ситуации принципиально не мог встать на чью-либо сторону — его знания о мире, где он неожиданно оказался, были скудны, смехотворны, но с эмоциональной точки зрения ему было непонятно, почему старик поглядывает на металлического клеща, оккупировавшего глазницу воина, со скрытым восторгом и явным нежеланием убивать его.

Великий Селен… Как же можно симпатизировать твари, которая впилась в человека и паразитирует на нем? Мысль была острой, требующей какого-то ответа, но его не находилось, как ни крути. Кругом обнаруживалось столько загадок, что в иные моменты у Кайла голова шла кругом.

Гоум тем временем уже обработал глазницу воина несколькими составами. Прижигания, примочки явно не понравились той твари, что впилась Онжилаю в выбитый глаз. Щупальца-усики усиленно зашевелились, осязая воздух и не находя источника едких растворов, потом эти неприятные волнообразные движения пошли на убыль и наконец прекратились совсем.

— Подох? — лаконично осведомился Онжилай, который, оказывается, видел свое отражение на изогнутой стенке полированного сосуда для воды.

— Клянусь Яростью Неба, это был модуль, — буркнул ему в ответ Гоум, продолжая заниматься своим делом. — Ты упрямый болван, Онжилай, вот увидишь.

— Что я увижу? — опять набычился воин.

— Потерпи. Сниму его, тогда посмотрим.

После этой недовольной фразы Гоума в комнате опять установилась тишина, нарушаемая лишь звуком дыхания трех человек да редким позвякиванием инструментов.

Наконец твердый материал обездвиженной твари начал размягчаться под воздействием химических реактивов.

— Держи его! — Гоум выразительно кивнул Кайлу на Онжилая. — А ты постарайся не дергаться, сейчас будет больно.

Кайл понял, что никогда не забудет этой картины: окровавленное, наполовину сформированное глазное яблоко, которое пытался вырастить измененному воину маленький Серв… Это было так поразительно и отвратительно одновременно, что находилось вне понимания и восприятия. Кайл стоял, глядя на окровавленную глазницу Онжилая, и хватал загустевший вдруг воздух непослушными, онемевшими губами.

Гоум аккуратно положил оторванный от плоти полусферический модуль на специально приготовленный поднос и дал Онжилаю зеркало.

— Придурок, — обронил он, когда бледное лицо воина начало вытягиваться от удивления — Онжилай наконец смог разглядеть зародыш нового глаза, который начал формироваться в изуродованной глазнице.

— Это был неизвестный тип модуля, причем крайне полезный!

Больше Гоум не добавил ничего — ушел, крайне раздосадованный, и долго сидел на парапете, обрамляющем ртутный пруд, о чем-то размышляя в мрачном одиночестве.

Никто не решился потревожить его, даже Онжилай.

* * *

Ночью, пока все спали, произошло два события, в корне изменившие жизнь Кайла.

Во-первых, исчезла исцеленная Беат, а во-вторых, умер Даккар.

Это обнаружил сам Гоум, который спал мало и встал раньше других.

— Проклятие! — Этот вырвавшийся у старика возглас разбудил Онжилая, а тот, вскочив, в свою очередь, растолкал Кайла, чувствительно пихнув его ногой.

— Вставай! Что-то случилось!

Кайл вскочил как очумелый.

Первые несколько секунд он не понимал, где находится и что происходит вокруг. Во сне юноше казалось, что он вернулся к людям и снова толкает ворот городского шлюза, так что ему потребовалось время, чтобы окончательно вырваться из мира грез и осознать действительность.

За тонкой перегородкой вновь раздались возбужденные голоса.

Кайл оглянулся. Столь бесцеремонно оборвавшего его сон Онжилая уже не было в комнате, и, видимо, второй голос за стеной принадлежал ему.

— Да не знаю я! — услышал Кайл его злой, озадаченный возглас. — Она что-нибудь украла?

В ответ раздалось глухое, неразборчивое ворчание Гоума, за которым последовал уже более внятный вскрик:

— О Селен! Она убила его!

Этот крик заставил Кайла сорваться с места.

Вбежав в соседнюю комнату, он увидел Онжилая, свирепо вытаращившего свой единственный глаз, и Гоума, медленно отступающего к стене.

Даккар, которого он осматривал накануне, лежал на полу, вытянувшись как струна. В его теле, казалось, напряжен каждый мускул, но самое страшное заключалось не в этом: голова немого спутника Онжилая была отделена от тела!..

Кайл тоже попятился, с трудом сдерживая подступившую к горлу тошноту.

— Мерзкая тварь… — прошипел Онжилай, глядя на мертвого Даккара. Кому адресовалось сорвавшееся с губ воина проклятие, не вызывало никаких сомнений — постель Беат была пуста и уже успела остыть…

Кайл расширенными от ужаса глазами смотрел на труп.

Крови почти не было — лишь небольшое, уже подсохшее пятно темнело под наголо обритым затылком Даккара. О том, что его голова более не связана с туловищем, свидетельствовал едва заметный, тонкий как волос, круговой порез на шее.

— Чем это сделано? — вопросительно хмыкнул Онжилай, присев на корточки подле трупа.

Гоум, который понемногу взял себя в руки, пожал плечами.

— Ты должен лучше знать это.

Онжилай покосился на старика.

— Я тут ни при чем, — буркнул он и протянул руку, чтобы прикрыть глаза мертвого, пока его веки окончательно не одеревенели.

Ему не следовало этого делать — голова Даккара вдруг отделилась от

туловища и с неприятным стуком откатилась в сторону, обнажив ровный срез обугленной плоти, какой не могло сделать ни одно известное людям оружие.

Кайла опять замутило, реакция же Гоума оказалась совершенно иной: взглянув на обрубок шеи, он резко толкнул Онжилая в сторону.

— Прочь! — заорал он, второй рукой толкая к дверям оцепеневшего Кайла.

В эти ужасные секунды он успел заметить, что срез, принадлежащий отчлененной голове, выглядит совсем не так, как обрубок, оставшийся на туловище. Там явственно серебрился металл, но что самое жуткое — среди матового мерцания что-то шевелилось.

Первый фонтан микромашинного семени ударил в тот миг, когда все трое уже были в дверях. Онжилай, который успел понять, что происходит, схватил низкий стол, опрокинув стоявшие на нем склянки, и прикрывался им как щитом, отступая последним.

Перепуганный Кайл увидел лишь серебристые брызги, чей стремительный, извергающийся полет сопровождался влажным, неприятным шипением…

Дверь захлопнулась.

— О Селен!..

Гоум в изнеможении сполз по косяку.

Онжилай держал на вытянутых руках столик, вырезанный из податливой породы вулканического камня. Его крышка серебрилась тусклыми кляксами. Старик глазами указал на очаг, в котором тлели раскаленные куски металлизированных кустов:

— В огонь. Брось его в огонь!

Воин кивнул. Приблизившись к очагу, он бросил туда свой импровизированный, забрызганный ртутными каплями щит.

— Что это было? — смог наконец выдавить Кайл.

Испачканная серебром каменная столешница с треском зашипела, соприкоснувшись с угольями.

— Микромашины… — не то с отвращением, не то со страхом произнес Онжилай, глядя, как всеочищающий жар заставляет корчиться и усыхать ртутные кляксы.

— А девочка не так глупа, как показалось, — неожиданно произнес Гоум, не меняя своей позы. Он сидел на корточках, свесив между колен изборожденные морщинами руки. Кайл, переводивший взгляд с воина на лекаря и обратно, с удивлением заметил, что пальцы старика мелко дрожат. — Я ведь не сумел вчера распознать, что внутри черепной коробки

Даккара созрело семя…

Онжилай, хмурясь, смотрел в огонь.

— Непонятные вещи происходят. — Он повернул голову. — Мне надо было оставить ее подыхать в развалинах, под тем кустом. Дурацкая жалость…

— Не кори себя, — ответил Гоум, вставая. — Думаю, Беат тут ни при чем.

— Ну да, а голова Даккара отвалилась сама по себе? — фыркнул воин.

— Нет, конечно, — согласился Гоум. — Но девочка по каким-то признакам сумела понять, что плод созрел. Даже мне не дано было этого увидеть. Скажи, Онжилай, она при тебе пользовалась своими измененными участками?

— Нет, — скупо ответил воин.

— Странная девочка… Я бы хотел догнать ее. — Гоум посмотрел на Онжилая и спросил: — Ты поможешь мне?

Воин немного подумал, потом кивнул.

— Мне самому не нравятся некоторые происходящие в последнее время изменения, — угрюмо сознался он. — Пока это не касалось меня лично, я… — Он вдруг устало махнул рукой… — Слишком много загадок. Сервы начинают вести себя неподобающим образом, жизнь как-то неуловимо меняется. Не по душе мне все это.

Гоум, внимательно слушавший его речь, кивнул.

— Я тоже замечал некоторые странности, но в последнее время ко мне мало кто забредал, а сам я не люблю путешествовать, годы уже не те. Но девочку надо догнать. У меня к ней сформировалось несколько вопросов.

— А он? — Онжилай недвусмысленно кивнул в сторону Кайла.

— Пойдет с нами. — Гоум обернулся к юноше: — Ты ведь не возражаешь против маленького путешествия?

Кайл, сильно обескураженный событиями последних суток, был вынужден кивнуть. А что ему еще делать? Не оставаться же тут?

К тому же он, не менее чем Онжилай или Гоум, хотел догнать Беат, но предпочел держать этот мотив при себе.

* * *

Они вышли спустя несколько часов. Сборы не заняли много времени. Гоум выдал одежду из своих запасов, собрал кое-какое имущество и напоследок прошелся вокруг оазиса, втыкая в рыхлый грунт таблички, на которых красовалась одна и та же надпись:

«Не входить. Здания заражены».

— Думаешь, это остановит грабителей? — усмехнулся Онжилай.

— Я пекусь не об имуществе, — коротко ответил ему Гоум. — Умный человек не станет пренебрегать предупреждением, а глупцу я уже ничем не смогу помочь.

— Ты что, не собираешься вернуться сюда?

— Собираюсь, конечно, — энергично кивнул Гоум, втыкая в рыхлый грунт очередную табличку. — Но ведь здания действительно заражены, — выпрямляясь, напомнил он. — После случившегося с Даккаром нетрудно сделать вывод, что те микромашины, которые проникли в его организм, отнюдь не безвредны. Мне неизвестен такой тип, но размножаются они стандартным образом… хоть это успокаивает.

— Выходит, что я приволок тебе настоящие проблемы, — сокрушенно покачал головой Онжилай, глядя на окна строения, в котором погиб его зараженный спутник.

— Ничего… Если ты поможешь мне догнать и расспросить Беат, все остальное я как-нибудь переживу. Пара зараженных комнат — это еще не самая худшая из бед, — философски заметил старик.

— Помочь-то я тебе помогу, только не выросла бы тут в твое отсутствие какая-нибудь пакость посерьезнее…

— Не вырастет, — успокоил его Гоум. — Думаю, что и эта дрянь долго не протянет. Все строения обработаны особым составом, и семя должно погибнуть, не дав никаких всходов. Для этого потребуется лишь несколько дней.

Онжилай, конечно, отдал должное оптимизму Гоума, но все же покачал головой с явным сомнением во взгляде.

— Дело твое, старик. Я выполню обещание, и тогда мы будем в расчете, идет?

* * *

Кайлу не понадобилось много времени, чтобы понять: он совсем не знает Новый Селен.

За защитными оболочками островерхого балахона царит тишина, в которой слышно лишь твое собственное дыхание, а когда в дополнение к этому еще и тянешь телегу, то мир вокруг вообще перестает существовать, сливаясь в один бесконечный и мертвый фоновый пейзаж.

На самом деле все было совершенно иначе.

Он уже замечал некоторые проявления жизни в те страшные часы, пока полз по каменной пустыне, не чая найти помощь. Тогда его помутившийся разум, занятый собственными проблемами и

переживаниями, мало что смог осознать, но зато теперь, не отягощенный грузом страха и сбросивший наконец все стесняющие взгляд оболочки, Кайл впитывал реальность Нового Селена с упоительным восторгом первооткрывателя.

Удивительная жизнь гнездилась по расселинам лавовой пустыни. Здесь фактически не было воды в свободном состоянии, стояла изнурительная жара, а ночью те камни, что днем грозили ожогом неосторожному путнику, начинали трещать и лопаться от мороза. Кайл вдыхал раскаленный воздух и ощущал в нем запахи, которые тревожили обоняние, переворачивая все устоявшиеся представления о термине «жизнь».

Он помнил, как воняют баки с вырабатывающими кислород бактериями, помнил также и благоухание городских оранжерей, где ему дважды удалось побывать с мелкими поручениями. Жизнь там была совершенно иной — днем она пряталась за толстыми светофильтрующими стеклами, а ночью обогревалась и освещалась специальными лампами, запахи там стояли прелые, терпкие, густые, а тут…

Пахло горячим железом. Иногда дуновение ветра доносило более сложные флюиды, которые казались Кайлу пугающими и незнакомыми. Под ногами в мелкой пыли сновали крохотные существа на тонких, будто проволочки, ножках. Иногда в воздухе раздавалось басовитое гудение, и мимо, спеша по своим делам, пролетал целый рой каких-то маленьких существ, попадались и дикие Сервы, но эти, видимо, хорошо изучили повадки Измененных и держались на почтительном расстоянии.

Кое-где в расселинах между потрескавшимися камнями блестели наросты металлизированной пленки. Кайл уже знал, что это одичавшие микромашины. Гоум пояснил ему, что жизнь каменного моря имеет очень мало общего с биологическими формами. Она базировалась на ином принципе — маленькие и большие существа жили и размножались, поглощая солнечную энергию и строя свои тела из металлов, в основном из алюминия, которым был богат мелкий щебень раздробленных пород, составляющий основу унылого, мертвого на первый взгляд пейзажа.

По словам Онжилая, выходило, что дальше, на темной стороне, небиологическая жизнь становится разнообразнее, богаче, появляются не только мелкие твари и налет из ртутно поблескивающих колоний микромашин, но и более сложные образования, внешне похожие на кусты и деревья, а Сервы там ведут настоящую борьбу за жизнь, особенно в темное время, когда живительное для них солнце уходит за горизонт и на две недели воцаряются холод и мрак.

— Приручить их сложно, — объяснял он Кайлу, энергично шагая известным только ему маршрутом. — Для приручения Сервов служат чимы. — Он сунул руку за пояс и достал оттуда маленькие прямоугольные кусочки, похожие на обработанный кремний с серебристыми дорожками, вытравленными по поверхности сложным узором. — Когда ловишь Серва, он дикий и печется только о том, как бы оттяпать тебе руку. Говорят, раньше они все были ручными и на что-то годились, но я не верю. — Он отобрал у Кайла те несколько чимов, которые дал посмотреть, и продолжил:

— Нужно исхитриться и открыть пойманному Серву его башку, там есть целый ряд разъемов, куда идеально подходят эти пластинки. Вставляешь одну и смотришь, как он себя поведет, но лично я предпочитаю другой способ, — тут же оговорился Онжилай. — Ловлю их в сеть и скрученными доставляю в город перекупщикам. Платят, конечно, раза в три меньше, чем за прирученного Серва, который уже умеет делать что-то полезное, но зато и риск минимальный. Никогда не знаешь, как себя поведут эти твари. — Онжилай по привычке усмехнулся — жутковато и жизнерадостно. — Один раз я попробовал приручить их, двое просто сдохли, когда я сменил им чимы, а третий… Никогда не забуду. Он словно взбесился, что-то заговорил, не поймешь, скороговоркой, а потом как начал плеваться огнем, откуда только в нем сила взялась.

Короче, с тех пор, как мне подпалили шкуру, я больше не экспериментирую. И Сервов, между прочим, не люблю, особенно таких, которые похожи на нас. Гнусные твари. У них в башке этих чимов — штук двести, наверное. Я их не ловлю — убиваю и вытаскиваю нутро, деньги все-таки… — хохотнул он.

Гоум, который шел чуть позади Онжилая и Кайла, молча слушал пояснения воина, не вмешиваясь в разговор.

— А где тот город, о котором ты говоришь? — спросил Кайл у воина. — Мы попадем туда?

— Придется, — ответил ему Онжилай. — Сегодня к вечеру, если не нагоним девчонку, нужно будет завернуть, пополнить запасы. — Он обернулся: — Ты не возражаешь, Гоум?

— Нет, не возражаю, — буркнул себе под нос старик. — Если ты, конечно, знаешь, где потом искать твою подружку.

— Никуда она не денется, — успокоил его воин. — Она не местная, с темной стороны, а дорога туда одна — через кольцевой перевал. Мы окажемся там раньше ее, вот увидишь.

— Ну-ну…

— Онжилай, а что такое темная сторона? — спросил Кайл. — Почему она так называется? Ты же сам сказал, что там светит обычное солнце.

— Да, но по ночам там темно, хоть глаз выколи, — пояснил воин. — Владыка Ночи тоже не любит царство Сервов и никогда не заглядывает туда.

— А ты говорил, что в последнее время там творятся какие-то странные вещи. Можешь сказать — какие?

Онжилай кивнул.

— Сервы… — неопределенно ответил он, а потом, немного подумав, добавил: — Понимаешь, раньше они были просто дикими. Шатались себе по равнинам, грызлись друг с другом из-за энергии, ну, бывало, сбивались в стаи, а тут вот уже больше года как стали появляться какие-то новые. С виду такие же, как прежде, но ведут себя не так, понимаешь? Что-то копают, носят с явной целью, сообща, а вот что им надо — ума не приложу. И организация у них почище, чем в твоем городе: рабочие, воины, все как положено. Не стая, а уже отряд. Говорят, у них завелся какой-то управляющий центр, но что это такое и откуда вообще берутся такие слухи, непонятно.

* * *

Структура общества Измененных оказалась выстроенной совершенно иначе, чем в том городе, где вырос Кайл.

Попав на улицы этого фантастического поселения, он опешил, был раздавлен, совершенно сбит с толку той пестрой, суетливой, неугомонной жизнью, которая пульсировала под низким каменным сводом, выплескиваясь наружу через провалы выбитых в незапамятные времена огромных панорамных окон.

Первое, что шокировало Кайла, — это транспорт и свет.

Нужно понять состояние парня, в сознании которого единственным самодвижущимся устройством мог быть Серв — туманный, враждебный, расплывчатый образ, который приобрел конкретные черты лишь за несколько секунд до рокового удара, а тут по улицам перемещались даже не десятки, а сотни, если не тысячи машин, большая часть которых являлась не чем иным, как транспортными средствами, которыми управляли Измененные.

Если воображение Кайла было так сильно задето обилием и разнообразием машин, то про самих обитателей города и говорить нечего. Двух одинаковых, похожих друг на друга существ попросту не было, по крайней мере, Кайлу показалось именно так. Никакой серости и

однообразия, к которым он привык в родном городе, везде, куда ни взгляни, феерия красок смешивалась с явными признаками тотальных разрушений, постигших данное поселение много тысячелетий назад.

Естественно, основными обитателями этого места являлись Измененные.

Он уже усвоил, что, не имея микромашин, которые являлись симбионтами человеческого организма, дышать на поверхности Нового Селена и выносить контрастные перепады температур невозможно.

Хотя нет, тут же мысленно поправился он, исподволь разглядывая привлекательную девушку, по рукам которой тянулись замысловато сплетенные в узор серебристые полосы. Иной путь был возможен, но, вспоминая свой город, его серую, унылую, полную лишений и тягот жизнь, Кайл невольно получал материал для наглядного сравнения, а внутреннее ощущение своей человеческой сущности, которое только обострилось после внезапного Изменения, толкало его мысль дальше к вопросу: так ли разумно упорное сопротивление и обособленность тех настоящих людей, которые цепко держались за биологическую чистоту своего организма, прозябая при этом в стенах герметизированных полуподземных убежищ?

Пока он размышлял, девушка уже прошла мимо раскрывшего рот пропыленного странника. Кайл с сочувствием посмотрел ей вслед, невольно вспоминая Беат. В тот день он и подумать не мог, что на руках Измененной не настоящая проказа, а искусно наложенный макияж — дань местной моде.

Продолжая озираться, он понемногу начал осваиваться в потоке прохожих.

Кайл уже мысленно разграничил их на три основные категории, и эта, если можно так выразиться, «классификация», пусть и не отражающая всех нюансов действительности, помогла ему хоть как-то сориентироваться.

Первый тип Измененных можно было без труда вычленить из окружающей толпы. Они выглядели наиболее угрожающе. Как правило, эти люди пришли сюда тем же путем, что и Кайл. Родившись в городах с замкнутыми циклами жизнеобеспечения, они по той или иной причине получили изменения в столкновениях с иной жизнью, не избежав при этом сильной доли уродства и озлобленности.

Вторую категорию представляли люди, рожденные здесь. Внешне они мало отличались от обитателей городов-убежищ. Изменения, произведенные сразу после рождения младенца, как пояснил Кайлу Гоум, носили локальный, продуманный характер. Введение специально подобранной колонии микромашин-симбионтов в кровь новорожденного

являлось процедурой безболезненной и косметически безвредной. Чаще всего такое вмешательство оставляло лишь крохотное серебристое пятнышко на одной из ягодиц.

Третья, наиболее многочисленная категория городских обитателей характеризовалась, по мнению Кайла, термином «вторично измененный». То есть в данную категорию входили люди, рожденные здесь, получившие при рождении свою порцию микромашин, а затем их дальнейший облик формировали уже превратности жизни в каменных пустынях. Эти существа обычно являлись воинами, охотниками, искателями приключений, и большинство из них носили свои шрамы и пятна металлизированной проказы с таким же холодным достоинством, как делал это Онжилай.

Впрочем, вполне насладиться феерическим зрелищем города Измененных Кайлу не удалось — Гоум не хотел задерживаться тут, его неумолимо тянуло вслед за исчезнувшей Беат, и им пришлось ограничиться посещением городской окраины, где Онжилай смог купить все необходимое ему в первой же, расположенной на краю улицы лавке.

Выйдя оттуда, он показал Кайлу два новеньких, крепящихся на руку пружинных метательных устройства, снаряженных короткими и увесистыми металлическими стрелами с бронебойными наконечниками.

Отдав одно из метательных приспособлений юноше, он объяснил, как им пользоваться.

Ни Кайл, ни Онжилай в этот миг не подозревали, какую роль сыграют эти самострелы в их жизни спустя всего лишь сутки.

Пока что они ощущали взаимную симпатию друг к другу и ничего больше.

* * *

Перевал, о котором упоминал Онжилай, находился приблизительно в одном стандартном дне пути от города Измененных.

Кайл, который в последнее время смотрел на мир широко открытыми глазами, жадно впитывая всю доступную взгляду и разуму информацию, внезапно осознал одну простую, но сильно потрясшую его истину: тот город, в котором он родился, был врезан в толщу этих же самых гор, действительно образующих кольцо вокруг лавовой равнины.

В памяти моментально всплыл обрывок слышанного когда-то давно разговора, где один воин, прибывший с караваном, хвалился, что за свою жизнь посетил уже семь кратеров.

Нетрудно было сопоставить доступные знания и понять: мир, который он привык называть Новым Селеном, огромен. Стоило вспомнить, сколько

времени шел их обоз, потом он, получив изменения, много дней брел по застывшему лавовому морю, и вот теперь они втроем уже вторые сутки продолжают этот путь, который ведет всего лишь от одной стороны кольцевых гор к другой…

Сколько же надо времени, чтобы обойти весь Новый Селен, думал Кайл, сколько разных городов и иных чудес должно быть на его просторах!

Ему впервые со дня Изменения по-настоящему захотелось жить, и лишь мысли о Беат, нет-нет да и проскальзывающие в его голове, несколько омрачали это предвкушение от встреч с неизведанным.

Кем она была? Почему она не захотела сказать Гоуму, кто формировал ей разъемы имплантов? Отчего она казалась такой беспомощной, если смогла отрезать голову Даккару каким-то неведомым даже Онжилаю оружием, и зачем бежала, если в ее действиях, с точки зрения хозяина оазиса, не было ничего дурного, ведь в голове спутника Онжилая действительно гнездились микромашины… В справедливости Гоума Кайл уже успел убедиться и был уверен, что старик не дал бы Беат в обиду, останься та в оазисе, под его защитой…

Странно было все это… Странно, непонятно, нелогично, но Кайл еще очень мало знал мир, чтобы с уверенностью судить, что правильно, а что нет. С другой стороны, девушка, чьи виски он сжимал в своих дрожащих ладонях, не могла быть носительницей зла — он чувствовал это.

…Его мысли прервал толчок.

Задумавшись, Кайл налетел на внезапно остановившегося Онжилая. Воин даже не почувствовал этого, он стоял, широко расставив ноги, с напряжением вглядываясь в щедро политый солнечным жаром горный склон.

— Проклятие, — выдавил он. Воин явно пребывал в замешательстве и не мог скрыть этого.

Кайл стал озираться по сторонам, пытаясь понять, что так встревожило Онжилая. Цепь кольцевых гор была уже совсем рядом. От каменной пустыни к иззубренным пикам вела дорога, проложенная очень давно. Ею, очевидно, часто пользовались, потому что серая лента, свободная от вездесущего наслоения мелкого гравия и пыли, отчетливо просматривалась на всем протяжении горного склона, пока не вливалась в широкую расселину между двух островерхих скал.

Там и происходило нечто непонятное.

Одновременно с невнятным ругательством Онжилая в той стороне сверкнула вспышка, будто кто-то забавлялся с огромным солнечным камнем, направляя испепеляющий луч собранной им энергии на

невидимую отсюда цель. Кайл лишь смог заметить, как блеснула ослепительная молния и вверх взметнулись куски раскрошенных скал, кажущиеся отсюда мелкими, будто горсть темного песка, подброшенная в воздух.

— Бежим! — приказал Онжилай, легко срываясь с места. — Там кто-то дерется с Сервами! — уже на бегу, не оборачиваясь, добавил он.

— Эй, подождите! — выкрикнул Гоум. Он явно не мог поспеть за воином и Кайлом, но ни один, ни второй не обратили внимания на его крик. Онжилай бежал по дороге, на ходу взводя резервные пружины укрепленного на руке метательного оружия, и Кайл, захваченный его порывом, очертя голову бросился следом, неуклюже пытаясь повторить манипуляции одноглазого воина.

Взвести все пружины самострела на бегу ему не удалось — ободрав пальцы и сбившись с дыхания, он решил оставить все как есть. Хватит и одной заряженной стрелы, подумал он, опасаясь в этот миг только одного — безнадежно отстать от Онжилая.

По зрительной оценке, до источника вспышек было километра два. Дорога круто забирала вверх, и уже через минуту прыжки Кайла заметно укоротились, но Онжилай не сбавил темпа и на подъеме. Со спины он выглядел немного странно и был похож на существо, которое Кайл однажды видел в городских оранжереях. Кажется, того плоского зверька именовали лягушкой… Мысли прыгали в голове юноши, перескакивая с одного на другое, дыхание безнадежно сбилось, и он хватал ртом воздух, ощущая при этом болезненную резь в груди.

На ровную площадку среди скал он выбрался секунд на двадцать позже одноглазого воина.

Картина, представшая взгляду Кайла, заставила помутиться его рассудок. Вся поверхность небольшого плоского выступа скалы была щедро забрызгана кровью и усеяна обломками нескольких разорванных на куски Сервов неизвестного ему типа, но самое страшное крылось впереди. Под сенью скалы, болезненно скорчившись, лежала Беат.

Вопреки прогнозам Онжилая, они не сумели опередить ее. Если бы не Сервы, вставшие на пути, то она уже благополучно перевалила бы за хребет и навек исчезла на просторах темной стороны мира…

Одноглазый воин, немало повидавший на своем веку, был шокирован не менее, чем Кайл.

Он застыл в напряженной, полной немого изумления позе, потрясенно рассматривая обломки механических обитателей Нового Селена. Потом его взгляд переместился на Беат, тело которой, изувеченное в жестокой схватке

с машинами, извивалось в кровавой пыли, и из горла Онжилая вдруг вырвался вскрик:

— Проклятая тварь!

Кайл, который в этот миг только выкарабкался на площадку, бросился было к Беат, но, сделав всего шаг, остановился в полнейшем замешательстве. Он увидел, как Онжилай поднимает руку с закрепленным на ней метательным оружием.

— Не надо! — Кайл машинально бросился вперед, встав между воином и корчившейся в пыли Беат.

— Отойди! — рявкнул Онжилай.

— Не трогай ее! Она ни в чем не виновата! В голове твоего друга гнездились микромашины!

— Ты на нее посмотри… — По выражению лица Онжилая было понятно, что воин потрясен и в эти секунды лишь последние капли самообладания удерживают его палец на спусковой скобе.

Кайл обернулся.

Беат лежала в кровавой пыли, бессильно прижавшись спиной к скале. Ее плечо и рука были распороты страшным ударом конечности Серва до самой кости…

Ртутные пятна проказы покрывали ее многочисленные раны. Микромашины буквально напитали ее тело, размножаясь с чудовищной скоростью, — это был какой-то новый вид заразы, готовый разбрасывать споры в тысячи раз быстрее, чем обычно…

Кайл был так потрясен этим открытием, что не смог выдавить ни звука, лишь его губы болезненно, горько искривились…

Беат, которую перестали бить конвульсии, вдруг открыла глаза.

Живые человеческие глаза, в которых читалась мольба и мука.

Ее взгляд скользнул по Онжилаю и остановился на Кайле.

— П-помоги… — едва слышно выдохнула она.

— Не двигайся! Я пристрелю тебя, если сделаешь шаг к ней! Она заражена!

Глаза Беат опять стали закрываться, ее ресницы дрожали, взгляд тускнел, но губы все еще пытались что-то сказать.

Кайл не выдержал — он бросился к ней.

Онжилай в первую секунду все же промедлил, и юноша успел услышать:

— Не убивайте… я была… послана… все… погибнет… если… я…

— Отойди!

Кайл резко обернулся, вскидывая руку.

— Не трогай ее! Она… — Он не закончил фразы.

Сухой щелчок — и хрусткий, раздирающий плоть удар стрелы превратили в хрип конец начатой фразы, но, падая, он продолжал закрывать ее своим телом, и самострел юноши с сухим металлическим звоном выплюнул стрелу.

Онжилай пошатнулся.

Секунду он стоял, в немом изумлении глядя на заостренный кусок металла, вонзившийся ему в грудь.

— Сервеныш проклятый… — прохрипел воин, пошатнувшись.

Самострел Онжилая отчетливо клацнул пять раз подряд, выплевывая стрелы.

Одну успел получить Кайл, остальные достались Беат…

Как все глупо… Как неправильно…

Это была его последняя мысль.

Часть 3 КАРМИЧЕСКИЙ УЗЕЛ

Глава 7

Борт «Януса».

Давльние орбиты колонии Марса…

Свет…

Яркая вспышка света, шипение сжатого воздуха, острый медикаментозный запах…

Он все еще тянулся, чтобы закрыть Беат, поймать своей грудью предназначенную ей стрелу, но иная реальность уже неумолимо вторгалась в сознание, пресекая этот порыв. Вместо перекошенного рта рыжеволосой девушки перед глазами вдруг прорезался иной образ, с трудом признанный разумом, но уже не Кайла, а Андрея Диброва…

Он увидел откинутый колпак гибернационной камеры и лицо Джоаны Лори…

— Беат! — Это был последний вскрик ускользающего образа Кайла, но губы Диброва вытолкнули лишь хрип.

Его тело выгнулось, сотрясаясь в короткой конвульсии.

Ухватившись за борта камеры, он неожиданно сел, оборвав датчики.

— Спокойно. — Лори попыталась мягко оттолкнуть его назад, в объятия диагностического ложа, но мышцы Диброва окаменели, сведенные судорогой.

— Что происходит? — хрипло спросил он.

Лори отступила на шаг.

— Я бы хотела это знать не меньше твоего, — ответила она. — Приборы жизнеобеспечения подняли тревогу. У тебя произошел спонтанный выброс адреналина, перебивший действие всех препаратов!

Андрей ощущал, как по его обнаженному телу струится ледяной пот. С груди и плеч свисали тонкие жилки оборванных проводов, идущих от датчиков системы жизнеобеспечения. Терминал, расположенный в ногах, тревожно сигналил, указывая на обрыв связи с подопечным.

На Диброва внезапно накатила уже знакомая по прошлому пробуждению волна глухого отчаяния.

Не владея собой, он поднял на Лори мутный взгляд.

— Зачем ты разбудила меня? — яростно, едва ли контролируя свои действия, сквозь сжатые зубы выдавил он. — Ты понимаешь, что она погибла? — Дибров рванулся, обрывая остатки проводов.

Лори побледнела, отступая еще на шаг.

— Валентин, мне срочно нужна твоя помощь! — захлебываясь, заговорила она в крохотный, закрепленный у рта микрофон коммуникатора. — Командир невменяем, у него явное отклонение…

— Заткнись! — Андрей уже выбрался из камеры. Он стоял посреди прохода, обводя мутным взглядом гибернационный отсек. Неизвестно, бросился бы он на Лори или нет, но в этот миг взгляд Диброва скользнул по соседней ячейке сверхглубокого сна, и его кожа, и так бледная как мел, вдруг посерела.

Под прозрачным колпаком соседней с ним камеры лежала… Беат!

Андрея вдруг затрясло крупной конвульсивной дрожью.

Он не видел надписи на терминале, свидетельствующей о том, что под колпаком лежит Мари Лаймер, уроженка Земли.

На губах Диброва выступила пена. Сознание Кайла, так грубо оборванное, выброшенное, как казалось, вон из его головы, неожиданно вернулось… и две личности в этот роковой миг смешались в дьявольский коктейль, заключенный в измученную, дрожащую от переизбытка адреналина телесную оболочку.

— Беат! — Кайл бросился к ней, закрывая от рокового выстрела, но тело Андрея Диброва ударилось о сверхпрочный пластик и отлетело назад, в проход, словно резиновое…

— Лори, в сторону! — Этот крик, раздавшийся со стороны входа в отсек, принадлежал Валентину Суханову.

Негромкий хлопок, острый, жалящий укол впившегося под кожу микроинъектора — и мир вокруг Андрея крутанулся внезапной каруселью беспамятства.

* * *

В этот раз его сон был черным и глубоким, как пасмурная ночь.

Очнувшись от провального забытья, вызванного действием транквилизатора, Дибров долго не мог понять, где он и что с ним происходит. Предметы перед глазами двоились, не желая принимать резкость очертаний, руки и ноги казались налитыми свинцом, вокруг что-то гудело, вибрировало, в тон этим судорогам тонко позвякивал невидимый металлический предмет, воздух пах резко и неприятно…

Запах нагретого металла… Запах Сервов и раскаленной пустыни Нового Селена…

«Янус»… Я на борту «Януса»… Переборки дрожат… режим глубокого торможения… перегрузки…

Он приложил невероятное волевое усилие, чтобы сфокусировать свой взгляд на белом пятне, и долго, пристально смотрел на него, пока не понял, что это такое…

Над головой нависал низкий стерильно белый потолок медицинского отсека. Ощущение реальности вдруг навалилось на Андрея, сообщая его измученному сознанию истинное положение вещей: он лежал на узкой койке, пристегнутый к ней ремнями за запястья и лодыжки. Еще два ремня перехлестывали грудь и бедра. В изголовье нудно попискивал терминал системы автоматического поддержания жизни да еще резал по нервам металлическим звоном какой-то плохо закрепленный медицинский инструмент, воспринимающий вибрации корпуса космического корабля.

Свинцовая тяжесть, которую он испытывал при пробуждении, была вызвана периодически возникающей перегрузкой, и осознание этого помогло Диброву безошибочно угадать — «Янус» маневрировал в околопланетном пространстве Марса, выходя на орбиту запуска челночных кораблей.

Дверь отсека внезапно зашипела, открываясь.

* * *

— Очнулся? — спросила Джоана, входя в отсек.

Андрей не имел привычки отвечать на риторические вопросы. Он даже не скосил глаз, чтобы взглянуть на нее. Внезапное острое воспоминание о событиях в гибернационном отсеке обрушилось на него, оглушив Диброва чувством непоправимости.

Что со мной происходило?! Что я наделал?

Он повернул голову, посмотрев на Джоану с немым, мучительным вопросом во взгляде. Она истолковала это по-своему.

— Нам следует обсудить возникшую ситуацию, верно? — произнесла Лори, пододвигая к его койке снабженное магнитной подставкой кресло, и по выражению ее лица Дибров безошибочно угадал — она нервничала.

— Я, наверное, должен извиниться перед тобой, — сухими губами произнес он, чувствуя себя достаточно глупо и дискомфортно — пристегнутый ремнями, дрожащий, дезориентированный…

— Я пришла не за извинениями, — отозвалась она, садясь в кресло и закидывая ногу на ногу. — По решению ЕСА ты снят с должности командира «Януса» до выяснения причин случившегося. Мною уже получено соответствующее распоряжение с Земли. — Она старалась говорить ровно, но нервозность все равно проскальзывала в ее голосе.

Дибров слушал ее, глядя на заострившиеся черты сухощавой смуглой

женщины, и понимание происходящего проникало в его разум вместе с чувством неприязни, граничащим с гадливостью.

Сколько же прошло времени с момента моего пробуждения? Его взгляд вновь остановился на напряженном лице Лори.

Он понимал, что она действовала в рамках инструкций, но нервно подергивающееся веко Джоаны говорило само за себя — она улучила момент и сделала все от нее зависящее, чтобы утопить его как командира и астронавта, а теперь нервничала, ожидая, как он воспримет эти скоропалительные действия.

Оказывается, это странно — быть самим собой, подумал он, пытаясь подавить приступ острой неприязни к сидящей рядом женщине. Они и раньше не питали особых симпатий друг к другу, но Дибров никогда не позволял своим чувствам брать верх над рассудком. Его психика, дисциплинированная многими годами службы на военных кораблях, не допускала подобного развития взаимоотношений.

Он опять уставился в потолок. Ему нечего было сказать ей, потому что самому ни черта не было понятно.

Итак, моя жизнь сломана, думал он в эти секунды. Исчезло, испарилось все имевшее хоть какой-то смысл, и все из-за необъяснимых сновидений…

Все, все рушилось, летело к черту, и он не мог понять, чем спровоцирован его срыв… Он не мог объяснить происходящее даже самому себе.

Беат…

Все замыкалось на этот образ, свет клином сошелся на ней, и Дибров, поначалу яростно отметавший поползновения своего раздваивающегося рассудка, сдался.

Какая теперь разница? Хорошо, я стану думать о ней.

Он покосился на Лори, которая по-прежнему ждала, что Дибров станет что-то пояснять, оправдываться или, быть может, попросту взорвется, еще раз доказывая свою неуравновешенность. Они встретились взглядами, и он понял, что в глазах Джоаны действительно нет сочувствия, лишь затянувшееся напряженное ожидание его реакции.

Да, она никогда не скрывала своих амбиций. Теперь она будет пытаться довести дело до логического конца, потому что после отстранения Диброва Джоана была единственным реальным кандидатом на пост капитана «Януса».

Если она доведет корабль до Земли, то в ЕСА не возникнет проблем с ее утверждением. И она понимает это, подумал Дибров. Как страшно

перемешивались события. Говорят, беда не приходит одна, и вот тому подтверждение — в дополнение к его личным проблемам добавилась еще и Лори, амбиции которой подвигнули ее на торопливые шаги, низводящие капитана Диброва с должности командира «Януса».

— Ты поторопилась, — произнес он, глядя в потолок. — Я нормален. Возможно, это был сбой в автоматике гибернационной камеры.

Слабая попытка спасти положение.

— Я проверила камеру, она функционирует исправно, — ответила Джоана, откидываясь на спинку кресла. — Придумай что-нибудь получше.

Дибров пожал плечами, насколько это позволяли сковывающие движение ремни.

— Мне приснился дурной сон. Теперь я в норме. Отвяжи меня от койки, и пусть комплексная проверка психики докажет мою вменяемость.

Лори нахмурилась. Пока она обдумывала сказанное, Андрей привычным усилием воли попробовал открутить немного назад картинку своих воспоминаний. Он был вынужден мыслить в двух направлениях.

Старт с Земли… Подготовка «Януса»… Встреча пассажиров…

Стоп… Вот она. Живая Беат, но с другим именем.

Каким?

После некоторого размышления память все-таки вытолкнула из своих глубин нужный образ: Дибров вспомнил, как перед первым погружением в сон заметил на соседней камере желтые огоньки сигналов и подошел к ней, чтобы подкорректировать процессы метаболизма спящей пассажирки.

Мари Лаймер…

— Нет, Андрей, извини, но я не стану снимать ремни, — нарушил его мысли голос Джоаны. — Ты отстранен от командования и не можешь мне приказывать. Я не дура и знаю, как можно обмануть тестовые программы.

— Ты долго ждала подходящего случая, верно? — Дибров нашел в себе силы усмехнуться. — Ладно, я согласен, это твой шанс. Ты действуешь по инструкции, и тебя не в чем упрекнуть. Даже если комиссия на Земле признает меня нормальным, существует видеозапись с камеры слежения гибернационного отсека, правильно?

Глаза Лори сузились.

— Не пытайся играть на моей совести, Дибров, — немного помедлив, ответила она. — Ты влип и сам знаешь это. Мне все равно, что с тобой случилось, пусть в этом разбираются на Земле.

Степень ее цинизма уже не удивила Диброва. Мы воюем, подумал он. Идет постоянная борьба за место под солнцем, за личную карьеру, за деньги, за славу… Нет простых и ясных взаимоотношений, потому что наш

мир переполнен и балансирует на грани пропасти.

— Я почти согласен с тобой, — неожиданно для Джоаны ответил Андрей. — Скажи, челноки уже отчалили от «Януса»?

Она кивнула.

Значит, я не ошибся. Ее уже нет на борту, и поговорить с Мари Лаймер не в моих силах. Но она — моя единственная зацепка в этом сумасшедшем стечении обстоятельств…

— Слушай, Лори, я предлагаю тебе маленький компромисс. Высади меня в колонии. Все формальности мы утрясем. Я признаю, что больше не могу исполнять обязанности командира, и тебе не нужно будет беспокоиться о законности своих действий. Идет?

Джоана нахмурилась.

— Не выйдет, — отрезала она. — Мои действия и так вполне законны. Автоматика не виновата в нарушениях твоего метаболизма, а набрасываться на членов экипажа — это не лучший способ доказать свою вменяемость. Я не собираюсь заключать с тобой сделку, потому что не хочу выглядеть сомнительно.

— Тогда зачем ты пришла?

— Чтобы поставить тебя в известность о распоряжении ЕСА, полученном в ответ на мой доклад.

— Хорошо. — Андрей ощущал сосущую пустоту внутри. — Я понял тебя. Но ты ошибаешься, считая свою позицию непробиваемой. Если у меня и был срыв, то он прошел, а судя по отрезку времени, который выпал из моей памяти, ты продержала меня на транквилизаторах трое суток. — Он скосил глаза, постаравшись сделать этот жест заметным. — Дай мне ноутбук, я хочу составить встречный рапорт.

Ее глаза похолодели. Проследив за взглядом Диброва, она встала, открыла прозрачную дверцу встроенного в переборку шкафа и достала лежавший на одной из полок переносной компьютер. Осмотрев его, она пожала плечами и вернулась к койке.

— Диктуй.

— Положи его мне на колени. Я сам наберу текст.

— Я же сказала, что не стану отстегивать тебя.

— Я достану. — Дибров демонстративно пошевелил кистями рук. — Или я опять требую слишком много?

— Ты усугубляешь свое положение.

— Это мое дело.

— Ну, как хочешь. — Джоана активировала систему переносного компьютера, откинув вверх его крышку. Несколькими переключениями она

проверила содержимое системы, но не нашла там ничего предосудительного с ее точки зрения. Положив ноутбук на колени Диброва, она демонстративно подергала заглушку инфракрасного порта и произнесла, вставая:

— Я зайду через час, после приема челноков с Марса.

* * *

Оставшись один, Дибров в изнеможении закрыл глаза.

Каждый сам выбирает свою дорогу в этом мире, свой смысл жизни, свою совесть.

Его смыслом жизни был космос.

Отчаяние, глухое и черное, будто свинцовая волна, накрыло его, не давая дышать. Почему? Почему это случилось со мной? — мысленно спрашивал себя Дибров и не мог найти ответа.

Андрей был закоренелым материалистом и считал, что у каждого явления, во-первых, должен быть смысл, а во-вторых — закономерность, описывающая принцип того или иного процесса. Жизнь неоднократно убеждала его в том, что необъяснимых явлений не существует, но как он должен реагировать на события теперь, после своих сумасшедших видений, которые вылились в самый что ни на есть материальный процесс: его метаболизм оказался нарушен, на это среагировала автоматика гибернационной камеры, и в конце концов он едва не бросился на Джоану…

То, как Лори воспользовалась сложившейся ситуацией, сейчас волновало Андрея во вторую очередь.

Что со мной случилось! — вот тот вопрос, который разрастался в его сознании до рамок настоящего безумия.

Мари… Мари Лаймер… Совершенно незнакомое имя, не вызывающее никаких ассоциаций, но ее лицо — это лицо Беат из видений.

Пальцы Диброва медленно перемещали корпус переносного компьютера. Он уже вполне пришел в себя, полностью осознав создавшуюся на борту ситуацию, и не питал никаких иллюзий относительно своего ближайшего будущего. Неважно, как при расследовании комиссия ЕСА расценит действия Джоанн Лори, на Диброве — капитане и астронавте — ситуация ставила жирный крест. Теперь рубки космических кораблей будут закрыты для него, а в удостоверении появится черная метка в виде обычного цифробуквенного кода.

Он ощутил подушечками пальцев выступ заглушки инфракрасного порта и начал медленно и осторожно подковыривать ее.

В его распоряжении был час.

Всего один час, в течение которого он должен разобраться в происходящем. Он ни на секунду не сомневался, что Джоана не выпустит его даже в туалет. Скорее всего, после приема челноков с Марса он получит очередную дозу снотворного и будет перемещен в камеру сверхглубокого сна, чтобы проспать в ней до самой Земли.

Неприятно было думать об этом, но на ее месте он бы поступил приблизительно так же. Внезапно слетевший с катушек член экипажа не может быть допущен к управлению кораблем, а его присутствие в отсеках, каждый из которых несет полезную нагрузку и напичкан аппаратурой, признавалось недопустимым с точки зрения полетных инструкций.

Заглушка наконец поддалась его осторожным усилиям, сдвинувшись на миллиметр.

Джоана нервничала и допустила ошибку. Ей не следовало недооценивать Диброва, за плечами которого было пятнадцать лет службы в военно-космических силах России.

Впрочем, то, что он собирался сделать, не могло нарушить ее планов. Андрей устал балансировать на грани, за которую его сознание боялось заглянуть. Он хотел одного из двух — либо найти подтверждение своей психической несостоятельности, либо понять, что означают его видения на самом деле.

На мысль, которая зрела в его голове, Диброва подтолкнул образ Беат.

Если измененная девушка из его бреда оказалась так похожа на спящую в соседней камере уроженку Земли, то имело смысл предположить: есть и другие совпадения, которых он либо не видит, либо просто не может понять. Не в человеческих силах мгновенно пробуждать весь объем своей жизненной памяти и свободно оперировать ею. Но зачем тогда изобретены компьютеры?

Более логичного, рационального и беспристрастного судьи, чем электронная система, оперирующая исключительно фактами, он не знал. Психология Диброва предполагала, что он доверится скорее вердикту машины, которой неведомы амбиции власти или совести, чем пространным суждениям психологов и мудреным тестам, которые при желании всегда можно обойти.

Заглушка наконец выскочила, со стуком упав на пол.

Он посмотрел на таймер, притаившийся в нижнем углу экрана. Прошло семь минут.

Пальцы Диброва переместились на сенсорную клавиатуру ввода.

Либо я сумасшедший, думал он, набирая первую командную

последовательность, либо я нормален, а вокруг творится нечто неадекватное, не укладывающееся в рамки привычной логики.

В сложившейся ситуации существовал только один способ проверить свою вменяемость — вырвать при помощи компьютерных программ наиболее яркие фрагменты того бреда, что угнездился в его сознании, а затем оцифровать и проанализировать их, используя информационные ресурсы мировой компьютерной сети.

Данный процесс мог показаться простым только малосведущему человеку. На самом деле Дибров рисковал очень многим, и в первую очередь — своим психическим здоровьем, потому что единственная программа, при помощи которой информация, снятая с очагов возбуждения коры головного мозга, могла быть преобразована в оцифрованный видеоряд, предназначалась для расследования несчастных случаев и работала с мертвым мозгом.

В программный пакет бортового компьютера космического корабля «Янус» входила автономная система «Virtdead». Обратиться к ней мог только старший офицер, обладающий полномочиями доступа.

Дибров прекрасно понимал, что передача командования от него к Лори — процесс сложный. Она уже получила с Земли необходимый пакет с высшими управляющими кодами бортового компьютера, но все второстепенные программы, не имеющие реального значения для навигации, по-прежнему замкнуты на него.

Пальцы Андрея слегка дрожали.

Он нахмурил лоб, ощутив натянувшейся кожей множество датчиков, которые были прилеплены к его наголо обритой голове.

Должно сработать.

Программа «Virtdead» — активация.

На мониторе ноутбука возникла пульсирующая строка:

«Введите код доступа».

Дибров набрал его и коснулся сенсора «Ввод».

Сервисная оболочка послушно отреагировала, разворачивая виртуальную секцию управления.

Он начал быстро манипулировать ею.

Переключение диагностической аппаратуры. Перехват управления программой «виртуальный мертвец». Синхронизация функций. Тест сигнала.

На мониторе возникло новое сообщение:

«Внимание! Объект, подключенный к программе, обладает активным метаболизмом!»

Проигнорировать!

За что Андрей любил машины — они не мучались сомнениями и никогда не задавали лишних вопросов.

Каждый волен сам выбирать свой способ отбытия в ад, но Дибров понимал, что наивное неведение — для него не выход. Он уже поймал себя однажды на том, что привычка мыслить логически — это одно из наиболее уязвимых мест его психики. Все, что случилось с ним на протяжении двух последних отрезков сверхглубокого сна, разрушающе действовало на разум, резко выпадая из рамок обычной логики. Смысл его видений граничил не то с чудом, не то с сумасшествием, и ему в данной ситуации оставалось сделать небогатый, но крайне сложный выбор: либо признать себя психом, либо раздвинуть рамки известных ему законов и понятий, с тем чтобы те смогли описать, вместить в себя новые явления.

Вынести вердикт самому себе и действовать дальше, сообразуясь с ним, — вот к чему стремился Дибров.

Он установил таймер работы «Virtdead» на пять минут и закрыл глаза, пытаясь восстановить в памяти видения, которые преследовали его на протяжении трех недель, проведенных в гибернационной ячейке.

Ввод.

Он не ощутил ничего.

Чернота перед плотно смеженными веками просвечивала розовым. В первые секунды ему не удавалось сосредоточиться — сказывалось влияние циркулирующих в крови снотворных препаратов, потом из мрака под волевым усилием психики начал формироваться уже знакомый по видениям ландшафт желто-коричневой пустыни, над которой царили острые, иззубренные пики горной цепи, и Дибров понял, что этот ракурс показывает город, врезанный в толщу кратерного склона, каким видел и запомнил его Кайл, покидая шлюзовые ворота в составе обоза.

Еще… Еще… Еще…

Мозг прорезала внезапная вспышка боли.

Что-то чуждое, черное и холодное облизывало его разум, словно внутри черепной коробки медленно перемещался липкий осязательный орган неведомой твари, в висках сконцентрировалось жжение, перед смеженными веками замельтешили цветные искры, но он уже тонул в

своем желании видеть этот мир, он звал его, и странные, не укладывающиеся в рамки сознания картины поплыли, наслаиваясь друг на друга, пока тонкий писк таймера не расколол слух, прорвав своей трелью проекционный полог черноты.

Он судорожно схватил перекошенным ртом загустевший воздух отсека…

* * *

Несколько минут Дибров лежал, не в силах открыть глаза, а когда смог разлепить подергивающиеся в нервном тике веки, то увидел, что вокруг ничего не изменилось, лишь на мониторе ноутбука в среде сервисной оболочки «Virtdead» появилось несколько расплывчатых, нерезких картинок.

Он смотрел на них, едва смея поверить собственным глазам.

Получилось!

Это были кадры чуждого мира, вырванные из его подсознания!

Сохранение!

Светодиод на панели ноутбука судорожно заморгал.

Соединение. Внешняя сеть. Использовать доступный марсианский узел. Выход через канал личного коммуникатора. Оплата со счета абонента. Кредитная карта номер 3987564 банка Евросоюза.

Сеть. Вход в виртуальное пространство.

Поиск.

Базовый алгоритм: визуальное изображение.

Ссылка на файлы.

Светодиод продолжал судорожно моргать, и в такт ему в отсеке экипажа в каюте капитана Диброва тонко запищал мобильный коммуникатор.

Никто не слышал этой прерывистой трели.

Сигналы летели через тысячи километров пустоты.

Сеть разворачивалась перед ним. На экране ноутбука, сменяясь с неуловимой для глаза скоростью, мелькали кадры автоматического поиска доступных аналогов.

Дибров закрыл глаза. Он ощущал себя выжатым как лимон. Казалось, что нет сил даже для того, чтобы думать.

Минуты медленно утекали, он лежал, покрытый бисеринками пота, а

на маленьком плоском мониторе, вмонтированном в откинутую крышку кейса, продолжали мелькать кадры — это система, соединившись с Сетью, искала реальные аналоги расплывчатых стоп-кадров, экспортированных из сознания отстраненного от должности капитана Диброва.

Когда тонко и торжествующе-тревожно пискнул сигнал окончания поиска, на мониторе, разделившемся на два оперативных окна, остался только один кадр.

«Выполнен поиск по совпадениям. Обнаружен один аналог заданного видеоснимка».

Андрей открыл глаза, впившись в экран мутным взглядом.

Мрачный пейзаж лавовой пустыни. Слегка подернутое лиловой дымкой, не черное, как привычно глазу, а темно-фиолетовое небо, в котором сгорает одинокий болид падучей звезды… Иззубренная линия скал — вероятнее всего, кратерный склон, от которого на поверхность лавовой пустыни ложатся угольно-черные, словно обрезанные ножом, тени.

Андрей смотрел на материализованную компьютером картинку из своего бреда, понимая, что самым примечательным в стоп-кадре был не пейзаж. В монолите скал, под выступающим каменным козырьком располагалось какое-то искусственное сооружение. Длинный ряд подсвеченных изнутри овальных окон убегал вдаль, сливаясь у границ монитора в сплошную череду огоньков. Посреди изображения виднелись огромные двустворчатые шлюзовые ворота, из которых выходила вереница крохотных фигурок в непонятных одеяниях.

Это была базовая модель выполненного поиска.

Дрожь медленно ползла по телу Диброва, поднимаясь щекотливой змейкой от поясницы к затылку.

Он взглянул на второе изображение, найденное поисковой системой в базах данных всемирной компьютерной сети.

Опять унылый мертвый пейзаж, но небо над ним на сей раз черное, звезды яркие, как карбункулы. Та же лавовая пустыня, на которой лежат резкие тени от скал, но города нет.

Дыхание Диброва стало неровным. Он долго и напряженно всматривался в полученное в результате поиска изображение, пока не осознал, что линия естественных, как казалось бы, гротов, прорезающих склон скальной гряды, напоминает те самые овальные окна со стоп-кадра, только теперь исчезли стекла и их оправа, осталась лишь череда искалеченных временем, кое-где обвалившихся каменных столбов да

угольная чернота за ними…

Второй снимок был реальным.

Поясняющая надпись под ним гласила:

«Луна. Фрагмент кратера Коперник. Снимок сделан в 2004 году автоматической беспилотной станцией».

Далее следовала ссылка на архивы НАСА и РНАА.

* * *

Андрею понадобилось несколько минут, чтобы оправиться от шока, который испытал его разум.

Он хотел решить проблему своей вменяемости… и вот он ее решил!..

Капитан Дибров был нормален. Он лежал, пристегнутый ремнями к узкой койке, на его коленях косо застыл ноутбук, дисплей которого хранил прямое доказательство материальности его бредовых видений, мышцы дрожали от бессознательного напряжения, а стерильная простыня липла к телу, влажная и холодная от пота.

Иная цивилизация…

Сознание Кайла не принадлежало человеку — это Андрей понял со всей очевидностью.

Следующая мысль, шарахнувшаяся вслед за первой, была о Луне.

Великая Селена…

Аналогия казалась слишком очевидной, чтобы он мог проигнорировать ее, а разница в ударении выглядела лишь мелочью, искажением, приобретенным за многие тысячи лет новейшей истории.

Все древние народы Земли называли Луну не иначе как Селеной!

Таймер, расположенный в углу экрана, неумолимо отсчитывал секунды, сокращая и без того скудный лимит времени, отпущенный ему Джоаной Лори…

Мысли в голове Диброва сплетались в змеиный клубок. Он ухватил конец какой-то ниточки, потянул за нее и… перед ним внезапно разверзся целый сонм вопросов, на которые он должен был ответить спокойно и вдумчиво, чтобы не запутаться и не спугнуть истину, прячущуюся глубоко под пологом тысячелетий… если не миллионов лет…

Такого внутреннего морального напряжения он не испытывал с тех пор, как много лет назад сдавал свой первый выпускной экзамен по астронавтике.

Ты псих, внезапно напомнил ему внутренний голос. Низложенный с

должности капитана псих, которому через десять минут придут сделать укол.

Взгляд Диброва вернулся к дисплею ноутбука.

Реальный снимок лунной поверхности и фрагмент сновидения.

Чем внимательнее он всматривался в контур кратерного склона, тем больше убеждался: они не просто похожи. В двух оперативных окнах системы было запечатлено одно и то же место. Неизвестное Диброву количество времени пронеслось над этим кратером, изменив детали, но общий контур остался тем же — иначе и быть не могло, ведь снимок найден компьютером, который оценивал именно идентичность рельефа. Мелкие изменения деталей, иной узор светотени, отсутствие рукотворных построек не играли в данном случае решающей роли.

…Как маленький камушек, покатившийся по склону горы, может вызвать оползень, камнепад или лавину, так и обнаруженный Дибровым факт совпадения между бредовым видением и реальностью дня сегодняшнего неизбежно влек за собой обвальную цепь очевидных выводов.

Андрей чувствовал — еще немного, и он действительно начнет терять рассудок.

Первое: его сны не могли более расцениваться как бред.

Второе: Мари Лаймер, спавшая в соседней с ним камере, не может отождествляться с Беат физически — на ее теле не было никаких металлизированных пятен, а уж тем более ее организм не содержал имплантов, иначе Диброва предупредили бы об этом медики с Земли еще перед стартом.

Третье: желтые сигналы на терминале жизнеобеспечения ее камеры, очевидно, свидетельствовали, что мозг Мари был возбужден, он боролся с процессами торможения, она также видела сны…

И наконец последний, но самый главный вывод:

Дибров стечением обстоятельств вовлечен в непонятный процесс, связанный с далеким прошлым. Возможно, он был единственным из ныне живущих, кто получил первую реальную информацию о чуждом разуме.

Перед этим тускнело все, чем он жил до сих пор, теряли свою остроту все неприятности, казались смехотворными любые переживания и жизненные планы.

Будь Андрей другим человеком — более мягким или же менее логичным, он вряд ли решился бы на какие-то действия, но вся предыдущая жизнь Диброва была связана с космосом — его психологически готовили к тому, что существует вероятность встречи с

иным разумом, и он действительно впитал в себя ту долю ответственности, которую смогли внушить ему как офицеру и астронавту.

Дибров не был знаком с Майлером фон Брауном.

Он не задумывался над тем, что, кроме его образа мыслей, описывающих крайность служения идеям космополитизма, человечеству в целом, существует и иная, противоположная крайность — служение своему идолу, ослепление властью, презрение к людям как к стаду, прозябающему на более низкой социальной ступени.

Истина крылась где-то между, она была многолика, изменчива и неуловима, путь к ней лежал через разрушение крайних ценностей, но Дибров в этот момент не мог мыслить так широко: он по-прежнему лежал, пристегнутый к койке, и на табло хронометра истекали последние минуты его относительной свободы выбора.

Личная судьба, борьба за рушащуюся карьеру или безумный рывок за истиной?

Доля здорового цинизма была присуща ему, как любому человеку, обладающему жизненным опытом и реально оценивающему события. Он достаточно пожил, чтобы понимать: многие ценности и понятия условны. Джоана Лори, например, точно не станет гнаться за истиной и расценит его действия как лишнее доказательство невменяемости. Вместо того чтобы писать встречный рапорт, ты полез в Сеть, Дибров? Тем хуже для тебя. Пара снимков лунной поверхности еще не свидетельствует о том, что ты вменяем. Не пытайся меня надуть, капитан, — вот примерный список ее реакций на откровенный рассказ о событиях.

Мари… Почему она оказалась на борту «Януса»? С какой целью летела на Марс? Чем вызвана ее сопротивляемость процессам сверхглубокого сна, и не она ли явилась невольным катализатором его собственных видений?

Мари Лаймер… Беат… Все опять замыкалось на ней, и Дибров слишком хорошо понимал, что не сможет жить дальше, не повидав ее.

Значит, ему следовало попасть на Марс.

* * *

В век высоких технологий нельзя легкомысленно относиться к электронным системам, недооценивать их. Истории еще с конца двадцатого века известны случаи, когда компьютерная сеть проводила по своим каналам волю отдельных людей, противопоставляющих себя обществу. Сеть и соединенные с ней исполнительные механизмы становились глазами и руками, орудиями шантажа и даже убийства.

В одном случае, чтобы убрать надежно охраняемого, недосягаемого для наемного убийцы свидетеля, оказалось излишним брать в руки снайперскую винтовку, взрывать здания или устраивать налеты.

Команда, отданная первым виртуальным убийцей, спокойно сидящим за компьютером в тысячах километров от места события, оборвала человеческую жизнь, просто отключив систему искусственной вентиляции легких в одной из строго охраняемых клиник Соединенных Штатов Америки.

Дибров никогда не противопоставлял себя обществу, но в некоторых ситуациях приходится выбирать меньшее из зол.

Он должен получить свободу и попасть на Марс.

Лори совершила грубую ошибку, положив ему на колени ноутбук.

Зная основные командные пароли, ему даже не пришлось ломать систему — она подчинилась ему без лишних усилий.

Сковывающие тело ремни клацнули дезактивировавшимися электромагнитами замков и с жужжанием убрались назад, в свои гнезда.

Дибров встал с койки, с трудом утвердившись на ослабевших от вынужденного бездействия ногах.

Нет… Так не пойдет.

Он не стал мудрствовать — неприкосновенный аварийный запас занимал строго отведенное место в каждом отсеке корабля.

Взломав герметичный шов небольшого контейнера, он раскрыл НЗ и высыпал его содержимое на койку.

Янтарная капсула сильнодействующего стимулятора, которую он положил себе под язык, обладала приторным вкусом скверного леденца.

Этот вкус был знаком Диброву еще со времен астероидного кризиса. Оглядевшись, он отыскал комплект униформы, хранящийся тут же, сделал глоток воды, ополоснул лицо, уколовшись об отросшую щетину на подбородке, потом взглянул на табло бортового хроно, закрыл ноутбук и, взяв его под мышку, вышел из медицинского отсека.

В его распоряжении оставалось еще четыре минуты, если Лори окажется пунктуальной.

Легкая вибрация корпуса и последовавший за ней толчок заставили его пошатнуться и схватиться за поручень, идущий вдоль стены узкого коридора.

Первый челнок с Марса пристыковался к «Янусу».

Момент был самым подходящим.

Встретиться с Мари Лаймер. Поговорить с ней. Узнать, кто она такая и что ей известно о мире, в котором жили Кайл и Беат.

У Диброва кружилась голова, но не от слабости, а от мыслей, которые метались в его голове. Иной мир… Иная цивилизация… Иные технологии…

Он вдруг подумал о миллиардах людей, которые сейчас живут своими заботами, совершенно не представляя, что на орбитах Марса начинает разыгрываться финальный акт начавшегося миллионы лет назад действа, которое в равной степени могло привести ныне живущих как к новому рывку развития, так и ввергнуть Землю в техногенный хаос, перед которым бледнело самое красочное описание грядущего апокалипсиса.

Все зависело от людей, которые вольно или невольно оказались вовлеченными в происходящее.

Глава 8

Марс.

Сектор освоения корпорации «Дитрих фон Браун».

Спустя час после посадки челнока с «Януса»…

Первым делом, уладив формальности в космопорту сектора «Фон Браун», Мари взяла напрокат машину.

В анкете, которую ей предложили заполнить по прибытии, в строке «цель визита» она лаконично ответила: посещение родственников.

Она была свободным членом демократического общества, и это казалось ей достаточным мотивом, чтобы чувствовать себя спокойно, не отчитываясь по поводу своих истинных намерений.

Мобильный коммуникатор лежал в ее сумочке и молчал.

Наглухо.

Больше никаких звонков на него не поступало, хотя целый месяц объективного времени выпал из ее сознания, но ведь коммуникатор, в отличие от человека, не засыпает, верно?

Впрочем, выпал ли из ее жизни этот месяц, проведенный в камере сверхглубокого сна?

Мари не могла лгать самой себе. Она не спала на борту «Януса». Ее тело — да, но разум — нет.

Видение, посетившее ее вечером того рокового дня, когда она приняла звонок с Марса, вопреки ее опасениям, не повторилось, она больше не видела огромного зала со сводчатыми потолками, но то, что было прожито ее сознанием на сей раз, было в тысячу, миллион раз ужаснее и непонятнее, чем безобидный разговор властной женщины и незнакомого воина…

Она балансировала на грани полной потери контроля над собственной психикой. Мари было не просто страшно. Она леденела каждый раз, как только ее мысли касались тех образов, что окружали ее в затянувшемся на месяц видении.

Я не хочу думать об этом… Я прилетела к отцу… Он жив… Он звонил мне отсюда, с Марса, — как молитву повторяла она, пытаясь сохранить хоть крупицу рассудка.

Смертельная бледность заливала ее щеки. Ветер новорожденной атмосферы ерошил отросший ежик медно-рыжих волос, пальцы путались в кнопках пульта дистанционного управления арендованной машины.

Наконец ее дверка открылась.

Мари опустилась на водительское сиденье, и дверь мягко хлопнула, отсекая все посторонние запахи и звуки.

Она бессильно облокотилась о руль и закрыла глаза.

Я сошла с ума… — тоскливо подумалось ей.

Несколько минут она просидела в такой позе, потом, словно очнувшись, подняла голову и посмотрела вокруг сквозь тонированные стекла.

Знакомая площадь. Когда-то она гуляла по ней с отцом. Сектор приема челночных кораблей корпорации «Фон Браун» мало изменился за эти годы, вот разве что разметка паркинга потускнела, стала менее явной, да справа прибавилось три приземистых здания диспетчерской службы.

Мари завела двигатель. Дорогу она помнила наизусть — еще подростком, во второй раз прилетев на Марс, она часто ездила вместе с отцом от гостиницы, которая располагалась у нее за спиной, к строительным площадкам, на месте которых сейчас должен быть маленький уютный городок.

Место встречи они тогда определили на небольшой площади в центре строящегося жилого массива. Мари очень хорошо запомнила фонтан со скульптурной группой в центре искусственного водоема.

Сверившись с компьютерной картой, она убедилась, что ее воспоминания верны, — городок назывался Нью-Даймонд, и до него по прямой как стрела скоростной трассе было отсюда всего лишь триста километров.

Выводя машину с паркинга, она чувствовала, что ее тело дрожит, но не от холода — климат-контроль работал исправно, — а от перевозбуждения.

Мобильный коммуникатор молчал.

Не думай ни о чем! — мысленно прикрикнула на себя Мари, чувствуя, что ее нервы вот-вот сдадут окончательно. — Все решения только после того, как побываю в Нью-Даймонде…

Хмурые облака новорожденной марсианской атмосферы клубились над ней неприветливым свинцово-серым пологом.

Через минуту начал срываться дождь.

* * *

До города оставалось девяносто километров, когда влажную от непрекращающегося дождя дорогу перегородил блокпост.

Мари еще издали заметила мигающие огни проблесковых маяков.

Подъехав ближе, она с удивлением увидела установленные прямо на дорожном полотне раздвижные ворота и свеженький бетонный забор, собранный из отдельных секций, который тянулся по обе стороны от трассы.

На центральной разметке красовался недвусмысленный знак: «STOP».

Она притормозила. Из бетонного барака навстречу ее машине вышел офицер в форме колониальной полиции. Он был экипирован по полной боевой, что удивило и испугало Мари — такую форму она видела только по сферовизору в репортажах из «горячих точек».

Коснувшись сенсора стеклоподъемника, она позволила офицеру заглянуть внутрь салона.

— Доброе утро, мэм, — произнес он, внимательно посмотрев на Мари. — Лейтенант Шкловский, колониальная полиция. — Его пальцы коснулись короткого козырька кевларовой каски, по которой сбегали змеящиеся струйки дождевой воды. — Куда держите путь?

— В Нью-Даймонд, — ответила она, попытавшись улыбнуться.

— Сожалею, мэм, но зона временно закрыта.

— Почему? — Она не смогла скрыть своего смятения.

— Идут испытания нового типа атмосферного процессора. Там сейчас небезопасно.

— Но у меня назначена встреча, — попробовала протестовать Мари.

— Сожалею. — Офицер хранил непроницаемую вежливость. — Вам придется повернуть назад. Возможно, зона будет открыта для посещений через пару недель. — Он покосился в сторону мокнущего под дождем бетонного ограждения и, почему-то сокрушенно покачав головой, добавил: — Там все равно никого нет, люди эвакуированы на период эксперимента…

Мари машинально кивнула, не зная, что ей делать.

Она не ожидала встретиться с препятствием подобного рода и откровенно растерялась.

Что же делать? Что делать? — лихорадочно думала она. Взгляд скользнул по бетонному забору высотой в два метра и остановился на плотно сомкнутых воротах.

Странно, такие новенькие, а уже в дырах, подумалось ей, и вдруг взгляд Мари начал воспринимать совсем иные детали: она внезапно, интуитивно поняла природу этих дыр, заметила наконец, что взгляд лейтенанта не равнодушный, а нервозный, увидела, что верхняя кромка бетонного ограждения в некоторых местах выщерблена, словно ее пробовал на зуб исполинский грызун, и в тех местах четко различимы свежие подпалины.

Испытания атмосферного процессора, да?

Ей тут же вспомнилась жуткая картина и тот шок, который она пережила в морге, осознав, что голова отца была кем-то отчленена от тела.

Вокруг нее была ложь. Сплошная официальная ложь. Эта мысль пришла внезапно, но вызревать, оформляться она начала еще там, в кабинете Майлера фон Брауна, среди ватной, ненатуральной тишины, долженствующей означать скорбь…

Что же мне делать? Что?

Ответ на этот вопрос пришел совершенно неожиданно.

Лейтенант, которому надоело переминаться с ноги на ногу под бесконечным нудным дождем, хотел что-то сказать ей, но его отвлекло внезапно вспыхнувшее и тут же погасшее зарево, которое вдруг разлилось бледной зарницей над угрюмым лесным массивом, начинающимся сразу за ограждением.

— Вам лучше уехать отсюда, мэм, — резко обернувшись, произнес он. Из его голоса мгновенно испарилась вежливость, теперь в его нотках звучали раздражение и плохо скрытый страх.

Она кивнула, закусив губу, и в этот миг…

Боже…

Мари никогда не была на войне, она знала о ней лишь из репортажей по сферовизору, но ее воображение не могло нарисовать и сотой доли того, что означали эти безобидные вспышки на экране и сопровождающий их рокот.

Изнутри огороженной зоны что-то оглушительно, ритмично замолотило в ворота и прилегающий к ним забор.

Глаза Мари начали расширяться от ужаса.

Это не могло происходить наяву… Гребень забора внезапно покрылся оранжевыми вспышками, которые окаймлял сизо-черный дым, и вслед рявкнул такой звонкий, оглушительный грохот, что ее зубы лязгнули, а рот наполнился слюной пополам с кровью из прокушенной губы.

Мари оглохла.

Мир стал чужим, далеким и ватным.

Непослушными пальцами она открыла дверь машины, начала зачем-то выходить наружу, действуя словно во сне.

Что же теперь будет? — метнулась в голове одинокая испуганная мысль. Она огляделась, все еще пребывая в шоке…

Лейтенант, которого сбило с ног ударной волной, поднимался с мокрого асфальта, одной рукой болезненно прижимая к уху сорванную дугу коммуникатора с крошечной бусиной микрофона на конце, а другой

отирая выступившую кровь, сочившуюся из ссадины на лбу. Его губы беззвучно шевелились, но на самом деле он орал в этот миг, захлебываясь собственной речью, — это контуженая Мари не слышала ни звука.

Она оперлась одной рукой о капот заглохшей машины и смотрела на лейтенанта расширенными от ужаса глазами, а он продолжал орать в крохотный микрофон, и Мари казалось, что маленькая беспомощная бусинка тоже сейчас оглохнет.

Ее мобильный коммуникатор, оставленный в машине, в этот миг зазвонил — тонко, тревожно, но Мари не могла услышать его требовательной трели — она все еще стояла у капота машины, пытаясь по движению побелевших, вытянувшихся в ниточку губ лейтенанта прочитать, что же он кричит в крошечный микрофон…

Ворота, преграждавшие трассу на Нью-Даймонд, внезапно начало выпучивать наружу, словно изнутри на них давила невероятная сила.

Мари не выдержала и закричала, зажимая ладонями кровоточащие уши.

* * *

Дибров воспользовался аварийным выходом, чтобы покинуть вращающуюся часть «Януса» и проникнуть в отсеки невесомости, где располагались стартовые шлюзы пяти спасательных капсул.

В коридоре, куда он попал, дополнительно к освещению мерно вспыхивала цепочка красных предупреждающих ламп, напоминавших о процессе шлюзования, который происходил за переборкой.

Андрей поплыл вперед, отталкиваясь руками от стен. «Нужно успеть добраться до спасательной капсулы, пока все заняты приемом челночного корабля», — думал он. Последние несколько минут Дибров действовал спокойно, методично и расчетливо — все сомнения остались позади, да и действие стимулятора сыграло не последнюю роль, помогая ему преодолеть вялость мышц и инертность мысленных реакций, вызванных циркулирующими в крови седативными препаратами, которыми его пичкала автоматика, запрограммированная Джоаной Лори.

Второй толчок, свидетельствующий о причаливании еще одного челночного корабля, застал Диброва уже в районе шлюзовых камер.

Они имели общую переборку с отсеком стыковки, но, к счастью, массивная стена и проложенные в ее толще коммуникации надежно скрывали его от по сторонних глаз. Одну видеокамеру, установленную в длинном, похожем на трубу коридоре, он обошел без затруднений. Дождавшись, когда ее сервомеханизм повернет объектив к стене, он быстро

проплыл в образовавшейся на несколько секунд мертвой зоне и скрылся за выступом массивного шлюза первой аварийно-спасательной капсулы.

Еще несколько секунд томительного ожидания, касание кнопки — и люк шлюзовой камеры начал открываться.

По его расчетам, Джоана, завершив контроль за процедурой стыковки второго шаттла, теперь освободилась и наверняка покинула рубку управления, желая закончить свои дела с бывшим капитаном.

Неясной оставалась судьба Майкрофта, но выяснить, разбужен ли он или все еще спит, не было времени. В любом случае Хьюго не причастен к его злоключениям, и Андрей искренне надеялся, что Майкрофта просто допросят в связи с явным помешательством капитана, а затем отпустят, сохранив за ним лицензию пилота.

Внешний люк шлюзовой камеры начал закрываться. Отбросив все посторонние мысли и переживания, Дибров постарался с максимальной эффективностью использовать оставшиеся в его распоряжении несколько минут, которые были необходимы Джоане, чтобы дойти до медицинского модуля. Вплыв вовнутрь отделяемого модуля, он первым делом оборвал связь систем автопилота с главным бортовым компьютером «Януса». Сделать это было несложно — спасательные капсулы проектируются из расчета максимальной автономии, и даже привод открывания внешнего сегмента брони «Януса» у капсулы имелся свой — процесс выполнялся чисто механическим способом при помощи специального захвата, сопрягаемого со штурвалом аварийного шлюзования и вращающегося от привода внутренних электромоторов.

Пока шел процесс экстренной подготовки к старту, Дибров, заблокировав внутренний люк спасательного модуля, начал привычными движениями натягивать скафандр.

Пока Лори опомнится, пока она решится поверить в очевидный факт, пока будет пытаться связаться с ним в тщетной надежде договориться миром — пройдет масса безвозвратно упущенного времени. Преимущество Диброва было очевидным — он не сомневался, действовал решительно, точно, и остановить его не представлялось возможным, но Джоане Лори потребуется еще какое-то количество бесполезно потраченного времени, чтобы понять это.

Занятый приготовлениями к старту, Андрей не пускал в голову никаких посторонних мыслей. Его разум работал сейчас как хорошо отлаженная компьютерная система.

Предварительная готовность.

Страховочные ремни притянули его к полого откинутой спинке

противоперегрузочного кресла. Аварийный старт из-за блокировки связи с бортовым компьютером «Януса» становился полуавтоматическим, и от точности действий пилота теперь зависело очень многое.

Пальцы Диброва, затянутые в материал герметичных перчаток скафандра, сновали по скошенным клавиатурам, со всех сторон обступавшим пилот-ложемент.

Предварительная продувка реактивных сопел.

Подача смеси.

Люк впереди открылся. Захват-манипулятор отделился от штурвала механического привода и начал втягиваться назад в корпус капсулы.

Облачко безвозвратно утерянной атмосферы из стартовой трубы выметнуло в космос.

За обшивкой капсулы в этот миг включился предупреждающий ревун, и одновременно Дибров заметил, как на панели интеркома замигал индикатор вызова.

Он коснулся сенсора.

— Да? — Его пальцы уже заканчивали разыгрывать сложную партитуру предварительных команд, и большинство сигналов свидетельствовало о полной готовности узлов и механизмов к старту.

— Дибров, это Лори. Ты действительно сошел с ума, сукин сын? Что ты делаешь?

— Не нужно грубить, Джоана, — ответил Андрей. — Ты вроде бы получила то, к чему стремилась, верно? Доведешь «Янус» до Земли, и совет ЕСА будет ставить тебя в пример молодым пилотам. Из обычного навигатора ты превратишься в знаменитого капитана, Лори.

— Ты идиот, Дибров! Немедленно закрой стартовый ствол и закачай в него воздух!

— Не могу. И ты не сможешь ничего поделать — вакуумный замок уже работает. Сколько тонн воздушной смеси давят сейчас изнутри «Януса» на люк? Вот тебе задачка из прикладной физики. — Он говорил это, выигрывая последние секунды для финальных предстартовых процедур.

— Не морочь мне голову, Дибров. Твои действия смахивают на преступление!

— Я знаю.

— Службы безопасности всех Марсианских секторов освоения уже оповещены. Тебя арестуют, как только капсула коснется поверхности.

Все…

Палец Диброва застыл, чуть не доходя до сенсора с поясняющей

надписью: «Аварийный старт».

— Мне некогда, Лори. Я отключаюсь.

Он оборвал связь. Вести этот диалог дальше не было смысла.

— Черт! — Джоана Лори раздраженно кинула обруч коммуникатора на панель связи. Тонкая дуга из сталистой проволоки протестующе звякнула. — Валентин, ты можешь контролировать бортовую аппаратуру капсулы?

Суханов отрицательно покачал головой.

— Капитан прекрасно знает, что делает. Он в режиме полной автономии.

— Мы можем ему помешать? — зло и резко спросила Лори.

— Ты хочешь его убить? — вскинув голову, осведомился Валентин. Он пожал плечами и добавил: — Можно, в принципе, перекрыть стартовый ствол и…

— Нет… — уже тише произнесла Джоана. — Что мы можем предпринять, не устраивая аварий на борту?

Суханов опять пожал плечами.

— Это спасательная капсула, — напомнил он. — Лори, пусть капитан стартует. Службы безопасности Марса оповещены, чего ты еще хочешь? Мы не можем рисковать целостностью корабля, охотясь за свихнувшимися членами экипажа. «Янус» не рассчитан на это!

Джоана кивнула, угрюмо глядя в экран.

— Ладно, дьявол с ним. Я не хочу брать грех на душу или рисковать кораблем. Если весь мир спятил — пусть будет так. Свяжись с Землей, Валентин, доложи.

— А ты?

— Я пока еще раз переговорю с Марсом, сообщу, что им на голову уже со всей очевидностью собирается свалиться свихнувшийся придурок…

В этот миг ощутимый толчок возвестил о старте аварийно-спасательной капсулы номер один.

* * *

Стартуя, Дибров уже не помышлял о тех, кто остался на борту «Януса». Эта жизнь исчезала в прошлом, но, когда продолговатый обтекаемый спасательный модуль вырвался из стартового ствола базового корабля, Андрей все же не удержался от тоскливого прощального взгляда.

Огромная, семисотметровая конструкция, внешне напоминающая две плотно сомкнутые человеческие ладони, стремительно удалялась.

В этот миг ему подумалось, что во мраке космоса исчезает, истаивает

вся его минувшая жизнь. А что ждало Диброва впереди?

Этого он не знал.

Встреча с незнакомой молодой женщиной, которая еще не факт что состоится…

Так, хватит! Он был взведен до предела, а подобные мысли окончательно подтачивали остатки рассудка.

Следовало действовать. Предупреждение Лори несло в себе лишь половинчатую угрозу: Дибров прекрасно знал, что на орбитах Марса не располагалось никаких военных спутниковых систем, но внизу его действительно будут ждать.

Его преимущество заключалось в относительной малонаселенности огромных освоенных площадей Марса и в той автономной маневренности, которую несла в себе конструкция спасательной капсулы. Ему не нужен был космопорт с посадочными площадками. Дибров имел неограниченную свободу выбора места посадки, и этим следовало воспользоваться в полной мере.

Аварийно-спасательная капсула была снабжена всеми средствами — бортовой электроники, положенной нормальному космическому кораблю, и ее бортовой компьютер фактически не уступал своему собрату, оставшемуся на борту «Януса».

Реальный план Диброва был прост.

Позволив автопилоту взять на себя часть рутинных функций управления, он занялся поиском в базах данных.

Справочник номеров мобильной коммуникационной сети Земля — Марс обновлялся, судя по всему, два месяца назад.

Поиск: Мари Лаймер.

Дисплей высветил сотни три номеров.

Взглянув на них, Андрей не стал мудрствовать:

Автоматический перебор вариантов. Абонент в виртуальном пространстве Марса.

Это был железный метод исключения. Даже если на вызов, адресованный в коммуникационную сеть красной планеты, ответят по невероятному стечению обстоятельств две или три Мари Лаймер, сделать правильный выбор будет несложно.

Через минуту с небольшим пришел ответ:

Мари Ф. Лаймер, уроженка Земли, прибыла на Марс 14 июля 2395 года. Осуществить вызов?

Дибров кивнул.

Вызов с пеленгом сигнала — ввел он очередную директиву.

* * *

Коммуникатор продолжал звонить тонко, тревожно, но Мари, контуженная близкими разрывами, попросту не слышала его из-за временной глухоты.

Ворота, перекрывавшие автобан, наконец не выдержали давления изнутри и рухнули, издав стонущий скрежет протестующего металла. Часть бетонного ограждения, прилегавшего к ним, также повалилась: несколько секций упало плашмя, раздался приглушенный хлопок, который достиг сознания Мари.

Она инстинктивно присела, прячась за ненадежным прикрытием автомобильного колеса. Отняв ладони от ушей, она с немым ужасом увидела, что они испачканы в крови и дождевые капли стекают меж пальцев розовыми ручейками.

Слух медленно возвращался к ней, а вместе с ним пришли страшные свидетельства разворачивающихся вокруг событий. Она услышала утробный, басовитый вой и обернулась.

Выбитые ворота лежали в лужах воды, по ним барабанил дождь, а с той стороны поваленной преграды медленно разворачивалась огромная тупоносая планетарная машина.

Скошенные скаты ее брони тускло блестели, но не от дождевой влаги — блеск был зеркальным, ртутным, он располагался пятнами, словно на машину кто-то плеснул из ведра серебристой краской.

Мари сидела на корточках, не смея шелохнуться.

В этот момент в поле ее зрения появился лейтенант.

Господи, она уже успела позабыть о нем за те тридцать или сорок секунд, что растянулись в ее сознании в гулкую вечность ватной тишины.

Он присел по другую сторону машины, и Мари услышала его голос:

— Да, сэр… — Лейтенант говорил тяжело, с придыхом. — Это тот же самый «ПКМ», который видели вчера. Нет, исправен. Что? Я не знаю. Да, на том месте осталась отметина. Да я собственными глазами видел, в него попали управляемой ракетой! Он сгорел! Остов стоял в двухстах метрах от нашего поста в глубине зоны. Что? Почему два часа? Все будет кончено? Кто это сказал? Фон Браун? Откуда ему знать? Я не обсуждаю приказы, я

хочу знать… — Дальше его захлебывающаяся скороговоркой речь вдруг потонула в гуле взревевшего на высоких оборотах двигателя.

Мари подняла глаза.

Машина, которую лейтенант только что назвал аббревиатурой «ПКМ», неуклюже развернулась и медленно поползла назад, откуда пришла, будто этот механизм обладал своим примитивным сознанием и вел себя, как раздраженный зверь, — повалив преграду, он сделался равнодушным и не собирался буйствовать дальше, его ярость была удовлетворена причиненными разрушениями, и теперь он просто удалялся, следуя ведомому лишь ему одному смыслу.

Мари, которая все еще сидела на корточках, сжавшись в комок подле колеса и вцепившись в холодную мокрую покрышку испачканными в крови пальцами, внезапно очнулась.

Путь вперед на Нью-Даймонд был открыт.

Страшная машина, ломая поросль мокнущих под дождем лесопосадок, удалялась, оставляя за собой широкую, остро пахнущую древесиной просеку.

— Мисс, вы живы? — раздался с другой стороны машины вопрос лейтенанта.

Она выпрямилась, открыла водительскую дверь и села за руль, даже не посмотрев в его сторону. Внутри что-то подсказывало, что ушедшей машины нечего бояться. Мари, которая не хотела прислушиваться к этому прижившемуся в ней с некоторой поры опыту, колотила нервная дрожь, но все же она сумела завести машину с первой попытки.

— Остановитесь! Куда вы?! Туда нельзя! — Запоздалый, полный гневного отчаяния крик лейтенанта потонул в визге пробуксовавших на мокром асфальте покрышек; машина, рванувшая с места, с глухим ударом перескочила через поваленные ворота и, миновав разрушенный блокпост, устремилась в сторону Нью-Даймонда.

Через километр Мари чуть притормозила, желая убедиться, что за ней никто не ринулся вслед, и в этот миг снова зазвонил коммуникатор.

От неожиданности она чуть было не слетела с дороги. Резко вильнув к широкой обочине, ее машина взвизгнула тормозами и остановилась.

Мари сидела за рулем бледная, перепуганная и смотрела на свою сумочку, брошенную на соседнее сиденье.

Трель звучала не умолкая.

Она протянула руку и дрожащими пальцами вытащила коммуникатор.

— Да?

— Это Мари Лаймер? — осведомился далекий, показавшийся

совершенно незнакомым голос.

— Кто вы? — дрожащим голосом спросила она.

— Я капитан «Януса» — корабля, на котором вы прибыли.

— Что вам от меня нужно? Я вас не знаю… и не хочу знать.

— Мне нужно встретиться с вами и поговорить. Зачем вы прилетели на Марс, Мари? Только не отключайтесь, это очень важный вопрос.

— Идите к черту… — Она так надеялась, что звонок как-то связан с отцом, что вынести разочарование от разговора с абсолютно незнакомым человеком оказалось выше ее сил.

Свернув панель коммуникатора, она посмотрела в зеркало заднего вида.

По дороге бежал человек. Наверное, это лейтенант кинулся за ней.

Взвизгнув покрышками, машина рванулась с обочины.

Она не хотела ничего слышать, не хотела ни с кем разговаривать, кого-то понимать или жалеть…

* * *

Через несколько минут коммуникатор зазвонил вновь.

На этот раз она не стала психовать или притормаживать.

— Да?

— Это опять я. Не отключайтесь.

— Я же сказала, чтобы вы убирались к черту! У меня полно своих проблем, и я вас не знаю!

— Знаешь, — внезапно ответил коммуникатор, и от этого короткого утверждения Мари вдруг бросило в жар. — Ты знала меня раньше. Тогда меня звали Кайл…

Она вздрогнула всем телом, отшвырнув устройство связи, словно то обожгло ей пальцы.

Опять визг тормозов, юз к обочине, дрожь, сотрясающая тело, и слезы, навернувшиеся на глаза.

— Я никого не знаю… — шептали ее побелевшие губы. — Я не знаю никакого Кайла…

Мари лгала самой себе. Она помнила его.

Глаза, которые смотрели на тебя, ладони, сжимавшие твои виски, — это не забывается никогда…

— Нет… Нет! Нет!!! — Она разрыдалась. — Я не хочу этого помнить!

Слишком страшна была память, но не о Кайле, а о том, кем на самом деле являлась Беат.

— Я Мари… Мари Лаймер… Я еду к отцу в Нью-Даймонд… —

глотая слезы, твердила она, непослушными пальцами нащупывая бугорок сенсора зажигания на рулевой колонке заглохшей машины.

Нет, она еще не понимала, что себя не обмануть и с внезапно проснувшейся памятью придется жить, вольно или невольно…

Она хотела одного — доехать наконец до этой площади с фонтаном посередине, а дальше… Дальше будь что будет, с отчаянием подумала она, увеличивая скорость. Если там не окажется отца, то и мне незачем жить.

Вот только как может оказаться в условленном месте человек, труп которого ты своими глазами видела в морге? Этот вопрос выматывал душу, он обещал жестокую развязку и отсекал всякую надежду…

* * *

— Борт 01, вы вошли в зону парковочных орбит колонии. Капитан Дибров, нам сообщили о вашем приближении. Вам отказано в разрешении на посадку. Займите орбиту с указанными параметрами и ждите подлета конвойных судов.

Андрей молча выслушал монолог оператора связи, бубнившего положенные формулировки скорее ради очистки собственной совести, чем в надежде на взаимопонимание.

Дибров отлично знал, что на Марсе нет единой, централизованной власти. Мировое сообщество декларировало, но не исполняло ее. Реальную силу в колонии представляли спецслужбы пяти основных секторов освоения, но они не имели права содержать постоянно действующие орбитальные силы, и потому их юрисдикция начиналась непосредственно на поверхности.

После того как Мари второй раз отключилась, продемонстрировав явное нежелание разговаривать с ним, Андрей перенацелил автопилот спасательной капсулы на пеленг ее мобильного коммуникатора.

По данным навигационного блока выходило, что садиться ему придется в секторе «Фон Брауна». Оптимизма это не внушало — служба корпоративной безопасности являлась серьезной организацией.

Капитан видел по перемещению алой точки, что Мари воспользовалась транспортным средством. Скорее всего, это была арендованная в космопорту машина, которая двигалась сейчас по прямой трассе, ведущей к небольшому городку с названием Нью-Даймонд.

Дибров ввел последние данные в автопилот, закрыл забрало гермошлема и откинулся на спинку противоперегрузочного кресла.

Он сделал все, что мог.

Капсула, подчиняясь приказам автоматики, начала снижаться,

погружаясь в клубящуюся атмосферу Марса по пеленгу мобильного устройства связи, принадлежащего Мари Лаймер.

* * *

Несколько минут Мари ехала без приключений.

Дождь моросил, не переставая, и электромагнитный дворник то и дело пробегал по лобовому стеклу машины, смахивая капли воды голубой полоской статики.

Пейзажи по обе стороны дороги тянулись унылые. Вообще, преобразованный Марс не отличался разнообразием живых красок. В глаза бросалась прежде всего рациональность планировки ландшафта, придававшая ему геометрическую унылость.

Правильность форм рельефа не радовала, а, наоборот, постоянно напоминала о том, что все вокруг создано искусственным путем: будь то ровные, причесанные под исполинский гребень лесопосадки, или конусообразные холмы, обложенные дерном, который скрывал под собой отвалы снятой с иных мест марсианской породы, или одетые в бетонные рубашки русла каналов, по которым текла мутная дождевая вода.

Даже воздух тут пах резко и неприятно. Влажность не несла запахов жизни — в воздухе витали флюиды каких-то окислов, разило железом и еще чем-то тошнотворным, похожим на сероводород.

Отъехав километра три от места своей спонтанной парковки, Мари внезапно увидела еще один бетонный забор, ограждающий огромную территорию.

Она машинально сбросила газ, присматриваясь к новому препятствию. Забор был точно таким же, как первый, даже ворота казались абсолютно идентичными, только в этом случае они стояли на месте, оставив двухметровый зазор между сомкнутыми наполовину хода створами.

Создавалось полное ощущение, что в этой части преобразованных марсианских равнин, принадлежащих корпорации «Дитрих фон Браун», люди внезапно столкнулись с неким опасным и совершенно нежелательным явлением, эпицентр которого, как интуитивно предположила Мари, располагался где-то в окрестностях Нью-Даймонда.

Этот вывод не умерил ее решимости доехать до заветного города во что бы то ни стало, но мысли ненавязчиво потекли совсем не в том направлении — покидая космопорт, она не хотела строить какие-то предположения, а тем более добровольно обращаться к своей непонятной второй памяти, внезапно очнувшейся в период глубокого сна на борту

«Януса», но ситуация сама толкала ее разум на невольные аналогии…

Через несколько минут ей представился случай воочию убедиться в том, что игнорирование опасности — не самый верный способ достижения цели. Она не хотела прислушиваться к опыту очнувшегося вдруг второго сознания и поплатилась за это.

Щель в воротах оказалась достаточно широкой, чтобы ее машина проехала в зазор, царапнув глянцевитым бортом по торцу уже начавшего покрываться рыжей бахромой ржавчины створу.

Картина, открывшаяся взгляду Мари по ту сторону ограждения, заставила ее панически надавить на педаль газа: сразу за воротами, над обломками превращенного в щебень блокпоста, высился механический уродец, в котором ее взгляд с трудом узнал обыкновенную модель шагающего экскаватора.

Боже… Это не укладывалось в рамки нормальной человеческой психики…

Действительно, механизм выглядел совершенно необычно. Некоторое время назад, без сомнения, это была обычная машина, предназначенная для землеройных работ, но теперь ее облик разительно изменила выросшая тут и там серебрящаяся щетина, создававшая причудливую ажурную конструкцию, из которой торчал длинный, снабженный одним шарнирным соединением гидравлический манипулятор с покоробленным ковшом на конце.

Машина стояла на обломках здания, глубоко врезавшись в податливую, размякшую от дождя почву четырьмя гидравлическими упорами, и ее манипулятор ковырял руины.

Все бы ничего, но рядом с землеройным устройством копошились механизмы поменьше. Мари все больше казалось, что она бредит. Ковш экскаватора разгребал бетонные обломки, вокруг которых уже пробилась молодая серебристая поросль, а подле, роясь в кучах вывороченного мусора, копошились пятеро дройдов.

Разум Мари не хотел адекватно воспринимать эту картину. Она видела, как изрядно помятый, пораженный все той же вездесущей металлизированной проказой человекоподобный робот достал из-под обломков здания фрагмент расплющенного компьютерного терминала. Присев на корточки, механизм тут же начал заинтересованно раздирать свою находку, с нечеловеческой силой отрывая куски электронных устройств…

Что он собирался с ними делать, оставалось только гадать, но прямо на глазах Мари два дройда сцепились между собой, пытаясь поделить

только что вывороченный экскаватором ком, из которого торчали разлохмаченные обрывки оптико-волоконных кабелей.

Боже… Это была жизнь. Непонятная, неправильная, подчиняющаяся невесть откуда взявшимся законам, механическая жизнь…

В следующий миг Мари стало не до них.

Сзади нее послышался уже знакомый басовитый гул, и она мгновенно вспомнила про «ПКМ», который, разворотив блокпост, удалился в глубь лесопосадок, оставляя за собой обезображенную просеку.

Мари всего на несколько секунд отвлеклась от управления и тут же услышала, как взвизгнули лазерные дальномеры, предупреждая ее об аварийной ситуации. Похолодев, она начала резко выворачивать руль, но поздно — правое колесо уже схватило раскисшую обочину, и машину начало заносить, опрокидывая набок, мокрая земля и серое угрюмое небо внезапно поменялись местами, горизонт на секунду опрокинулся, потом пришел глухой чавкающий удар и…

Сознание Мари на миг помутилось, а когда она очнулась от резкой режущей боли в пояснице, то через проем разбитого вдребезги лобового стекла увидела картину еще более жуткую, чем машины, дружно занимающиеся мародерством на обломках человеческого строения: сквозь ворота, в зазор которых она проехала несколько минут назад, тяжело ломился многотонный «ПКМ», разительно напоминающий своим поведением огромное и не слишком умное животное.

Копошащиеся на развалинах дройды заметили его приближение. Мари было трудно дышать, боль, распространяясь из района поясницы, уже захватила спину и грудь, но пошевелиться не было никакой возможности — что-то прижало ее, не давая шелохнуться, и она оказалась вынужденной лежать и смотреть безумными, полными боли и отчаяния глазами на действо, которое разворачивалось перед ней.

Огромная тупоносая машина давила испятнанным ртутным блеском лобовым скатом на полуоткрытые ворота, пока те не начали поддаваться, издавая при этом стонущий скрежет. Два человекоподобных робота, заметив надвигающуюся опасность, бросили свое занятие и стали быстро удаляться к ближайшей лесопосадке, оглядываясь при этом совершенно по-человечески…

Два других спокойно продолжали разгребать кучи мусора, а третий вдруг проявил неожиданную инициативу и полез в закрытую ажурным серебристым плетением кабину шагающего экскаватора.

В этот миг ворота не выдержали и рухнули.

«ПКМ», лязгая широкими гусеницами, вполз в образовавшийся

проем, и Мари, сознание которой начало тускнеть от боли, в последний миг увидела страшную, завораживающую глаз картину: два механических титана, влекомые неведомой волей, которую разум не решался назвать наиболее подходящим в такой ситуации термином «инстинкт», несколько секунд стояли напротив друг друга, а потом…

Ковш экскаватора с лязгом обрушился на лобовой скат «ПКМ», и одновременно с этим оглушительно разрядились носовые орудия кибернетического монстра.

Мир взорвался оранжевым сполохом близкого разрыва и погас.

* * *

Посадочная капсула снижалась по пологой траектории, следуя усилившемуся сигналу.

Система автоматического пилотирования сжигала остатки реактивного топлива, чтобы обеспечить точность посадки: директивы, введенные человеком, освободили бортовой компьютер от соблюдения иных параметров.

На высоте в три тысячи метров огненная аура падучей звезды начала тускнеть.

Внизу простирался рассеченный просеками молодой лесной массив, на фоне которого тонкими серыми ниточками протянулись периметры двух бетонных ограждений, но Дибров, измотанный перегрузками, не мог уделить достаточного внимания открывшимся взгляду ландшафтам.

Все его внимание было сосредоточено сейчас на группе приборов, отражающих высоту, скорость снижения и алый маркер запеленгованной цели.

Истратив реактивное топливо на точное атмосферное маневрирование, он не строил иллюзий относительно мягкости приземления.

Рывок парашютной системы только подтвердил его опасения — не выдержавшую динамического удара подвеску белоснежных куполов оторвало от капсулы, но он был готов к этому, и из обугленного корпуса посадочного аппарата вслед за первым выметнуло второй комплект систем окончательного торможения, который раскрылся более благополучно.

До марсианской поверхности в этот миг оставалось всего восемьсот метров.

Сила тяжести на поверхности красной планеты существенно меньше земной, и Дибров учитывал этот фактор перед началом снижения. Сейчас у него оставалась еще секунда или две, чтобы бросить беглый взгляд на

стремительно приближающуюся поверхность.

Кромка леса… Серая нитка растущего в размерах бетонного ограждения… Воронки, руины, посеребренная техника, съехавшая на обочину, заляпанная грязью машина с помятой дверью…

Неужели не успел?

* * *

Яйцеобразная капсула врезалась в мягкую, раскисшую от дождя почву со стонущим ударом; купола парашютной системы начали опадать, но легкий порыв ветра отнес их вбок, не дав накрыть наполовину скрывшийся в податливом глиноземе обугленный борт спускаемого аппарата.

Прошло не менее минуты, прежде чем в наступившей вдруг сторожкой тишине раздался скрежет механического привода и с выпуклого борта капсулы посыпалась окалина, обозначая контур люка.

Дибров, оглушенный жесткой посадкой, выбрался наружу. Забрало гермошлема тут же спроецировало перед помутившимся взглядом пилота четкую, контрастную панораму места приземления: все тот же непонятный бетонный забор, поваленные ворота, которые перекрывали скоростную трассу, оспины свежих и уже заполненных водой воронок, руины какого-то здания…

Он повернул голову. В руках Дибров сжимал укороченный автомат, входивший в комплект выживания любого спасательного модуля. То, что на Марсе происходят события, выходящие из ряда вон, он начал подозревать еще в процессе снижения и заранее готовился к неожиданностям, но картина, представшая взгляду в реальности, превосходила любые предположения.

Андрей машинально скользнул взглядом по цепи свежих, еще курящихся легким дымком воронок. На краю одной из них, покосившись, стоял развороченный несколькими прямыми попаданиями экскаватор. Его кабина была раскрыта взрывом, будто безобразный металлический цветок с рваными лепестками, гидравлический манипулятор с ковшом ударной волной загнуло назад и вбок, непонятная поросль обломанных ажурных конструкций тонко серебрилась, обрамляя подпалины в местах попадания снарядов…

Что за черт? — в полнейшей растерянности подумал Дибров, пораженный видом изуродованного ландшафта и разбросанных обломков перемолотой взрывами техники.

Его оцепенение длилось не более нескольких секунд — Андрей ни на миг не забыл о цели своей несанкционированной посадки на Марс, но

взгляд успел схватить еще немало подробностей.

Из кабины землеройной машины, наполовину свесившись оттуда, торчал корпус человекоподобного робота. Его голову и плечи снесло взрывом, из внутренностей дройда торчали разлохмаченные огрызки оптико-волоконных кабелей, а ноги продолжали шевелиться, совершая набор конвульсивных движений…

Дибров не мог адекватно оценить увиденное.

Все смахивало на сумасшествие, но внутри рассудительного и логичного разума капитана уже прижилась память, когда-то принадлежавшая юноше по имени Кайл.

Ноги несли Андрея к съехавшей на обочину машине, а она, эта самая память, нашептывала: «Ты понимаешь, Дибров… Ты все можешь понять… Вспомни кладбище Сервов… Теперь ты знаешь, как именно оно образовалось…»

Скрежет открываемой дверцы отсек эти мысли, им на смену пришло другое, резанувшее по нервам узнавание: на водительском месте прижатая погнувшейся стойкой разбившегося лобового стекла сидела, болезненно скорчившись, Мари Лаймер.

Ее короткие волосы, влажные от моросящего дождя, отливали медью.

Это была она — Беат.

Через минуту, высвободив ее обмякшее тело из плена деформированного металла, Дибров с облегчением понял, что девушка дышит.

Глава 9

Марс.

Зона низких орбит над сектором освоения корпорации «Дитрих фон Браун»…

Они сходились, неумолимо приближаясь к одной точке, но никто из отдельных действующих лиц разворачивающейся драмы не подозревал, что ниточки их судеб связаны в узел.

Пока что каждый жил и погибал сам по себе.

…В рубке орбитального штурмовика царил полумрак.

Антон повернул голову, и панорама окрестного космоса послушно сместилась вбок, проплывая в координатной сетке электронного прицела.

В узлах тонких зеленых линий, проецирующихся на прозрачное забрало гермошлема, бежали цифры, отражавшие различные данные, снятые с сенсоров внешнего наблюдения. Мозг фиксировал их машинально, на уровне подсознания, не выделяя какие-то из показаний и не загружаясь ими.

Коричнево-бурый шар Марса, укутанный клубящимся непроницаемым облачным покровом, выглядел сейчас как яркий, прочертивший половину обозримого пространства полумесяц.

Взгляд Столетова сместился ниже, и координатная сетка опять послушно поплыла перед глазами до тех пор, пока в ее пульсирующих нитях не запуталась невзрачная корявая картофелина планетоида.

Это был Фобос, один из безвоздушных спутников Марса.

Мысли Антона прервал тонкий посвист коммуникационного устройства. Свист и пощелкивание продолжались секунды две или три — это бортовой компьютер штурмовика и процессор базовой связи устанавливали контакт, обмениваясь полномочиями доступа.

— Седьмой, вызывает борт «Ориона». Подтвердите прием.

— Седьмой на связи. — Губы Столетова беззвучно шевельнулись за забралом гермошлема. — Следую в заданный район.

— Есть цель, — сообщил голос координатора базового корабля. — Вектор три-два-ноль.

— Это в глубине зоны? — осведомился Антон, взглянув на тактическую карту марсианского полушария.

— Примерно пятьдесят километров от периметра, — подтвердил его

догадку голос. — Полностью зачищенный район…

— Класс цели? — спросил Столетов, контролируя действия систем автоматического пилотирования, которые, получив данные телеметрии, уже разворачивали тяжелую машину на новый вектор.

— Класс не определен. Термальный всплеск. Там вчера была высажена десантная группа «охотников». Две минуты назад они доложили, что атакованы, и запросили поддержки.

Антон кивнул. Его разговор с координатором протекал на фоне конкретных действий автоматики, ни одна миллисекунда не была потеряна зря, и штурмовик уже ускорялся, следуя новым курсом.

— Вас понял, «Орион». Следую на штурм цели.

— Удачи, Седьмой.

Антон не ответил. Его внимание уже переключилось на мониторы боевых и тактических систем. Когда получен конкретный приказ, слова уже не имеют смысла.

В недрах орбитального штурмовика тихо щелкнули электромагнитные фиксаторы, и боевые эскалаторы довольно заурчали, поднимая боекомплект к пусковым шахтам ракетных установок класса «космос-земля».

На панели перед противоперегрузочным креслом пилота один за другим зажглись четыре изумрудных индикатора готовности бортовых орудийно-ракетных комплексов.

Антон несколько раз сжал пальцы рук, разминая их, прежде чем привычным движением схватить изогнутые джойстики ручного управления с сенсорными гашетками на концах.

Обычная работа.

Очередной нырок в кибернетический ад.

* * *

Переходя на ручное управление системами орбитального штурмовика, Антон Столетов меньше всего задумывался об истинном положении дел в колонии Марса.

Его жизнь была проста и бесхитростна, как курс тяжелой машины, в рубке которой он находился. По большому счету, ему было все равно, что там творится внизу, как возникла непонятная разуму зона, территорию которой они прочесывают вот уже месяц, и откуда там взялись эти сбрендившие машины, он делал свою работу, и нужно сказать, что выполнял ее Столетов профессионально.

…Серп Марса медленно наползал на верхние секторы обзора. Антон отключил автоматику и активировал режим фантома. Соблюдение

радиотишины на подступах к планете и работа систем глобальной маскировки были обязательной составной частью задания, операция проводилась в строжайшей тайне. В такой близости от спутниковых систем Марса это было разумным шагом со стороны пилота. Пока ты не нырнул под густой покров облачности, тебя не должен заметить ни один электронный или оптический прибор.

Внизу, под облаками, все становилось гораздо проще. Там на тысячи километров от оперативных точек простиралась территория корпорации, и прослойка между давящим небом и землей не контролировалась никем посторонним. Даже звуки от производимых ракетных запусков — и те глохли в ватной, разреженной марсианской атмосфере, затухая километров через пятьдесят от эпицентра попадания.

Планета приближалась.

Ослепительная горошина далекого Солнца сияла над ней, словно капля нестерпимого для глаза жидкого огня. Антон опустил светофильтры и включил частичную поляризацию забрала.

Ага, теперь лучше.

…Машина Столетова уже снизилась настолько, что магнитные дефлекторы, расположенные в обтекаемой носовой части штурмовика, вспыхнули, обозначив контур генерируемого ими поля в виде двух полусферических аур.

Он спокойно перенес импульс торможения, потом привычно напряг и расслабил мышцы, сбрасывая этим нехитрым упражнением изматывающую тупую боль, оставшуюся после перегрузки, и включил аэродинамический режим полета.

Серые облака рванулись навстречу, и штурмовик, сверкнув короткими скошенными крыльями в скупых лучах далекого солнца, провалился вниз, пронзая их клубящуюся туманную, похожую на серое молоко толщу.

* * *

Поверхность Марса, как обычно, появилась внезапно для глаз.

Серая мгла вдруг расступилась, разлетаясь рваными клочьями перистых облаков, и штурмовик вырвался в тесную прослойку между низким небом и стремительно приближающейся землей.

Антон сверился с показаниями датчиков.

Аномальный тепловой всплеск действительно присутствовал в указанном квадрате.

Последний импульс торможения сменился внезапной оглушительной тишиной. Столетов несколько мгновений наслаждался ею, слушая, как

потрескивает раскаленный корпус штурмовика да нервно попискивают приборы на скошенных панелях управления, тесно обступающих пилот-ложемент. Эти секунды, пока штурмовик, обладавший отменными аэродинамическими формами, беззвучно скользил в небесах, он любил до дрожи.

— Квадрат девять-один-пять, здесь орбитальная поддержка, — произнес он, воспользовавшись указанной частотой связи. — Вызываю всех находящихся в пределах указанной территории.

Он говорил, а пальцы уже сновали по сенсорным переключателям пульта. В глубинах штурмовика утробно взвыли реактивные турбины, на консолях появились новые сигналы заработавших датчиков систем атмосферного пилотирования. Ощутимое ускорение вдавило тело в спинку противоперегрузочного кресла.

Штурмовик стремительным росчерком проносился над унылыми, тщательно распланированными, но в основном все еще мертвыми ландшафтами Марса.

— Орбита, слышим вас! — пришел ясный ответ на его запрос. — Здесь капитан Никитин, космический десант. Передайте код для установки тактической связи.

— Принято, капитан.

Процедура идентификации заняла всего пару секунд. Код опознания менялся каждые двенадцать часов, и Антону перед вылетом выдали два кристаллодиска, содержавших необходимую информацию.

Привод компьютерного терминала несколько раз взморгнул индикатором, эфир прочирикал машинным языком связи, и световая шкала передатчика замельтешила цифрами, меняя частоту.

— Орбита, — вновь вернулся голос капитана Никитина.

— На связи, — отозвался Антон, заходя в пологий вираж, чтобы не удаляться от квадрата, где по-прежнему тусклой кляксой было заметно аномальное тепловое пятно. — Частота обновлена, капитан.

— У меня проблемы. — Голос Никитина был хрипловатым, дыхание явно сбито — значит, бежал, меняя позицию, и сейчас, быть может, распластался на дне свежей, курящейся кисловатым дымком воронки.

— Что конкретно? — спросил Антон. За месяц непрекращающейся зачистки этого странного плацдарма он уже привык и к хриплым, надсаженным голосам в коммуникаторе, и к пульсирующим огонькам, окольцовывавшим двухсоткилометровый периметр зоны, где день за днем продолжалась бесконечно распадающаяся на отдельные стычки спецоперация наземных штурмовых групп. Иногда он поддерживал их

огнем, иногда приходилось снижаться и совершать посадку, чтобы забрать груз: длинные металлические контейнеры, которые грузили в штурмовик, заполняя ими пустой объем артпогребов.

Война с высоты воспринималась очень своеобразно и, нужно сказать, совсем не страшно.

В коммуникаторе вместо ответа на последний заданный вопрос внезапно рявкнула короткая автоматная очередь, за ней еще одна, и лишь после этого вновь вернулся голос:

— Блин, я сам хочу знать, что это такое! Похоже на «ПКМ»!.. Прет из-под земли, твою мать…

В голосе капитана прозвучало не отчаяние, не удивление и даже не злоба — это были слова смертельно уставшего, обреченного человека, который уже потерял ориентацию в разверзшемся вокруг аду и действительно не понимает, что происходит и как из этого выкарабкаться.

— Капитан, мне нужны более точные координаты.

Несколько секунд коммуникатор молчал, оставаясь включенным, Антон слышал, как хрустит под рифленой подошвой десантных ботинок гравий, потом раздалось невнятное ругательство, потонувшее в шумном, участившемся дыхании.

— Ничем не могу помочь, пилот… Я, похоже, остался один… Они вокруг…

Снова автоматная очередь, хруст гравия, тяжелое судорожное дыхание.

Антон понял, что решение придется принимать ему.

— Капитан, оставь коммуникатор включенным, отбрось его в сторону и немедленно убирайся метров на двести как минимум к внешнему периметру аномалии. Я захожу на штурмовку.

— Понял.

Это было последнее слово, услышанное им от Никитина. Дальше раздался щелкающий звук — устройство связи клацнуло о камни.

Антон уже не прислушивался к звукам в коммуникаторе, все его внимание переключилось на координатную сетку прицела.

Орбитальный штурмовик был великолепной, высококлассной машиной. Наверное, именно так должна воплощаться мечта пилота — чуткая преданность необычайно маневренного обтекаемого аппарата рождала в душе Столетова ощущение стопроцентной уверенности в себе.

Он совершил разворот и начал снижаться, ориентируясь на пеленг передатчика и одновременно сбрасывая скорость.

В таких штурмовках, воздушных атаках с небольшой высоты, не

имевших ничего общего со стремительным пикированием, проявлялись все лучшие качества как пилота, так и машины. Преобразованная, кое-где испятнанная лесопосадками поверхность Марса уже не стелилась под брюхо штурмовика, сливаясь в серые полосы; машина достаточно затормозила свой полет, чтобы внизу стали различимы детали происходящего. В условиях проводимой операции, когда автоматика, по неизвестной Антону причине, более не вызывала доверия у старших офицеров «Ориона» и решающей силой стал человеческий фактор, Столетов мог полагаться лишь на собственное зрение, интуицию и реакцию.

Алая точка на активном радаре располагалась ближе к северному краю аномального теплового пятна. Антон взглянул на альтиметр. Высота продолжала падать, внизу все четче проступали детали рельефа. Он уже различил тонкие змейки траншей, оставшихся на месте первой высадки космодесанта, оспины воронок, подбитую технику, остовы которой чернели на опаленной бесплодной красно-коричневой почве.

Ага… Вот они…

Жирный шлейф черного дыма лениво сочился в серые небеса, обозначая то место, где несколько часов назад располагался склад или мобильная база обеспечения. Огонь уже угас, но дым продолжал истекать из-под провалившейся пластиковой крыши ангара. Рядом, скособочившись, застыл подбитый «ПКМ» с «Ориона», внешне напоминающий обыкновенный танк, но с более широкой базой и двумя спаренными в турель укороченными стволами, торчавшими из вертикальной прорези в покатой башне. Метрах в двухстах от него на измолоченном снарядами взгорке в наполовину засыпанном щебнем капонире угадывалось многоцелевое автоматическое орудие. Сверху Антон отлично видел, что оно цело, но вот куда подевался его расчет? Был ли он погребен под оползнями щебенки или десантники отступили, расстреляв весь боекомплект, оставалось неясным.

Включив оптическое увеличение, он провел штурмовик в полукилометре над поверхностью. Осматривая территорию в направлении пеленга, Антон наконец увидел противника.

Два «ПКМ» действительно выползали из-под земли. Все происходило именно так, как описал Никитин: широкие гусеницы планетарных машин жадно захватывали сыпучий оранжевый грунт, который составлял основу ландшафтов Марса, подминая под себя тонны щебня. Тяжелые машины медленно выкарабкивались из двух конических воронок, образованных их появлением.

Внимание Антона сосредоточилось на обнаруженных противниках. Он сейчас не задавался вопросом, откуда бы им взяться под землей и как эти машины могли пережить несколько тотальных зачисток?

Перекрестье электронного прицела подсветилось алым, когда ближайшая цель запуталась в тонкой паутине координатной сетки. Столетов не торопился. Он спокойно выждал еще пару секунд и, только выйдя на дистанцию прямой видимости, сжал бугорок сенсорной гашетки орудийно-ракетного комплекса правого борта.

Два инверсионных следа неуправляемых ракет ударили точно в воронку. В серые небеса рвануло жаркое пламя взрыва, вверх выметнуло тонны щебня и пыли, перемешанных с обломками тяжелой планетарной машины.

Штурмовик пролетел над расползающимся пылевым облаком и ушел в вираж, набирая высоту и разворачиваясь для нового захода.

Антон не стал ждать, пока рассеется пыль, поднятая взрывами ракет, а прошелся над землей, прошив оседающее белесое облако двумя длинными очередями из автоматических пушек. Расчет оказался верным — второй «ПКМ» тут же обнаружил себя, огрызнувшись в ответ. Столетову было достаточно увидеть два злых хоботка огня, ударивших из-под белесой завесы, чтобы подправить курс. Две дорожки разрывов прошили место, откуда огрызнулась планетарная машина, и Антон с удовлетворением отметил, что к пыли вдруг начал примешиваться жирный дым — верный признак того, что он попал.

Выводя штурмовик из пике, он увидел россыпь крохотных темных фигурок, которые бежали по направлению к дымящемуся складу, то исчезая под пологом медленно оседающей пыли, то вновь появляясь в поле зрения.

Это были дройды — человекоподобные машины, в недавнем прошлом исполнявшие рутинные функции бытового обслуживания населения.

Десантники ненавидели их. Здесь сказывалось влияние субъективных оценок — на самом деле подавляющее большинство планетарных машин были куда опаснее андроидов, но приближение к человеческому облику сделало гуманоидных роботов объектом подсознательной ненависти людей, день за днем утюживших зону марсианских проблем корпорации «Фон Браун».

Антон не мог разделять этой ненависти, он не сталкивался с дройдами лицом к лицу, и его критерии оценок противника резко отличались от тех, что бытовали в среде десанта.

Для него дройды представляли всего лишь тип цели, в которую трудно

попасть. Маленькие фигурки, бегущие внизу, не стоили ракет, а автоматические пушки при стрельбе по разбегающимся человекоподобным механизмам пожирали уйму снарядов.

Выход напрашивался сам собой.

Он сверился с данными прицельной сетки и сбросил предохранитель гашетки бомбометания.

В днище штурмовика открылся люк, и оттуда вылетела кассета, тут же разделившаяся на пять отдельных черных цилиндров.

Через пару секунд за кормой удаляющегося штурмовика взметнулась стена яростного, режущего глаз ослепительно белого огня — это взорвались контейнеры с горючей смесью. Прекрасное средство борьбы с мелкими целями — температура горения треугама достигала нескольких тысяч градусов, и от андроидов через минуту останутся разве что пузырящиеся лужицы расплавленного металла…

* * *

Отбомбившись, штурмовик Столетова описал широкую дугу, выйдя наконец в точку пеленга.

Матерь божья…

Теперь ему стало понятно, что подразумевал капитан, матерясь в коммуникатор.

По склону холма, на котором еще час назад располагались пункты связи, о чем свидетельствовали мачты антенн и обрывки маскировочной сетки, сейчас двигалось десятка два видоизмененных андроидных механизмов, чьи исходные формы скрывал плотный ртутный блеск: издалека это выглядело так, будто неведомый паук оплел их лохматым коконом, не стесняющим движения рук и ног.

Появление штурмовика, пролетевшего над склоном, не осталось без внимания: пять машин синхронно развернулись, и Антон услышал, как взвизгнул предупреждающий сигнал, означавший, что по нему ведется огонь.

Откуда они брали оружие?

Несколько автоматных очередей задели штурмовик, но это только разозлило Столетова. Он не стал входить в пологий вираж для разворота, а выполнил фигуру пилотажа, перевернув машину кверху брюхом, и тут же резко направил штурмовик к земле, возвращаясь этим маневром в нормальное положение относительно поверхности.

Четыре бортовых орудия захлебнулись злобной скороговоркой, и к склону холма потянулись пульсирующие трассы снарядов, выбивая

полуметровые султаны пыли и щебня.

Кибернетические механизмы не сумели предугадать его резкий маневр, и их плотную группу буквально разметало разрывами, но Антон не удовлетворился этим, послав в последнюю секунду еще и две ракеты из правой пусковой установки.

Штурмовик резко взмыл вверх, едва не чиркнув днищем о гребень возвышенности.

Столетов машинально выполнил противоракетный маневр и только после этого огляделся.

Пыль на Марсе вследствие низкой гравитации оседает медленно, и он не смог разглядеть результаты своего захода. На окутанном клубами белесого облака склоне что-то горело, но определить, скольким машинам он нанес ощутимые повреждения, не представлялось возможным.

Антон взглянул на датчик топлива, потом включил перезарядку обеих ракетных установок. Минут через пять пыль на склоне осядет, а пока следовало поискать новую цель.

Он решил, что уже достаточно набедокурил в этом районе, и повел штурмовик к южной оконечности температурной аномалии.

Сколько же машин еще прячется под поверхностью и что за подземные коммуникации там проложены, с некоторым смятением подумал он, заметив, что пятно термального всплеска не стало меньше после его трех удачных штурмовок.

Завершить наблюдения ему не удалось.

Он вел машину над местом прошлой атаки, где на первом заходе подбил два «ПКМ», когда с небольшой возвышенности по штурмовику ударило крупнокалиберное орудие.

Антон не успел ничего сделать, лишь запоздалая мысль о том, что первая группа андроидов все же добралась до брошенной десантниками огневой точки, метнулась в голове за долю секунды до оглушительного, дробящего металл удара…

Снаряды вгрызлись в брюхо штурмовика, но Столетов не видел кусков дымящейся, падающей вниз брони — земля и небо вдруг резко крутанулись перед глазами, и он ощутил, что больше не управляет штурмовиком…

* * *

Сознание погасло, потом вернулось, но лишь на короткое время, словно в его голове кто-то незримый, забавляясь, включал и выключал воспроизведение реальности.

Щелк…

— Седьмой, вызывает база, ответьте… Седьмой, вызывает база… — Голос далекого координатора звучал глухо, словно слова прорывались сквозь толстый слой ваты. — Вам предписано срочно вернуться на корабль. Повторяю: срочная эвакуация всех сил…

Забрало гермошлема было разбито. Панель напротив лица щерилась выбитыми глазницами нескольких приборов. По щеке и шее текла кровь.

Антон не понимал, почему мир вокруг погружен в эту ватную тишину? Сознание было рыхлым, железистый вкус крови на губах вызывал дурноту. На мгновение его охватил страх, который тут же сменился равнодушием. Казалось, все происходит не с ним. Какая тишина…

С трудом приподняв голову, он увидел, что датчики реактивных турбин горят нейтральным желтым светом. Двигатели не работали.

— Не отвечает… — опять прорвалась в сознание фраза координатора. — Не понимаю, почему он…

— Да что понимать? — раздался второй голос. — Он мертв.

Последние слова дошли до восприятия Антона и вызвали удивление.

Я убит? Но я ведь жив, если слышу все это!

Он хотел закричать, но вязкая тьма уже наваливалась со всех сторон, глотая его сознание, словно огромная мерзкая безгубая пасть…

Щелк…

Он понятия не имел, сколько прошло времени. Видимо, провалы сознания не превышали трех-четырех секунд, поскольку штурмовик все еще держался в воздухе, планируя на своих коротких скошенных крыльях.

Антон нервно огляделся. Осколки разбитого забрала гермошлема были испачканы липкой кровью. Большинство экранов не работало, и он просто взглянул за борт, воспользовавшись круговым обзорным триплексом.

Поверхность Марса уже была совсем близко, она стелилась под брюхо машины, сливаясь в полосы, а впереди, прямо по курсу, угрожающе росли постройки небольшого города.

Нью-Даймонд — резанула сознание мысль, и в этот миг штурмовик чиркнул брюхом по раскисшей от дождя целине.

Два фонтана жидкой оранжевой грязи ударили из-под бортов, машина с тяжким стоном врезалась в почву, пропахала глубокую борозду и застыла, не дойдя метров двадцать до ближайшего окраинного здания…

Антон на секунду закрыл глаза, ощущая, как по всему телу струится ледяной пот.

Все… Отлетался…

Его пальцы уже машинально расстегивали замки страховочных

ремней.

* * *

На улице лил дождь.

Новорожденные облака роняли драгоценную влагу, и она тут же впитывалась в красноватый от обилия окислов железа песок.

Антон пробежал несколько метров по гулкому пустому коридору и выскочил в проем сорванной с направляющих двери.

Судя по всему, совсем недавно тут кипел бой.

Прошло от силы минут пять после того, как штурмовик Столетова вспорол брюхом жидкую грязь. За это время Антон успел сменить разбитый гермошлем и выбраться из машины, решив попытать удачи в городе. Он ни разу не работал над Нью-Даймондом, но слышал, что сюда периодически забрасывались группы десанта, которые охотились за человекоподобными машинами.

Сбоку в пелене дождя что-то промелькнуло.

— Слышит меня кто-нибудь? — хрипло выдохнул он в коммуникатор, припав на одно колено.

Проклятие… Где же связь?

— Омега, где ты? — вытолкнул он сквозь зубы общевойсковой позывной. — Ничего не слышу! Повторяю: здесь Седьмой-небо, я сбит, нахожусь на поверхности, ориентировочно на северной окраине Нью-Даймонда!

Эфир молчал.

Потоки воды продолжали низвергаться с небес.

Монотонный шум упругих струй, хлещущих по плоским крышам приземистых строений, вяз в ушах, убаюкивал разум. Антон вновь приподнял голову, выглянул в проем, но серая пелена сужала видимость, не позволяя толком разглядеть, что же там за этой упругой, хлещущей по земле мутью…

В коммуникаторе разлилась гробовая тишь. Не хотелось верить, что он тут совершенно один, но что-то подсказывало: так оно и есть, тебя бросили…

Почему? Куда вдруг подевались силы, которые изо дня в день прочесывали зону частой гребенкой поисковых групп? Почему молчит орбита, куда исчез координатор с «Ориона»?

Индикатор счетчика зарядов, встроенный в волокончатый приклад автомата, зло помаргивал зеленым огоньком.

Еще минуту, — подумал Антон, опять пытаясь наладить связь. Еще

минуту, потом буду сам выбираться к границам зоны.

Коммуникатор молчал.

Он пробежал по гулкому коридору, выскочил в пустую комнату. Сюда еще не успели завезти мебель, и помещение было пустым. Припав на колено, он выглянул в окно.

Перед ним простиралась центральная площадь городка с установленным посреди фонтаном.

* * *

Граница сектора освоения «Дитрих Фон Браун» и концерна «Новая Азия».

То же время…

Он сделал свою работу быстро и аккуратно.

На границе двух секторов он оставил машину, загнав ее на территорию лесопосадки. Закидывать ветвями или еще как-то маскировать арендованный автомобиль не было смысла — через небольшой промежуток времени тут все превратится в прах, а на таком удалении от эпицентра не уцелеет и металл — машина просто испарится, и вместе с ней исчезнут немногочисленные улики.

Легким спортивным шагом тренированного человека он углубился в молодой лес, обходя стороной контрольно-пропускной пункт, расположенный на границе между сектором освоения «Фон Браун» и территорией концерна «Новая Азия».

Процессор по переработке атмосферы высился над окружающим его равнинным ландшафтом, будто огнедышащая гора, периодически извергающая в небеса столбы призрачного, экологически чистого пламени.

Так создавался искусственный парниковый эффект. Так подпитывался густой облачный слой марсианской атмосферы, а кислород выделялся совершенно незаметно — он нагнетался в широкие трубы и выходил наружу в нескольких километрах от усеченного конуса рукотворного вулкана.

Стройные ряды лесопосадок, причесанные механическим гребнем, выходили прямо на окраину поселка.

Он не стал показываться на улице, а уж тем более — заходить в дома. Он не любил смотреть на тех, кому предстояло умереть. Чувства вины он не испытывал, — наверное, те же ощущения присущи пуле, вылетающей из ствола. Она лишь орудие, а вершит волю, ее направляющую, та рука, что сжимает приклад и давит своим пальцем на курок.

Для него это была просто работа, не лучшая в мире, но и не худшая.

Станцию переработки атмосферы ограждал невысокий сетчатый забор с чисто символическим предупреждением на китайском и интеранглийском:

«Стой. Опасная зона».

Он усмехнулся, легким гимнастическим движением перебрасывая свое тело через полутораметровое ограждение. Стряхнув прилипший к одежде кусочек ржавчины, он сунул руку за пазуху, извлекая на свет тускло блеснувший вороненой сталью автоматический «стайгер» с навернутым на него глушителем, потом неторопливо направился к центральному подъезду здания станции переработки.

У входа был расположен пост охраны. Приземистый бетонный бункер, сощурившись, смотрел на окружающий мир черной прорезью амбразуры. Нужно было обладать изрядной долей хладнокровия, чтобы спокойно идти прямо на него, не напрягаясь при этом, но он действовал именно так — хладнокровно, непринужденно, потому что был уверен в себе, в своей одежде, походке, к тому же он очень хорошо знал человеческую психологию и мог действовать там, где потерпел бы сокрушительное фиаско целый взвод отлично тренированных командос.

Ну кто же станет стрелять в человека, у которого только безукоризненно сидящий на нем костюм стоил без малого пять тысяч евро?

«Стайгер» с навернутым глушителем он держал в рукаве так, чтобы в нужную секунду тот скользнул в ладонь.

Тихо скрипнула массивная металлическая дверь; из приземистого бункера навстречу ему вышел офицер охраны и что-то залопотал по-китайски, эмоционально размахивая руками, но он продолжал идти прямо на него с вежливой, непонимающей улыбкой на губах, выигрывая метр за метром, пока не оказался в двух шагах от входа.

Звук выстрела вышел тихим как вздох.

Офицер начал медленно сползать по бетонной стене, оставляя на ней влажный красный след. В его глазах застыло безмерное удивление, в центре лба красовалась маленькая дырочка, а вот что представлял из себя его затылок, не хотелось даже и думать.

Он вошел внутрь бетонной коробки.

Надо же, сколько у них охраны… Все такие нервные, суетливые…

Разговаривать надо шепотом. А стрелять — без предупреждения, не тратя драгоценных секунд на глупые выкрики.

Говорят, что некоторые государства, такие, например, как Китай, тратят баснословные суммы своих бюджетов на создание так называемого

кибернетического бойца. А другие страны, по тем или иным причинам недолюбливающие азиатов, вопят на весь мир о том, что на заводах компании «Селл» пытаются создать не знающего жалости убийцу.

Нет, господа. Самый безжалостный и хладнокровный убийца — это человек, и ничем никогда вы не замените его — спокойно раздающего свинцовые плевки, уверенного в себе профессионала, работающего за деньги.

Пустая обойма вылетела из рукоятки «стайгера» и звонко клацнула о бетонный пол бункера.

Он перезарядил пистолет и пошел ко входу во внутренние помещения процессорной станции, стараясь не наступать на горячие цилиндрики стреляных гильз и растекшиеся по полу лужи крови.

…Спустившись на три этажа вниз, он достал крохотный электронный блокнот и сверился с картой коммуникаций. Идти дальше, тревожа по дороге ничего не подозревающий персонал, не было смысла. Реактор находился прямо за стеной, и не беда, что она такая толстая, направленный взрыв сделает свое дело: он выбьет из активной зоны реактора защитные графитовые стержни, и уже ни одно чудо не сможет остановить мгновенно вспыхнувшей цепной реакции деления урановых ядер.

Установив заряд и запрограммировав таймер, он вышел тем же путем, что и вошел.

Пять минут понадобилось ему, чтобы, вдыхая прохладный лесной воздух, добраться до оставленной машины. Взглянув на часы, он достал трубку мобильного коммуникатора.

Все шло точно по графику. Вертолет, который должен его подобрать, наверняка уже близко, ведь у пилота осталось всего шесть минут, чтобы прихватить пассажира и, двигаясь вдоль земли, уйти за заранее условленную складку местности.

Он набрал номер.

— Все сделано.

В ответ не раздалось ни звука, хотя вызов явно приняли.

Только в этот момент он прислушался и понял, что подспудно беспокоило его последние тридцать секунд.

Не было слышно звука вращающихся вертолетных лопастей.

На том конце связи кто-то отключил коммуникатор.

Вот, значит, как?..

Он мгновенно оценил пройденное расстояние, расположение заряда, количество этажей и понял, что не успеет.

Оказывается, кто-то просчитал ситуацию лучше, чем он сам.

Дверь машины хлопнула чуть сильнее, чем обычно.

Задом вырулив на дорогу, он развернулся и погнал машину прочь, в глубь сектора «Фон Браун», к расположенному неподалеку городку Нью-Даймонд.

Он знал, как зовут переигравшего его хитреца.

До взрыва оставалось четыре с половиной минуты.

* * *

Они неумолимо сходились в одной точке.

Арендованная Мари машина ползла по влажной дороге, издавая резкий болезненный скрежет. За рулем сидел Дибров.

— Куда теперь? — спросил он, когда впереди появилась наконец новенькая, недавно установленная вывеска «Нью-Даймонд».

— Прямо, к центру города. Там площадь и фонтан, — ответила Мари, напряженно глядя сквозь проем выбитого лобового стекла на приближающиеся кварталы домов.

Дибров молча кивнул. Все его внимание было поглощено управлением: машина с поврежденной подвеской не желала держать дорогу, постоянно норовя уйти к обочине.

Они почти не разговаривали за те полчаса, что провели вместе. Мари отказывалась отвечать на вопросы. Она молчала, косясь на Диброва, а на все попытки заговорить отвечала односложно: мне нужно в Нью-Даймонд…

Дибров, которого поначалу не на шутку разозлило это упрямство, усугублявшееся еще и полным непониманием происходящих на Марсе событий, в конечном итоге смирился, решив, что выполнит ее просьбу и тогда Мари уже не сможет молчать, поджимая побелевшие губы.

Метров через сто, уже за границей городской черты, они увидели, что между крайними домами открылось незастроенное пространство. Длинный и узкий участок раскисшей под бесконечным дождем почвы походил на зачатки бульвара. Кое-где можно было заметить следы остановленных работ, из грязи торчали полосатые столбики разметки, оплывшими горками высились кучи щебня, вереница чахлых или вовсе почерневших и погибших без должного присмотра саженцев тянулась вдаль, производя унылое, тягостное впечатление, но все это являлось лишь незначительными деталями…

— Что это? — спросила Мари, указав на борозду развороченной земли и застывший в ее конце горбоносый контур.

— Орбитальный штурмовик, — ответил Дибров, безошибочно

узнавший класс машины. Все приметы свидетельствовали о том, что вынужденная посадка произошла совсем недавно — развороченная почва еще курилась легким паром, над обшивкой штурмовика зыбким маревом струился горячий воздух, но бортовой люк был открыт, а триплекс кабины, наоборот, оставался на месте плотно затворенным.

— Пилот не катапультировался, — пояснил Дибров свои наблюдения. — Он выбрался через люк и должен находиться где-то поблизости.

Мари не ответила на это замечание. В данный момент ей не было никакого дела до пилотов корпорации.

Городок был небольшим, и впереди уже показалось пространство его центральной площади, но заветный фонтан со скульптурной группой все еще был закрыт выступом витрины знакомого супермаркета — одного из немногих зданий, которое Мари помнила еще со времени своего последнего посещения Марса.

Магазин уже тогда работал, обслуживая персонал стройки.

Это было место, где спустя минуту должно было так или иначе разрешиться бремя ее надежд…

— Туда! — Она дернула Диброва за рукав. — Умоляю, поехали!

Он кивнул, с трудом поборов желание выйти из машины и заглянуть в кабину штурмовика.

* * *

Площадь открылась внезапно.

Покалеченная машина взвизгнула тормозами и остановилась, тяжело осев на пробитую подвеску.

Влажная брусчатка мощеной площади таинственно поблескивала. Окрестные здания обступали открытое пространство, глядя на площадь глазницами выбитых окон.

Посреди площади возвышался неработающий фонтан, обрамленный гранитным поребриком, на краю которого спиной к подъехавшей машине сидел человек. Он был одет в ярко-рыжую строительную куртку и темные брюки из комплекта спецодежды. Его поза казалась напряженной и неестественной.

Сбоку громко хлопнула помятая дверца машины — это Мари, не выдержав, выскочила под дождь.

— Отец! — закричала она, бросаясь к фонтану.

Человек, сидящий на краю поребрика, начал медленно оборачиваться на вскрик. Дибров, прихватив автомат, выбрался из машины, в немом

напряжении глядя на эту сцену.

Человек у фонтана отчего-то казался ему смутно знакомым, хотя он смотрел ему в спину и не мог разглядеть черт лица, но…

Сознание Кайла внезапно вырвалось из своего узилища, и вслед за вскриком Мари губы Диброва невольно выдохнули, отвечая на смутную узнаваемость фигуры:

— Гоум?!..

Сидевший обернулся, и это оказалось неожиданнее любых интуитивных предположений. Горький, задавленный вскрик Мари тоскливым эхом отразился от покинутых зданий…

У фонтана, одетый в рыжую робу строительного рабочего, стоял робот-андроид.

Ноги Мари подкосились.

Ее измученный разум не мог вынести жестокости этого разочарования. Миллиарды километров пустоты кружили сейчас в ее расширяющихся зрачках. Она верила, надеялась до последней секунды. Она летела сюда через жуткую бездну, разделяющую планеты…

— Отец… — холодеющими губами прошептала она, без сил опускаясь на мокрую брусчатку площади.

Дождь внезапно усилился, он хлестал по коротким волосам Мари, стекал по ее щекам, смешиваясь со слезами отчаяния, но она уже не воспринимала этой реальности — последняя ее безумная надежда рухнула, и жизнь оканчивалась здесь и сейчас, на этой мертвой площади, под проливным дождем…

Андрей успел подскочить в тот миг, когда взгляд Мари начал тускнеть.

— Мари! — Он встряхнул ее за плечи. — Мари, очнись!

Она не реагировала на слова. Ее глаза были открыты, зрачки расширены, но в них не было осмысленности — из взгляда исчез разум.

Поддерживая ее обмякшее тело, Дибров обернулся.

Андроид стоял в двух шагах за его спиной.

Все в нем было нелепо, неестественно, особенно эта набрякшая водой и испачканная в грязи строительная роба, размер которой не соответствовал человекоподобной фигуре, отчего одежда висела мокрым мешком на покатых плечах.

Словно манекен, на которого напялили ворох обносков, — неприязненно подумал Андрей. Он был далек от того, чтобы бояться человекообразной машины, — опираясь на одно колено, Дибров вскинул снятый с предохранителя укороченный штурмовой автомат. Сделай дройд еще шаг — и тугая очередь титановых шариков вспорет его наискось от

бедра до плеча.

— Стой, где стоишь, — предупредил Андрей.

Андроид сверлил его немигающим взглядом.

— Вам не стоит нервничать, — внезапно произнес он, и при этом губы дройда правдоподобно шевельнулись. — Ее нужно отнести в дом. Я приготовил там сухую постель и горячий чай.

Сухую постель и горячий чай?!

Диброву пришлось собрать все свои моральные силы, чтобы не расхохотаться в этот миг.

Глядя на него мертвым, немигающим взглядом, дройд внезапно добавил:

— Я ждал прибытия Мари и догадывался, что ей станет плохо…

— Откуда ты знал, что она едет сюда?! Говори! — Диброву было уже не до шуток. Бред продолжался, хуже того — он усиливался.

— Я ее отец, — коротко, без интонаций ответил андроид и, развернувшись, пошел к распахнутым настежь дверям супермаркета, за витриной которого горел свет. — Несите ее сюда, — не оборачиваясь, произнес он.

Андрей ощутил себя в этот миг полным идиотом.

Убей бог — он не понимал, что происходит вокруг. С тою момента, как его разум был растревожен первым ирреальным сном, мир вокруг медленно, но верно изменялся в худшую сторону — все привычные устои летели в неведомую пропасть, рушились незыблемые понятия, словно неизбежно близился конец всего сущего. Вот теперь этот чертов робот приказывает ему…

Он посмотрел на мокрое лицо Мари.

Да, ее надо отнести в дом. Но будь он проклят, если станет дальше действовать по чьей-либо указке!

За стеклянными дверями было тепло и сухо. Андроид действительно готовился к встрече — в углу торгового зала он отгородил небольшое пространство, сдвинув стеллажи с товарами. Там стоял опутанный небрежно проложенными кабелями компьютерный терминал, рядом возвышались какие-то коробки, на пустом, перевернутом кверху дном контейнере курилась паром пластиковая чашка, подле стояло разложенное в длину кресло из набора мягкой мебели.

Андрей бережно положил Мари и выпрямился. Она дышала ровно, но сознание не желало возвращаться в измученный разум. Дибров не мог оценить масштабы ее личного горя, ему были неведомы муки Мари Лаймер, оставалось лишь надеяться, что она вскоре очнется…

Его взгляд скользнул по опутанному проводами комплексу аппаратуры и вдруг наткнулся на ее фотографию, которая была аккуратно прислонена к наклонной панели терминала.

Он медленно повернулся.

Звук механических приводов прозвучал в тишине пустого магазина резко и неприятно. Андроид, появившись из-за стеллажей, подошел к креслу и остановился, глядя на девушку. Он не обращал внимания на Диброва, будто того не было тут вовсе, еще меньше дройда интересовал автомат, который сжимали побелевшие пальцы Андрея, а эта чертова куртка, напяленная на механическое тело, придавала ему облик убитого горем, понурившего плечи старика…

Дибров вдруг почувствовал, что не способен разрушить внезапно наступившую тягостную тишину.

Виной всему была память Кайла, уже прочно и бесповоротно обосновавшаяся в его голове.

Он не знал, как ему воспринимать этого человекоподобного робота! Сгорбленная фигура в нелепой куртке болезненно напоминала ему старика Гоума, а резкие, кричащие воспоминания, вырванные из той реальности, не советовали судить о логической правомочности тех или иных явлений, не разобравшись в них…

Бросив хмурый взгляд через витрину, он вспомнил об оставленном в машине ноутбуке.

Надо бы забрать, подумал Андрей, покосившись на сгорбленную фигуру.

Ему казалось, что спешить больше некуда, а фигуру в оранжевой робе он все же воспринимал разумом капитана Диброва — как дурно запрограммированную человекообразную куклу.

Он ошибался, но событиям ближайших часов только предстояло свершиться, переубеждая его в оценках реальности…

* * *

Дождь на улице прекратился, будто его отсекли ножом. Над мокрой площадью курился пар, воздух был очень теплым — сказывалось близкое расположение усеченного конуса станции переработки атмосферы.

Дибров взял из машины ноутбук и повернулся, чтобы идти назад, но его остановил раздавшийся за спиной окрик:

— Эй, подождите! — Голос прозвучал резко, с дребезжанием высоких частот, словно был пропущен через усиливающее устройство какой-то аудиосистемы.

Еще один робот?! — обожгло разум неприятное предчувствие.

Он резко обернулся и увидел, что через площадь к нему бежит человек в боевом скафандре пилота.

Забрало его гермошлема было закрыто, не позволяя разглядеть черты лица, в руках он сжимал табельное оружие из бортового комплекта, и Андрей понял — перед ним пилот того самого штурмовика, который они видели на окраине Нью-Даймонда.

Он остановился в нескольких шагах от Диброва и, желая показать, что не настроен враждебно, машинальным, доведенным до автоматизма движением откинул вверх поляризованное забрало шлема, открывая взгляду осунувшееся лицо.

— Антон Столетов, — скупо отрекомендовался он. — Сбит час назад при штурмовке… Ты из какого подразделения, капитан? У тебя есть связь с орбитой?

Его слова прозвучали ошеломляюще.

Связь с орбитой? Сбит час назад при штурмовке? Да что же тут происходит, в конце концов?!

Дибров сразу же понял, что пилота ввел в заблуждение его легкий скафандр, на рукаве которого были знаки отличия капитана, и автомат, который Андрей держал в руках.

— Дибров, — уклончиво ответил он, сознательно не афишируя своей принадлежности к «Янусу».

Он увидел шанс прояснить ситуацию, воспользовавшись подавленным состоянием и явной растерянностью этого человека, но реализовать свое намерение не успел — в этот миг на площадь, ревя перегруженным двигателем, внезапно вылетела шикарная спортивная машина.

Ее юзом занесло по влажной брусчатке, нервно и протяжно взвизгнули тормоза, вслед за этим чавкнула дверца, и они увидели высокого сухопарого незнакомца, который бегом кинулся к ним.

— Быстрее! — заорал тот. — Есть тут какой-нибудь подвал?!

Его вид не оставлял сомнений — осталось очень мало времени до какого-то крайне неприятного события.

* * *

Дибров в свое время побывал в достаточном количестве экстремальных ситуаций, чтобы научиться отличать панику от реальных признаков угрозы. Пустой город, покинутые коробки зданий с выбитыми окнами только усилили мгновенное безошибочное ощущение, что этот

человек орет не просто так.

— Держи, — он сунул в руки Столетова ноутбук и кинулся к дверям супермаркета.

Незнакомец вслед за ним вбежал в универсальный магазин.

— Минута двадцать секунд! — тяжело дыша, выпалил он, озираясь по сторонам. — Есть тут ход в какую-нибудь нору?!

На этот вопрос внезапно отреагировал андроид. Пока Дибров пытался что-то сообразить, он выступил из-за стеллажей с бесчувственным телом Мари на руках.

— Туда, — кивок головы указал на дверь в дальнем конце торгового зала. — Здесь под зданием бетонная коробка склада.

Незнакомец кинулся в указанном направлении. Он резко распахнул скрипнувшую на петлях металлическую дверь, за которой разлилась прохладная темнота подвального помещения.

— Да что случилось?! — не выдержал Дибров, пропуская вперед фигуру в оранжевой робе. Подчиняясь общему порыву, он, оказывается, уже стоял на верхней ступеньке гулкой, уводящей вниз винтовой лестницы.

— Реактор атмосферного процессора!.. — немного успокоившись при виде толстых железобетонных стен, ответил из темноты голос незнакомца. — Думаю, осталось секунд тридцать, закрывайте дверь там наверху! — Он вдруг нервно и зло захохотал.

Столетов уже затворил за собой металлическую дверь.

— Посветите кто-нибудь!

В темноте подвала, заставленного коробками и ящиками, вспыхнул свет переносного фонаря.

Мари тихо застонала, когда андроид осторожно опустил ее на плотно сдвинутые ящики.

В этот миг земля вздрогнула, будто по ней ударил кулаком неведомый исполин.

Адский грохот, пронесшийся наверху, показался здесь угрюмым ватным рокотом, но это была лишь прелюдия к настоящему взрыву…

Часть 4 ТРЕТЬЯ СИЛА

Глава 10

Марс.

Подвал одного из домов Нью-Даймонда.

Через две минуты после взрыва первой процессорной станции

— Кто-нибудь объяснит, что происходит? — зло и растерянно осведомился Столетов, когда стих первый раскат отдаленного гула.

В сумраке подвала блеснули выкатившиеся белки глаз незнакомца.

— Это был ядерный реактор китайского процессора, — скупо пояснил он, и вдруг, заглушая его слова, снова накатился вой — дикий, выматывающий душу, остервенелый.

Первый удар, который прозвучал как отдаленный рокот, был лишь прелюдией ко второй катастрофе: стены подвала вдруг заходили ходуном, с треском повалились штабелированные подле них ящики, от потолка потянулась белесая пыль, а по полу забарабанили куски мелкого бетонного гравия…

Страшно было подумать, что в этот миг творилось наверху…

Взрыв, сверкнувший над расположенным неподалеку от Нью-Даймонда усеченным конусом станции переработки атмосферы, расколол его на несколько неравных кусков, и земля в радиусе нескольких километров вокруг внезапно начала лопаться, с оглушительным треском покрываясь ветвистыми трещинами, из которых мгновенно вырывалось пламя и сочился синим удушливый дым.

На несколько секунд наступила тяжкая, мертвая тишина, а затем в руинах процессорной станции зародился свет…

Ослепительная вспышка, казалось, подожгла сам воздух: призрачное сияние озарило весь небосвод от горизонта до горизонта, заставив вскипеть клубящиеся свинцово-серые тучи и… разрывая их полог, сметая на своем пути все, что возвышалось над многострадальными терраформированными равнинами, спустя мгновение прошла ударная волна, а за сокрушительным сдвигом воздушных масс, отставая на две или три секунды, уже катился чудовищный вал вставшей на дыбы почвы — страшная, стирающая рукотворный ландшафт судорога, смешавшая в безликую липкую массу все в радиусе двухсот километров от эпицентра взрыва…

Зоны более не существовало. План Майлера фон Брауна сработал без единого срыва. Взрыв второй процессорной станции сделал этот участок

Марса таким, как было угодно главе крупнейшей корпорации Евросоюза: вспышка жесткого излучения сожгла все чуждые формы жизни, а ударная волна и грязевой вал довершили дело, уничтожив последние нежелательные свидетельства проводившихся тут на протяжении месяца спецопераций…

Катастрофа на Марсе…

Специалисты концерна «Новая Азия» отказываются комментировать причины взрыва на принадлежащей им станции переработки атмосферы…

Колониальные службы «Фон Брауна» ведут отчаянную борьбу за безопасность освоенных территорий. Пресс-секретарь корпорации Ганс Бюрге уже заявил, что ни один клиент его фирмы не пострадал.

Будут ли выяснены причины чудовищного взрыва?

Под такими заголовками спустя несколько часов выйдут экстренные выпуски всех мировых информационных агентств.

* * *

Дибров, инстинктивно прикрывший в момент удара пришедшую в себя Мари, резко выпрямился, кашляя от едкой бетонной пыли.

— Все целы? — хрипло спросил он. В тусклом свете переносного фонаря было трудно разглядеть помещение — его заволакивал белесый туман, но лица людей фонарь освещал вполне прилично.

Наверху по-прежнему что-то грохотало, тяжко оседая вниз, отчего потолок продолжал гулко вибрировать; из образовавшихся в бетонном перекрытии трещин падали мелкие камушки, сквозь монотонный шелест их падения отчетливо был слышен звук журчащей воды.

— Где мы? — раздался испуганный голос Мари. Она вцепилась в руку Диброва, пытаясь понять, что происходит вокруг. Ее взгляд безумно метался между бледными пятнами лиц, и вдруг она вскрикнула, больно сжав пальцы на запястье Андрея.

— Нет… — сдавленно проронила она, в ужасе попытавшись отползти назад, но уперлась спиной в порушенный штабель контейнеров.

Дибров понял, кто вызвал у Мари такую реакцию, и он знал, почему она закричала…

Он с трудом остановил себя, когда пальцы свободной руки цепко и привычно охватили прохладную, чуть скошенную рукоять штурмового автомата. Он наклонился к Мари и тихо произнес:

— Не бойся.

Наверху продолжал усиливаться рокот обвалов. Дышать стало трудно, температура поднималась с каждой секундой…

С потолка вновь посыпались обломки, Столетов выругался, уклоняясь от них, и Андрей успел заметить, что Антон не выронил врученный ему ноутбук. Хоть это радовало.

— Отойди оттуда, капитан! — резко посоветовал он, переводя взгляд на засыпанные ступени винтового лестничного марша. Лицо Диброва было в этот момент серым, но не от бетонной пыли, осевшей на нем, и не от скверного освещения, а от шока, который он испытал вместе с Мари, внимательно присмотревшись к человеку, который, по сути, спас их, заставив в последние секунды перед взрывом спуститься в подвал супермаркета.

Он узнал его…

Незнакомец, так сильно испугавший Мари, сейчас сидел на ступеньке засыпанной обломками лестницы, не обращая внимания на падающие сверху куски мелкого бетонного крошева. Его дорогой костюм был помят и испачкан, черты лица заметно заострились — он находился явно не в лучшей форме и не пытался скрыть это.

Сейчас он, не моргая, смотрел на Диброва, и остатки хладнокровия в этот миг, похоже, окончательно изменили ему…

— Кайл?! — сипло выдохнул он.

За спиной Андрея вскрикнула Мари, в тон ей резко всхлипнул сервопривод андроида, когда тот повернул голову и тоже уставился на Диброва. Капитан мог поклясться в этот момент, что механическое тело машины от звука произнесенного имени конвульсивно вздрогнуло под намокшей одеждой.

Только Антон Столетов хоть и был ошарашен событиями, но ровным счетом ничего не понимал них.

Андроид несколько секунд смотрел на Диброва.

— Не может быть! — тихо проговорил он, чуть повернув голову, и переместил взгляд на незнакомца, сидящего на лестнице, потом на Мари, сжавшуюся в комок. — Не может быть! — повторил дройд, когда взгляд видеокамер, спрятанных под имитацией глаз, остановился на Столетове, который убрался подальше от лестницы и теперь сидел на ящике, отирая кровь с рассеченного лба, — его все же оглушило крупным обломком бетона, сорвавшимся с потолка в момент взрыва.

— Даккар?! — Синтезированный голос человекоподобной машины прозвучал так, словно дройда в этот миг душили.

Дибров, которого била крупная неподконтрольная разуму дрожь, без сил опустился на перевернутый ящик.

— Значит, я не ошибся… — тихо произнес он, посмотрев на

мешковатую из-за нелепой одежды фигуру дройда. — Ты издали показался мне похожим на Гоума…

Андроид застыл словно статуя.

— Меня зовут Френк, — произнес он. — Френк Лаймер. Я не ждал никого, кроме своей дочери Мари.

— У металлических истуканов не бывает детей, — веско произнес голос, раздавшийся из сгущающегося на глазах белесого сумрака, уже скрывшего верхние ступени полузасыпанного лестничного марша. — Если ты вообразил себя человеком, то состоятельность подобного утверждения еще следует доказать. А впрочем, — раздался тихий щелчок, и ступени винтового пролета осветил трепетный огонек зажигалки, — нам все равно уже некуда деваться. — Говоривший прикурил. — Сдается мне, что выход отсюда засыпан…

После его слов внезапно наступила тяжкая тишина.

Они смотрели друг на друга с ошеломленным узнаванием во взглядах и пытались в эти секунды хоть как-то примирить разум с внезапной жуткой выходкой судьбы, собравшей в полузасыпанном помещении тех, кто никогда не должен был встретиться…

* * *

Весь чудовищный парадокс ситуации был заключен в том, что они знали друг друга!

По крайней мере, четверо из оказавшихся в подвале понимали это с абсолютной, убийственной ясностью, и их в эти роковые мгновения не заботила даже катастрофа, которая потрясла расположенный над ними мир.

Потрясенно глядя друг на друга, они тонули в собственной памяти и не могли найти ни объяснения, ни оправдания происходящему…

Первым наступившее вдруг тягостное молчание нарушил Столетов.

Он не разделял немого потрясения остальных участников этой сцены и истолковал всеобщее замешательство по-своему. Встав с ящика и поднявшись на несколько ступеней вверх, он потрогал бетонную плиту перекрытия, сместившуюся с опор, и хрипло произнес, отряхивая с ладони белесую пыль:

— Засыпало… Знать бы ту сволочь, которая устроила наверху этот содом. Что же теперь? Будем подыхать тут?!

Андроид, застывший у стены, резко повернул голову.

— По-моему, нетрудно догадаться, кто мог это сделать, верно, Онжилай? Или ты предпочитаешь, чтобы я называл тебя как-то иначе?

— Нет, — немного подумав, буркнул наемник. — Меня устраивает это

имя.

— Что-то у меня не все вытанцовывается в голове, господа, — негромко, но с явной угрозой в голосе произнес Столетов, хмуро посмотрев сначала на Онжилая, потом на андроида. — Я офицер корпорации и…

— А у тебя и в прошлом не все вытанцовывалось в башке, — мрачно оборвал его Онжилай, присаживаясь на нижнюю ступеньку лестницы. — Не напрягайся. Взорвался китайский атмосферный процессор, а все остальное, — он махнул рукой, — это уже последствия.

— Ты что, рехнулся? — Столетов исподлобья взглянул на него. — Во-первых, я тебя не знаю! Во-вторых, я пилот…

Онжилай криво усмехнулся.

— В-третьих, можешь не продолжать, — вновь грубо перебил он Столетова, нимало не смущаясь видом оружия, которое Антон сжимал в побелевших пальцах. — Думаю, что тебя бросили, капитан, зная, что через некоторое время ты превратишься в пепел, даже если и выжил. Забудь про свою корпорацию.

На лице Антона отразилась мгновенная гамма чувств. Наемник попал в точку, и отрицать это было бессмысленно.

Неизвестно, какой оборот мог принять этот обмен мнениями, если бы в него неожиданно не вмешался андроид.

Оставалось непонятным, откуда в его голосе взялись нотки эмоций, но скрытая аудиосистема синтезатора речи андроида в этот миг работала с явными перебоями, то начиная дребезжать, то вновь выравнивая тембр воспроизведения.

— Даккар, Онжи, опомнитесь! — Он вступил в круг света от тусклого фонаря.

Это был опрометчивый поступок с его стороны. Столетов уже не владел собой, а вид дройда только подстегнул его эмоции.

Он знал, что все машины в зоне потенциально опасны.

Стрелять в узком, замкнутом пространстве бетонированного подвала было неразумно, и Антон просто врезал ему прикладом.

Дибров встал, отпустив руку Мари.

Ситуация вновь в который уже раз резко начинала выходить за грань реального. Андрей хотел ее осмыслить, но не мог. Потрясенный до глубины души, он на какое-то время утратил способность логически мыслить — стоило вспомнить головокружительные коллизии последних минут, сопровождаемые отзвуками пронесшейся наверху глобальной катастрофы, как мир начинал распадаться на осколки, из которых уже невозможно собрать единое целое.

— Остановись.

Столетов рывком высвободил плечо.

— Не трогай меня. Какого черта ты вступаешься за кусок слетевшего с катушек железа?!

— Погоди. — Диброва понемногу тоже начинали захлестывать эмоции, но в последний миг он нашел в себе силы удержаться. — Погоди, Антон. Скажи, ты действительно ничего не помнишь из своей прошлой жизни? Тебя звали Даккар…

— Стоп! — перебил его Столетов гневным, протестующим жестом. — Не надо морочить мне голову, я не кришнаит! Мне кажется, что в нашем положении эти дурацкие шутки неуместны!

— А никто и не шутит. — Андрей ощущал, как растет внутри напряжение. — Тебе, Онжилай, — он обернулся, — тебе тоже снились сны в гибернационной ячейке «Януса»? — неожиданно спросил Дибров.

— Ну да… — изменяя своему обычному спокойствию, хмыкнул наемник, начинающий медленно прозревать.

Андрей посмотрел на Мари, которая оставалась бледна как мел, и произнес:

— Тогда нет смысла отрицать очевидное. — Он обессиленно опустился на сложенные в углу автомобильные покрышки. — Выходит, мы помним друг друга все, кроме тебя, Антон?!

— Могу сказать только одно: я ни черта не понимаю, кроме того, что оказался засыпан в подвале вместе с сумасшедшими! — огрызнулся Столетов. — Я не знаю никого из вас!

— Каждый из нас обладает частичкой знаний, — вплелся в его растерзанные мысли ровный голос человекоподобной машины. Андроид не очень пострадал от удара прикладом, он уже встал с пола и теперь вернулся в круг света от фонаря. — Думаю, есть смысл внести в ситуацию как можно больше ясности, — бесстрастно произнес он, — иначе мы рискуем вцепиться друг другу в глотки из-за недоумения и растерянности. Я не ожидал, что, кроме Мари, сюда прибудет кто-то еще… — Он посмотрел на Столетова. — Я могу высказаться без риска быть застреленным?

— Я не понимаю, о чем тут говорить? Нужно выбираться отсюда! — Антон посмотрел на Диброва, который казался ему наиболее разумным из всех случайно очутившихся в подвале, но не нашел в ответном взгляде никакого понимания.

Эти люди и дройд, который, как ошибочно счел Столетов, принадлежал этой молчаливой рыжеволосой девушке, казались ему просто спятившими! Наверху, по словам наглеца, прикатившего в запретную зону

на шикарной спортивной машине, взорвался ядерный реактор, — возможно, то была диверсия, а они сидят тут, уставившись друг на друга, и толкуют о каких-то мифических общих знаниях!

Бред.

Дибров кивнул в сторону фигуры в мешковатой робе и вдруг произнес:

— Он прав. Если мы признаем, что помним друг друга, то нужно решить, что делать дальше — пытаться каким-то способом выбраться отсюда на поверхность или попробовать сначала найти ответ на вопрос: кто мы?

Столетов безнадежно махнул рукой. Реакцию пилота можно было легко понять — его не посещали никакие сновидения, и до последней минуты Антон в своем сознании оставался офицером корпоративных сил «Фон Брауна». Он был связан определенными обязательствами и не мог позволить себе откровенно рассказать всем присутствующим о тех вещах, которые наблюдал тут в течение последнего месяца.

Его тяжелые мысли нарушил голос Онжилая:

— Я за то, чтобы разобраться между собой. Наверху пока делать нечего, там сейчас радиация — несколько тысяч рентген в секунду. Начинай ты, — он ткнул пальцем в сторону андроида.

— Меня зовут Френк Лаймер, я бывший главный инженер корпорации «Дитрих фон Браун»…

— С ума сойти! — Столетов сплюнул в пыль у своих ног. Ситуация казалась ему тоскливой и безнадежной. Свихнувшаяся машина и три человека, внемлющих дройду. Веселая компания… Он дернулся было, но Дибров остановил его.

Образ Гоума никак не шел из головы Андрея.

— Пусть говорит. — Он покосился на Мари, непроизвольно сжавшуюся в комок. — Спустить курок всегда успеешь, — добавил Андрей, обращаясь к Антону.

Тот нехотя осел, по-прежнему ничего не понимая.

— Все началось с сообщения, поступившего на Землю без малого четыре месяца назад. — Андроид, не дожидаясь окончательного решения своей участи, заговорил тихим, ровным голосом, который был модулирован встроенным синтезатором речи. — В тот период я занимал пост главного инженера корпорации «Дитрих фон Браун». В один из дней, просматривая техническую сводку, полученную накануне с Марса, я обратил внимание на доклад о случаях разрушения кожухов механической защиты генераторов на одном из перерабатывающих комплексов. Меня это встревожило, потому

что коррозия металла в данном случае исключалась — кожухи изготовлены из сплава, не подверженного процессам окисления.

Столетову было трудно вынести все это. Теперь он жалел, что не выстрелил в дройда еще наверху. Впрочем, в ту минуту, выскочив на площадь, он не подозревал, что оранжевая роба строительного рабочего, исчезающего в дверях супермаркета, скрывает под собой механическое тело человекоподобной машины…

— Затребовав более развернутый доклад по заинтересовавшему меня вопросу, я смог убедиться, что кожухи действительно разрушаются, — тем временем продолжил назвавшийся Френком Лаймером дройд, — но по иной причине: их в буквальном смысле разъедали микроскопические металлизированные образования, собирающиеся в тонкую ртутно поблескивающую пленку. Рабочие и рядовые инженеры комплекса проявили в этом случае удивительную халатность — они до поры просто соскабливали налет, не понимая действительной важности проблемы. Проведенный по моему распоряжению экспресс-анализ тут же показал, что пленка представляет собой плотно слипшиеся частицы, каждая из которых обладала своей собственной микроструктурой. Не требовалось быть семи пядей во лбу, чтобы, глядя на них, понять: перед нами неизвестный вид микроорганизма…

Онжилай хмыкнул, прикуривая сигарету. Секунду поколебавшись, он протянул початую пачку сначала Диброву, потом Столетову. Андрей отрицательно качнул головой, а Антон, которого слова андроида только сбивали с толку, заставляя нервничать, взял сигарету и склонился к протянутому трепещущему огоньку.

— Придя к такому выводу, я поднял весь материал по освоению марсианских поверхностей, параллельно осуществив поиск аналогичных структур в базах данных земных институтов, — продолжал излагать андроид, не обращая внимания на сдержанное недоверие большинства слушателей. — Поначалу я предполагал, что металлизация — это всего лишь мутация какого-либо уже известного науке микроорганизма, приспособившегося питаться таким образом, но ничего подобного — аналогов не обнаружилось, а кропотливое изучение истории освоения Марса убедило меня в том, что красная планета была мертва и оставалась таковой, пока мы сами не завезли на ее поверхность определенные культуры бактерий для нужд зарождающегося сельского хозяйства, переработки атмосферы и новообразования почв. Тогда я пошел к Майлеру фон Брауну, доложил ему общую суть проблемы и затребовал командировку на Марс. Я сам хотел разобраться в ситуации на месте.

— И как? Разобрался? — скептически усмехнулся Онжилай, убирая зажигалку в карман.

— Только приступил к исследованиям, — ровно ответил ему дройд. — На третий день после моего прибытия на промышленном комплексе прогремел внезапный взрыв — была пробита защита одного из силовых генераторов. Я в тот момент находился вне комплекса, но был контужен и получил сильный ожог в результате выброса агрессивных химических соединений, которые являются промежуточными компонентами процесса переработки рудоносных пород.

— Отцу отрезали голову, — внезапно произнесла Мари, поднимая глаза. — Я видела шов на горле трупа в морге! — Она едва сдержалась, чтобы не разрыдаться, но андроид отреагировал на ее слова все тем же ровным голосом.

— Это случилось позже, — произнес он. — Я к тому моменту уже почти не воспринимал реальность. Кроме контузии и отравления, я умудрился попасть в лесной пожар. Ориентироваться было трудно, мое зрение резко упало после поражения слизистой оболочки глаз. Я едва мог передвигаться и полз в сторону освоенных секторов. Теперь я понимаю, что напрасно покинул место катастрофы, — пару раз над моей головой пролетал вертолет спасательной службы, сотрудники которой разгребали завалы и эвакуировали тела погибших при взрыве.

— В прессе ничего не упоминалось о каких-то бактериях, — произнес Дибров. — Чистый промышленный взрыв. Тела погибших даже протащили через земной карантин.

— Я знаю, — ответил ему андроид. — У меня была возможность следить за новостями, ведь в готовом к заселению городе, как вы понимаете, полно разной аппаратуры.

— Ладно, что случилось потом? — вернул его к теме Онжилай, который, слушая дройда, постоянно косился то на Диброва, то на Мари…

— Я почти не помню события последних дней, — сознался Френк. — Тогда я еще ничего не понимал, целью моего помутившегося сознания было исключительно выживание, и когда в один из моментов просветления я увидел карантинный купол спасательной службы, то едва не лишился рассудка от радости. Я пополз к нему, но, как выяснилось, — зря. Люди в куполе были инфицированы. Все, кто работал на расчистке завалов, заболели странной болезнью — серебристая проказа поползла по их телам, они лишились рассудка, вели себя, как настоящие прокаженные Средневековья. Один из них кинулся на меня, но мы стоили друг друга — он был так же слаб, немощен и измучен, как и я сам…

Дройд на минуту умолк. Видно, воспоминания о последних часах перед смертью волновали его до сих пор, хотя Диброву, например, было совсем непонятно, как может что-то волновать машину?

— Я пытался уйти, и мне почти удалось это, — продолжил Лаймер. — Была ночь, и я видел за ближайшей лесопосадкой свет прожекторов. На моем теле не было никаких следов серебристой проказы, ведь я не находился на руинах комплекса после взрыва. Прокаженный, лишившийся рассудка человек полз за мной. Он то стонал от боли и душевных мук, то начинал корчиться в судорогах и изрыгать проклятия. Думаю, у него была поражена центральная нервная система. В конце концов он все же догнал меня, когда до расположенного на опушке блокпоста оставалось проползти метров триста. Я пытался кричать, но был очень слаб, мое лицо сильно пострадало в лесном пожаре, и мышцы не слушались.

Лицо Мари исказила мука.

— Мой отец мертв, — глухо повторила она. — На землю привезли его тело. Был проведен сравнительный анализ ДНК. В морге с пришитой головой лежал Френк Лаймер!

— Зачем же ты тогда прилетела на Марс, Мари? — с внезапной жесткостью в голосе спросил андроид. — Если ты не желаешь верить мне, прислушайся к своей памяти. Сдается мне, что Беат тоже мертва, причем уже очень давно, верно?

Мари задрожала.

— Зачем ты сделал это со мной?! — выкрикнула она.

Андроид опустил голову.

— Да… Верно. Это сделал я. Ты можешь не верить мне, ненавидеть меня, но прошу — выслушай, и ты поймешь, что у меня не оставалось богатого выбора возможностей, а то, что я делал, происходило лишь наполовину осознанно…

* * *

В тиши подвала продолжала капать вода. Четыре человека, пришедшие сюда совершенно разными путями, слушали андроида, в которого каким-то немыслимым образом оказалось заключено сознание человека, и каждый из них в эти минуты ловил себя на мысли, что начинает сопереживать тем мукам, которые испытал Френк.

Сопереживать — значит, верить?!

— Когда я очнулся, вокруг было темно, — после некоторой паузы продолжил Лаймер. — Я все еще бредил своими предсмертными воспоминаниями, порывался ползти, звать на помощь… — Прорезиненные

губы дройда внезапно издали звук, похожий на всхлип. — Вы должны понять мое состояние, когда после нескольких порывистых движений я… вывалился из технического шкафа, причем меня до столбняка шокировал визг сервомоторов, которые приводили в движение мои собственные конечности!

Дом был пустым и гулким.

Френк лежал на полу.

Боже… Что со мной случилось?! — мысль шарахнулась в опустевшем разуме, и в ответ на нее перед внутренним взором вдруг вспыхнула четкая рамка виртуального оперативного окна тестовой системы.

Он сел, опять услышав этот скребущий по нервам визг.

Посмотрев на свои руки, Френк едва не заорал: это были сервоприводные конечности андроида…

Я сошел с ума… Или я умер?!

И то и другое.

Нужно вспомнить… Вспомнить, что со мной случилось…

— Я вспомнил, — произнес Френк, справившись с внезапно нахлынувшими образами, вырванными из реальности того рокового дня. — Я вспомнил, но не только себя, а и старину Гоума, всю его многотрудную жизнь на таинственном Новом Селене. И это свело бы меня с ума, клянусь, но… — он опять чуть скривил губы, — система андроида не может спятить, понимаете? Два разума, две сущности в одной оболочке, навек приговоренные к ней и друг к другу… Мой труп летел на Землю, а я вдруг очнулся тут, в Нью-Даймонде, в теле механического существа с памятью двух личностей!

То, о чем говорил Френк-Гоум, звучало невероятно, но, за исключением Столетова, который пребывал в крайнем замешательстве, остальные участники событий слушали Лаймера вполне осознанно. Ведь у Диброва, у сидящей рядом с ним Мари, да и у Онжилая, который отказался назвать свое нынешнее имя, слова Френка находили прямой отклик в душе.

Они сами недавно переживали свое личное раздвоение и не испытывали от этого процесса никаких положительных эмоций, именно данное обстоятельство заставляло их постоянно коситься друг на друга, но и оно же дало им повод слушать андроида, не отвергая с ходу ни единого слова.

Только Антон Столетов, который, по мнению остальных, был очень похож на Даккара, оказался лишен этого понимания и терял последние капли терпения, глядя, как трое людей, обменявшись непонятными, странно прозвучавшими именами, сидят и слушают бытовую машину!

Из-за своей злости, раздражения и растерянности он не задался вопросом: а может ли обыкновенный бытовой агрегат излагать длинную, полную впечатляющих подробностей историю, когда стандартная модель дройда способна разве что к двум-трем десяткам дежурных фраз?

— Прошло изрядное количество времени, прежде чем я перестал метаться словно умалишенный, — продолжал Френк. — Я ждал, что это наваждение закончится, но оно затягивалось, и до меня понемногу начало доходить, что все происходящее реально. В какой-то момент я понял, что мне придется смириться с фактом своей чудовищной реанимации и искать ответ на вопрос о причинах случившегося со мною…

* * *

Слова, произносимые в ватной тишине подвала, звучали глухо, синтезированная речь человекоподобной машины казалась безликой, но излагаемые дройдом факты заставили четверых людей на время забыть о происходящем вне этих стен, даже Столетов притих, слушая Френка.

— Первое, о чем я задумался, — откуда во мне взялись воспоминания иной личности? — продолжал Френк-Гоум. — Следующий вопрос был не менее сложным, я спросил себя: каким образом моя сущность очутилась в механической оболочке?

Андроид посмотрел на Мари, но она отвела свой взгляд, и ему не оставалось ничего лучшего, как продолжить:

— Смирившись с очевидным, я получил возможность действовать более разумно. У меня было достаточно знаний по техническим системам человекоподобных машин, и прежде всего я решил искать ответ на второй вопрос. Сейчас я вам покажу кое-что, не пугайтесь… — С этими словами он расстегнул куртку, которая скрывала под собой часть его механического торса, и открыл крышку защитного кожуха, расположенную на груди.

Начинка человекоподобного робота представляла собой сложный комплекс, включающий в себя моторы сервоприводов, схемы периферийных устройств, оптико-волоконные кабели магистральных интерфейсов и, наконец, сам процессор, укрепленный на материнской базе в центре грудной полости. Независимая самостабилизирующаяся подвеска удерживала его в строго определенном положении. Растяжки этого крепления тянулись к ребрам жесткости, соединяясь с внутренней частью корпуса.

Кроме вышеперечисленных деталей, внутренности Френка-Гоума включали в себя и иную конструкцию. Множество тончайших серебрящихся нитей пронзали полость его грудной клетки, создавая своим

сплетением нечто не поддающееся мгновенному осмыслению, словно в дройде, помимо стандартного, установленного на заводе-изготовителе оборудования, вмещалась еще одна, параллельная система.

— Вот что я увидел, исследовав самого себя, — скупо прокомментировал это зрелище Френк. — Мне потребовалось несколько дней скрупулезного труда, чтобы понять — параллельная система замкнута на два модуля биологической памяти и взаимодействует со стандартным оборудованием исключительно благодаря им. Если бы тут стояли обыкновенные блоки неорганического происхождения, все было бы совершенно иначе, потому что серебристые нити — это колонии, но не микроорганизмов, а микромашин.

— Выходит, та ртутная плесень, что пожирала кожухи генераторов, была цистовым*[7] состоянием микро-модулей? — высказал предположение Дибров. Память Кайла мгновенно подсказала ему, куда клонит Лаймер.

— Верно, — одобрил его вывод Френк. — Они миллионы лет ждали благоприятных условий для развития, а попав сюда, где для них нашлись все необходимые компоненты в виде металлов и электромагнитных полей высокой напряженности, они стали расти, питаясь энергией и пожирая материал кожухов для строительства своих микроструктур.

— Их конечная цель? — скептически хмыкнув, спросил Онжилай.

— Выживание. Как и любому продукту эволюционного развития, микромашинам присущ данный инстинкт. Они не паразиты, они симбионты. Причем вечные симбионты, потому что развились они из самых заурядных модулей, созданных когда-то на таинственном для меня Селене, с конкретной практической целью: помогать живым существам и обслуживающим их сервам справиться с задачей освоения новых планет. Микромашины инстинктивно ищут живое существо или машину, чтобы внедриться, но повторяю: в подавляющем большинстве они — не паразиты. Питаясь напряжением электромагнитных полей или существуя за счет тепловыделения живых тканей, микромашины взамен существенно расширяют возможности к выживанию. Например, память Гоума подсказала мне, что, обитая в крови населявших Новый Селен Измененных, микромашины вырабатывали кислород, восполняя его недостаток в атмосфере, а также повышали или, наоборот, понижали температуру тела, аккумулируя тепло и сглаживая губительные для живого организма термальные всплески, присущие внешней среде того мира.

Френк склонил голову, взглянул на свое посеребренное нутро и добавил:

— Микромашины — удивительный плод кибернетической эволюции. Исследовав данную систему, я пришел к выводу, что в моем случае, соединяясь с искусственно выращенной нейронной тканью, они попросту расширяют возможности запоминающих устройств андроида до определенных пределов.

— Каких? — не удержавшись, спросил Дибров.

— Не знаю, — откровенно признался Френк. — Но нет сомнений, что на этот носитель каким-то образом было проинсталлировано сознание разумного существа, — добавил он, закрывая защитный кожух на своей груди.

* * *

После последних слов Лаймера вновь наступила звенящая тишина. Дибров, который был потрясен не меньше, чем другие, ощутил, как напряглись, задрожали пальцы Мари. Он посмотрел на нее. Девушка в этот миг была разительно похожа на Беат, чей образ запечатлело сознание Кайла. Она сидела, бледная, напряженная, в ее глазах душевная боль смешивалась с каким-то запредельным знанием, которое жгло ее изнутри, заставляя пятна румянца выползать на серые, землистые щеки.

Френк тоже смотрел на нее. Он ждал от Мари реакции на рассказанное им, но девушка молчала, не поднимая глаз, и тогда он продолжил:

— Микромашины в процессе эволюции на Новом Селене выработали свои приемы выживания. Имея единую первооснову, они в определенный момент развития резко расходятся в специализации: одни вступают в симбиоз с живыми тканями, иные — с мертвыми, с нашей точки зрения, механизмами. Третий вид, который несложно выделить, — это ветвь настоящих паразитов, куда относятся все типы так называемой «проказы». За исключением последних, все микромашины обладают одной общей чертой приспособляемости: они анализируют структуру существа, с которым симбиотируют, и стараются расширить его возможности. В случае с андроидами микромашины обнаружили биологические модули памяти. Разумные существа, обитавшие на Новом Селене, были очень похожи на нас, и микроскопические симбионты, обладающие памятью о необходимом для выживания объеме нейронных тканей, сочли два биомодуля андроида слишком маленькими и неэффективными. Тогда они внедрились в них, выращивая параллельную структуру. В этом заключен смысл симбиоза: две разные формы сотрудничают ради выживания, не нанося при этом вреда друг другу. Бесспорно, что андроид с расширенным объемом памяти может

функционировать более эффективно, а значит, поселившиеся в нем микромашины получат стабильный источник энергии и смогут размножаться…

— Схему симбиоза проходят в школе, — внезапно подал голос Антон, который не мог спокойно вынести рассуждений о каком-то там Селене и формах процветавшей на нем жизни. — Пусть мне кто-нибудь объяснит, о чем вообще идет речь?

— Речь о том, что на Марс были занесены споры древней микромашинной жизни, — ответил ему Дибров. — Эта жизнь существовала миллионы лет назад, она зародилась на планете Селен, а потом развивалась и совершенствовалась на Новом Селене.

Столетов скептически усмехнулся.

— Я действительно вижу андроида, над которым поработал какой-то умник, но мое мнение — это очередной программный вирус, не больше. Кто-то гадит корпорации «Фон Браун», а мы просто сидим в замурованном подвале, над нами сейчас радиоактивная пустошь и кое у кого едет крыша! — Антон еще не решался высказать вслух свое знание о десятках подобных инфицированных машин, которые обретались тут, но теперь под его сомнениями появилась иная почва: рассказ Лаймера обескуражил Столетова. Антон испытывал в этот миг жестокие сомнения, он вдруг подумал о степени своей прошлой информированности и об оправданности акций, которые осуществляли десантные группы «Ориона», в том случае, конечно, если в словах человекоподобной машины скрывался хоть грамм истины…

В конце концов его раздраженная нерешительность вылилась на Диброва и мифическую планету:

— Может, ты, капитан, расскажешь мне, что это за Селен и каким образом можно на него посмотреть?! — пытаясь отрешиться от гложущих его подозрений, неприязненно и резко спросил он.

Дибров не сразу понял, что последняя фраза Антона обращена к нему.

Действительно, мог ли он что-то прояснить в возникшей ситуации? Андрей посмотрел на Френка, потом на Онжилая, но оба молчали, ожидая его реакции на вопрос. Тогда он осторожно разжал пальцы, отпуская ладонь Мари, затем выпрямил затекшие ноги и жестом попросил у Антона передать ему ноутбук, который прошел вместе с ним сквозь последний этап злоключений.

Если я верю Лаймеру и хочу отыскать подтверждение его слов, значит ли это, что капитан Дибров окончательно свихнулся? — откидывая активную панель, подумал Андрей. Может быть, Столетов остался

единственным из нас, кто верно оценивает ситуацию и дает ей адекватные характеристики?

А как тогда быть со сравнительным анализом двух снимков? Ради чего был совершен твой побег с «Януса»? Не за ответом ли ты шел сюда, Дибров?

Ситуация уже не укладывалась в рамки сумасшествия. Она давно перешагнула их, и Андрей отчетливо понимал — домыслы тут неуместны. Нужно либо найти опору из реальных, доказанных наукой фактов, либо признать все бредом, как это предлагал Антон.

Просто продемонстрировать две картинки?..

Нет. Этого мало. Должны быть свидетельства того, что Селен существовал. И искать их следует среди известных современной науке аномальных явлений, которые считаются таковыми из-за отсутствия логической системы, связывающей их в целостную теорию.

Луна… Луна — это Новый Селен. Следовало отталкиваться от данного факта, обладание которым толкнуло его на побег с «Януса» и несанкционированную посадку на Марс в поисках Мари-Беат.

Диброву показалось, что он ухватил суть проблемы, и его мысль заработала в стремительном темпе. Касанием нескольких сенсоров Андрей вызвал на экран компьютерную схему Солнечной системы, на фоне которой появились таблицы со сравнительным химическим анализом планет и их спутников.

Он чувствовал — ответ где-то близко и намеренно затягивал ситуацию, нарочито медленно закрепляя в фиксаторах активную панель монитора, в то время как глаза лихорадочно скользили по строкам сжатых унифицированных данных.

Дибров был логиком. Ему требовался лишь толчок, стартовая мысль, чтобы развить ее, найти аналогию или противоречие. В данном случае он интуитивно искал факт, подтверждающий, что Луна — не родственница Земли, и искомое обнаружилось… так быстро и очевидно, что он вздрогнул. Оказывается, это знание было получено уже давно, вот только объяснить его не мог никто.

До сих пор…

— Думаю, что смогу дать ответ на некоторые вопросы, — произнес он, отмечая световым маркером нужные строки таблиц. — Все планеты Солнечной системы образовывались из одного газопылевого облака, в центре которого зарождалась звезда, — пояснил он, указав на схему. — Солнце уже тогда являлось центром тяготения и уплотнения газопылевой туманности. Сгустки материи, ставшие впоследствии зародышами планет,

располагались на орбитах вокруг него. Распределение различных элементов в первобытном облаке не было равномерным, поэтому каждая из планет имеет уникальный химический состав.

Он сменил изображение, используя секундный тайм-аут, чтобы продумать следующую фразу.

— Планеты возникали из уплотнившихся сгустков проматеринской туманности, вещество которой, испытывая гравитационное сжатие, начинало разогреваться, образуя раскаленные сфероиды. Следуя логике, Земля и Луна должны были образоваться из единого сгустка путем отпочкования от него сравнительно небольшой лунной массы. С этим все согласны? — Он поднял глаза, посмотрев на Антона.

— Ну да, — пожал плечами тот.

— Тогда возникает несоответствие, — продолжал Дибров, указывая на таблицы. — Смотрите, это сравнительный анализ химического состава лунных и земных базальтов, который уже давно показал: они настолько различны по своему составу, что не могли сформироваться в одном раскаленном космическом теле. — Андрей вновь переключил изображение, быстро и профессионально работая с базами данных. Капитан привык мыслить логично, и этот навык, столь необходимый для принятия решений во время околопланетных маневров, сыграл сейчас свою роль — он шел за цепочкой связывающихся в единое фактов так быстро и безошибочно, будто его дух скользил сейчас по невидимой нити Ариадны, плотно обвитой вокруг стержня логики… На мониторе возникли новые данные. Дибров бегло просмотрел их и указал на столбец, в котором мигала выделенная поисковой системой строка. — Все складывается… — выдохнул он, сам потрясенный закономерностью, которая вырисовывалась буквально на глазах. — По известной схеме распределения вещества в первобытной газопылевой туманности Луна должна была зародиться много дальше от Солнца, — пояснил он найденные системой ноутбука значения.

Андрей оторвал взгляд от экрана и посмотрел на обступивших его Онжилая, Френка и Антона. Мари в этот момент отвернулась, желая скрыть чувства, которые терзали ее.

— Это первый аномальный факт. — Дибров жестом попросил у Онжилая сигарету. Кивнув, он прикурил и добавил, возвращаясь взглядом к экрану: — Воспоминания каждого из нас хранят память о Новом Селене, который год за годом терял свою атмосферу. Современная Луна не может иметь ее вовсе: ее тяготение слишком мало, чтобы удерживать постоянно разогреваемые Солнцем атомы газов. Чтобы обладать воздушной оболочкой, состоящей хотя бы из углекислоты, спутник нашей планеты

должен быть расположен дальше от Солнца, приблизительно вот тут, — палец Диброва указал на тонкое порванное ожерелье, протянувшееся между орбитами Марса и Юпитера.

— Ты хочешь сказать?!.. — Онжилай поперхнулся сигаретным дымом.

— Да, Онжи, — подтвердил его догадку Дибров. — Судя по всему, выходит, что пояс астероидов — это осколки планеты Селен, а наша Луна раньше обращалась вокруг Селена и была захвачена гравитационным полем Земли всего лишь несколько миллиардов лет назад, во времена так называемого Великого потопа, который — не более чем исполинская приливная волна, вызванная выходом Луны на околоземную орбиту…

Френк-Гоум нервно взвизгнул своими приводами, поворачивая голову. Все невольно посмотрели на него, а андроид, протянув руку, несколькими точными переключениями вернул систему ноутбука к таблицам химического состава планет.

— Да… — негромко произнес он, делая свой вывод из услышанного. — Состав Луны и Марса в основных чертах схож. Обе эти планеты могли быть спутниками Селена и обладать на таком удалении от Солнца собственными атмосферами и гидросферами, — дополнил он слова Диброва. — Потом произошла катастрофа, система трех планет распалась, Марс занял современную орбиту, а Луну захватила Земля… Выходит, что Луна и есть Новый Селен!

— Послушайте, — вновь вступил в разговор Столетов, — я не согласен! Мой базовый корабль достаточно долго болтался среди каменных глыб астероидного пояса, и я не раз слышал эти гипотезы о якобы разорванной на куски планете…

— У меня есть еще одно доказательство, что Луна и Новый Селен — это одна и та же планета, — произнес Дибров, вновь обращая на себя внимание присутствующих. — Еще на борту «Януса», прежде чем предпринимать какие-то действия, я пытался разобраться в себе — сумасшедший я или нет.

— Ну? — Онжилай криво усмехнулся. — И к какому выводу ты пришел?

— Признаться честно? — Андрей пристально посмотрел ему в глаза. — Я едва не рехнулся по-настоящему, когда увидел вот это… — он пробежал пальцами по сенсорной клавиатуре, вызывая на монитор две картинки.

— Что это? — машинально облизав пересохшие губы, спросила Мари, заглядывая через плечо Диброва.

— Стоп-кадр из моего видения, — ответил Андрей, указывая на одно из изображений. — Эта картинка снята с коры моего головного мозга. Я использовал программу «Virtdead», — признался он.

— Ты мог убить себя, — заметил Френк, и эта лаконичная констатация живо напомнила Диброву старика Гоума.

— Выбора не было, — ответил он. — Я должен был понять, что со мной творится.

— Ладно. Я вижу картинку, — вмешался Онжилай. — Ну и что? У каждого человека есть свой личный бред, который образует его подсознание.

— Смотри сюда, — Андрей указал на второе оперативное окно. — Это кратер Коперник на Луне. Снимок современный. Они похожи, не находишь?

* * *

В заваленном обломками, тускло освещенном подвале супермаркета в эту минуту было слышно, как капает вода, просачиваясь по треснувшим швам бетонных перекрытий.

Четыре человека и машина, в системе которой было заточено сознание живого существа. Они в своих словах и мыслях двигались, будто слепцы, медленно, на ощупь пытаясь угадать путь, который уводил к истине, сокрытой в бездне времен.

Андрей покосился на Мари.

Неизвестно, насколько совпадали с его размышлениями мысли молодой женщины. Она сидела, глядя в одну точку перед собой, ее губы были плотно сомкнуты, короткий ежик волос отсвечивал медью, и Андрей все отчетливее, все болезненнее узнавал ее — Измененную из своих снов… Загадочную женщину, перерезавшую горло своему спутнику и навек растворившуюся на просторах лавовых пустынь Нового Селена, чтобы спустя несколько дней погибнуть от стрелы Онжилая…

Как скверно все получилось тогда, подумал он, и в этот миг последние предсмертные слова Беат запоздало резанули его память: «Я была послана к вам…»

— Мари… — хрипло произнес он. — Ты должна рассказать нам…

Девушка испуганно вскинула взгляд.

— О чем? — Она съежилась, будто эти слова Диброва лишали ее последней защиты.

Он не отвел своих глаз.

— Ты не можешь молчать вечно. Мы все вывернулись наизнанку,

чтобы понять суть происходящего, но ты знаешь много больше всех нас вместе взятых…

— Нет… — Она машинально отодвинулась.

— Да, — вмешался в их спор Онжилай. — Я слышал и помню, что сказала Беат перед смертью. Ты не сможешь этого отрицать.

Мари всхлипнула. На ее глазах вдруг выступили долго сдерживаемые слезы. Дрожащие губы не хотели повиноваться ей, но она и сама уже поняла, что у нее больше не осталось сил молчать… Она должна признаться в том, что не сумела, не справилась…

Господи, с тоской подумала она, ужасаясь памяти, которая очнулась в ней на борту «Януса», смогут ли простить меня миллиарды живущих?..

Глава 11

Реальная дата неизвестна…

Память…

Она не была рождена женщиной.

Ее исторг искусственный агрегат — сложное устройство для зачатия, развития зародыша и его последующего роста.

Новорожденная выглядела взрослой, абсолютно сформировавшейся женщиной лет двадцати, с сильным, гибким, пропорционально сложенным телом и неброским, симпатичным лицом.

Ее волосы, короткие, влажные и липкие, имели медно-рыжий оттенок. Глаза новорожденной оставались закрытыми, тело, распростертое на теплом пористом полу сферической комнаты, — безвольным…

Кроме выходного отверстия агрегата биологической реконструкции, в закругляющихся стенах комнаты угадывалась еще одна дверь. Куда она вела, оставалось только гадать. Никакой мебели или приборов в комнате не было, лишь под потолком при очень внимательном рассмотрении можно было заметить нечто похожее на скрытый глаз — объектив системы визуального контроля.

Глаз спокойно смотрел на женщину.

Некоторое время она лежала неподвижно, безвольно поджав ноги к животу, опустив к груди подбородок, и это не являлось осознанной позой — так она провела годы внутри камеры биологической реконструкции.

Минуты утекали одна за другой, а новорожденная не двигалась, хотя ее грудь поднималась и опадала в такт ровному, размеренному дыханию.

Наконец неведомому наблюдателю надоело ждать. Ничего не изменилось в обстановке комнаты, лишь по полу пробежала статическая искра электричества, ударив голубым в беззащитное тело.

Новорожденная конвульсивно вздрогнула, по ее мышцам пробежала судорога, плотно смеженные веки открылись, гримаса страха и недоумения исказила лицо.

Женщина резко поменяла позу — она села, поджав колени к груди, обхватила их руками и огляделась, как может оглядываться усыпленный егерем зверь, который внезапно очнулся в совершенно незнакомой ему, пугающей обстановке.

Глаз под потолком в такт ее движению чуть повернулся, перефокусировав при этом свой диафрагменный зрачок.

Еще секунда — и сферическую комнату заполнил голос, чуть дребезжащий, очевидно из-за дефекта воспроизводящего динамика:

— Встань, существо.

Если исключить неприятное дребезжание на гласных звуках, то этот голос можно было назвать мягким и спокойным.

Как ни странно, но новорожденная не испугалась его, не стала озираться вокруг, пытаясь выяснить источник звука, а беспрекословно повиновалась приказу. При этом выражение испуга мгновенно сошло с ее лица, сделав его сосредоточенно-внимательным.

— Хорошо, — резюмировал тот же голос. — Ты дышишь, осязаешь, обоняешь, видишь и мыслишь. Ты можешь двигаться, перемещаясь при помощи ног, твои руки готовы к манипуляциям, а разум достаточно сформирован и открыт для получения новой информации. Если бы не бренность данного тебе тела, ты могла бы поспорить в совершенстве с машинами… — В этот миг казалось, что безликий голос разговаривает сам с собой, бесцеремонно разглядывая нагую женщину посредством визуального датчика. — Хорошо, существо, теперь ты можешь пройти в соседнее помещение. Там ты найдешь одежду.

Женщина повиновалась абсолютно спокойно и безропотно. Она сделала шаг к двери, и та ушла перед нею вертикально вверх.

За дверью открылся длинный, тускло освещенный коридор, на стенах которого красовалась нетленная пластиковая облицовка, кое-где порядком испачканная ржавыми потеками воды. Пол под ногами был холодным, шероховатым и чуть заметно вибрировал, выдавая работу каких-то машин, скрытых в глубине здания.

Женщина, не колеблясь, ступила босой ногой на леденящий ступни пол и пошла по коридору, пока ей не встретилась очередная дверь.

Эта преграда так же услужливо убралась вверх при ее приближении, но в этом случае движение не было стремительным и бесшумным — раздался отчетливый звук старых, изношенных механизмов, и дверь уползала вверх, двигаясь рывками.

За ней оказалась прямоугольная комната размером три на семь метров, обставленная пластиковой мебелью. В дальнем конце, у стены, располагался терминал компьютера и вращающееся кресло перед ним. По правую руку от входа в стены были встроены шкафы, по левую — расположились узкая койка, откидной столик, умывальник и встроенная в стену панель бытового агрегата, под которым угадывался контур закрытой в данный момент приемной камеры утилизатора отходов. В середине комнаты, резко диссонируя с остальной обстановкой, был установлен

спортивный тренажер, снабженный беговой дорожкой и несколькими убранными в нерабочее положение физкультурными комплексами.

Женщина равнодушно оглядела помещение, задержала взгляд на сложенной в изголовье кровати одежде, взяла ее, развернула и принялась натягивать на себя рабочий комбинезон из темно-синей синтетической ткани с глухим воротничком-стоечкой и узкой нашивкой, идущей по верхнему краю нагрудного кармана.

«Новый Селен. Группа технической поддержки».

Так гласила эта невзрачная нашивка с надписью на древнем языке.

Если бы не сон ее разума и полное отсутствие сведений об истории, то женщину охватила бы дрожь.

Нет, она не задрожала.

Спокойно натянув комбинезон, она возвела глаза к потолку, откуда должен был, по ее мнению, зазвучать руководящий голос.

Она не ошиблась. Голос зазвучал, и теперь, изливаясь из исправного динамика связи, он действительно казался мягким и доверительным — таким, как записали его десятки тысяч лет назад:

— Прекрасно, существо. Ты хорошо справляешься с поставленной задачей. А теперь подойди к терминалу, сядь в кресло и надень обруч нейросенсорной связи.

Она повиновалась.

Сев в кресло, женщина взяла тонкий обруч, похожий на жесткую, регулируемую по длине ленту, от которой к терминалу тянулся жгут проводов, и водрузила его себе на голову, машинально поправив височные шунты.

— Я готова, — произнесла она, закрыв глаза и расслабив руки на подлокотниках кресла.

В следующий миг окружающая ее чернота взорвалась, разбившись миллионом ярчайших брызг. Это был вход в виртуальное пространство сети.

— Как мне обращаться к тебе? — тихо спросила новорожденная, не открывая плотно смеженных век.

— Зови меня Машина, — прозвучал лаконичный ответ.

* * *

Тысячелетия чуждой разуму истории прошли перед ней, плавно перемещаясь бесконечной чередой событий. Это была сухая, сжатая, преподанная без эмоций, насильно ввергнутая в нее информация о мире, которого она не знала, и об обществе, в котором никогда не жила.

Все это прошло сквозь ее разум, отложилось на полочках подсознания, чтобы быть востребованным в нужное время и в нужном месте.

Сон разума продолжался, хотя в этом тяжком, подавляющем всякие эмоции небытии появились слабые прорехи — микротрещинки в виде первых, едва осознанных, но собственных мыслей.

Дни текли за днями. Часы, проведенные за терминалом старого сетевого компьютера, сменялись изматывающими физическими нагрузками на тренажерах, затем следовал прием безвкусной кашицы, содержащей все необходимые организму питательные элементы, короткий беспробудный сон и снова все по кругу — терминал, тренажер, койка…

— Машина, почему ты зовешь меня «существом»? — однажды спросила она, надев обруч нейросенсорной связи, но еще не погрузившись в пучину передаваемых в ее сознание данных.

— Я создала тебя.

— Значит, я не человек?

Пауза длиною в несколько секунд указывала на то, что Машина серьезно задумалась.

— Ты полный биологический прототип, — перебрав и проанализировав возможные варианты, ответил голос. — У меня оставался малый запас замороженного генетического материала. Я воспользовалась им при твоем создании, существо, следовательно, ты можешь считаться человеком, хотя я не могу назвать тебе тех, чьи хромосомы я использовала. Их имен не осталось в моих базах данных.

— А у меня должно быть имя?

Опять секундная пауза.

— Да, — пришел наконец ответ. — Там, куда ты отправишься, термин «существо» уже не будет подходящим. Я передам тебе список существующих имен. Можешь выбрать из него сама.

— Это имя должно быть мужским или женским?

— По половым признакам и строению организма ты — особь женского пола. Имя должно быть женским.

— Беат. Я выбираю это имя.

— Хорошо. Однако я буду звать тебя по-прежнему — существо.

Много дней понадобилось ей, чтобы осознать факт собственного бытия, проникнуть в смысл некоторых терминов, понять, что такое цивилизация Селенитов, их общество и как соотносится оно с тем безликим голосом, который руководил ее действиями.

Ничто не давалось ей просто. Селениты, в представлении Беат,

являлись абстракцией, величиной нереальной, о которой она была информирована, но ни разу не видела воочию.

Новый Селен дня сегодняшнего был чужд своим бывшим создателям, сейчас тут властвовали порождения иной эволюции.

В далеком прошлом Машина царила над планетоидом, как дух древнего божества над мертвой, неоплодотворенной землей, — аура ее информационного поля окружала Новый Селен, и, хотя ядро Машины было сокрыто в неизведанных глубинах скальных бункеров, ее реальное влияние распространялось на всю поверхность преобразуемой во имя жизни планеты; она присутствовала везде — на суше, в море, воздухе.

Машина была повсюду, где существовали электронные системы или их датчики. Десятки тысяч приборов и механизмов, различных по структуре и предназначению, разбросанных по материкам, погруженных в пучины океанов, выведенных на околопланетные орбиты, — все это была она: глобальный, самоорганизованный, искусственный разум, обладающий неизмеримым количеством глаз, рук, органов восприятия…

Беат понемногу начала понимать Новый Селен, но воспринимала его умом, а не сердцем. Она только училась чувствовать. Ей не у кого было перенять, приобрести этот драгоценный опыт сопереживания истории, и она смотрела на факты скорее как некое биологическое вычислительное устройство, ну в лучшем случае как отстраненный наблюдатель, равнодушно перебирающий в пальцах шероховатые, набранные в четки катышки событий.

Она не понимала, зачем Машина создала ее, для чего вообще могла понадобиться хрупкая биологическая жизнь среди мертвых пространств лавовых пустынь и торопливого, взрывообразного развития кибернетической эволюции.

Ответ на этот вопрос ждал ее в ближайшем будущем.

* * *

Жизнь во Вселенной может зародиться лишь раз.

Наше мироздание подчинено четким законам, которые едины для всей материи и пространства, сколь бы необозримым оно ни казалось.

Изучая распределение реликтового водорода в доступных областях космоса, сравнивая полученную картину с фоновым излучением, которое несет в себе фотографический отпечаток распределения вещества в первые астрономические секунды существования Вселенной, мы пришли к пониманию общей сути процесса.

Вселенная пульсирует. Из точки сингулярности, где все вещество

находится в сверхплотном раскаленном до невообразимых температур состоянии, она начинает взрывообразно расширяться, разлетаясь плотными горячими туманностями, из вещества которых под воздействием сил гравитации постепенно образуются первые звезды.

Разумеется, описанный процесс сильно упрощен, но сейчас более важным кажется не детальное рассмотрение его стадий, а сам принцип. Вселенная не может расширяться бесконечно. Когда вещество пройдет все стадии возможного термоядерного синтеза, оно начнет остывать, постепенно совершая обратное движение: не разбегаясь, как молодые горячие новорожденные галактики, а, наоборот, сжимаясь, коллапсируя в одну точку, чтобы снова уплотниться в сингулярность и послужить материалом для нового Большого Взрыва.

Вселенная мертва. Следуя расчетам, связанным с теорией вероятности, приходится признать, что возникновение условий, когда из неживой материи при сочетании благоприятных факторов вероятен случайный синтез примитивных органических соединений, способных усложняться, самосовершенствоваться, то есть — эволюционировать, возможно один раз на 18–20 миллионов пульсаций мертвой Вселенной.

Думать об этом по меньшей мере грустно и… страшно.

Мы — чудо, уникум, но, сколь ни долог будет наш путь развития, в конце концов физические законы развития Вселенной предполагают, что нам суждено погибнуть, схлопнуться вместе с остальным веществом в ту самую сингулярность.

Но до коллапса мироздания еще миллиарды лет. Мыслью о нем можно пренебречь… пока. Тем более что имеются два аспекта современного бытия, которые уже становятся неодолимым препятствием для дальнейшего развития.

Во-первых, нас окружает мертвый космос. Повторю: жизнь — это чудо. Невероятное сочетание факторов, ведущее к возникновению жизни, возможное один раз на биллионы биллионов лет. Во всем обозримом и во всем недоступном взгляду пространстве более нет ни одной звездной системы с живой саморазвивающейся органикой.

Во-вторых, мы не привыкли беречь то, что имеем. Миллионы лет мы росли, развивались, не ведая о своем одиночестве, не думая о конечности всего сущего. Мы сначала износили, а теперь и изнасиловали свою собственную планету, превратив ее в пустую, изгрызенную нами скорлупу.

Какой вывод следует сделать из этого?

Только один, но самый важный:

Жизнь нужно сохранить и преумножить, несмотря ни на что.

Благо у нас есть куда двигаться — еще один мир нашей родной Солнечной системы обладает жизнью. Чуть позже в своих заметках я объясню этот феномен, но сейчас нужно думать лишь об одном — как повести себя, чтобы не разрушить единственный во Вселенной заповедник, а взять с его поверхности горсть жизни и рассеять ее во мрак, заселив органикой миллиарды световых лет пустоты?..

…Беат подняла глаза и посмотрела на голубой диск Владыки Ночи, по поверхности которого растеклись белесые разводы густой облачности.

Это и есть второй мир?.. — мысль пришла четкой, осознанно сформулированной, и от этого понимания на душе вдруг стало тяжело, будто она не являлась существом искусственно созданным, а имела самое прямое и непосредственное отношение к тем, кто когда-то обитал на планете Селен…

Она сидела за терминалом под треснувшим наискось прозрачным куполом, который выступал над поверхностью Нового Селена, словно пузырь, вздувшийся на засыпанной острым щебнем площадке, затаившейся между скал.

Где же тогда обитали селениты? — думала она, глядя на бело-голубой шар планеты. Как ныне живущие попали на Новый Селен и что случилось с истинным, Старым Селеном?

Ответ на данный вопрос, несомненно, лежал тут, в бездонной памяти окружающих ее устройств. Машина, ответственная за ее появление на свет, очевидно, подталкивала Беат к этому первому осознанному исследованию окружающей реальности. Она руководствовалась своими непонятными пока мотивами и готова была помочь существу разобраться в доступных сведениях. Нужно было лишь правильно сформулировать задание, и тогда истина откроется.

Окно в бездну продолжало сиять колючим светом звезд.

У нижней границы расположенного перед Беат монитора ритмично мигала вертикальная черточка, из-под которой и рождались символы языка, стоило лишь коснуться того или иного квадратика с обозначенной на нем буквой.

Для Беат не прошли даром преподанные на уровне подсознания виртуальные уроки, но первое непосредственное общение с системой Машины далось ей трудом.

Она медленно коснулась пальцем первой избранной буквы.

С…

Е… Л… Е… Н.

Не «новый» или «старый», а просто Селен — единственный,

неповторимый, утраченный по непонятной причине мир.

Специальный знак, поставленный в конце набранного слова, означал действие, ввод.

Каким будет это действие, Беат уже догадывалась, но она даже не успела затаить дыхания. Ответ Машины пришел мгновенно и оказался таким наглядным, доходчивым, что усомниться в нем мог разве что слепец.

Экран внезапно наполнился звездами, затем они стремительно раздались в стороны, потекли навстречу, с головокружительной скоростью расходясь к срезам объемного монитора, пока одна из них не выросла, заняв место в центре мрачного провала пустоты. Она пылала, как подвешенный в черноте огненный мяч…

Солнце…

Эта мысль некоторое время падала сквозь слои сознания Беат, словно камень, брошенный в воду.

Она дошла до самого дна пробуждающегося разума и ударила в него, взметнув новые волнующие мысли, которые вдруг закружили, словно поднятый ударом донный ил…

Солнце…

Стоило покоситься в сторону огромного, но уже вполне реального выпуклого окна, врезанного в монолит скал, чтобы увидеть чуть мутноватый по краям, ослепительно желтый диск Солнца, перед яростным сиянием которого блекла нежная голубизна Владыки Ночи.

Сердце Беат было живым, и оно глухо стукнуло, реагируя на выброс адреналина в кровь, раз, другой, третий…

Значит, Селен где-то тут, совсем рядом?

Мысль была ошеломляющей, сосущей под ложечкой сладким, томительным предчувствием невероятного открытия, скорого разрешения от накопившегося в душе бремени. Беат невольно подалась к монитору и в самом деле увидела, как на фоне чернильного мрака одна за другой начали вспыхивать разноцветные горошины.

Эти космические тела располагались на разном удалении от сверкающего солнечного диска. Они оказались намного меньших размеров, чем материнская звезда, и светили тусклым, отраженным светом, видимо, не имея своих источников внутреннего огня.

Беат, затаив дыхание, следила за динамично меняющейся картинкой.

Суть величайшего открытия состоит в том, что органика зародилась не на конкретной планете, в среде горячих первобытных океанов, как это предполагалось ранее многими поколениями ученых, а в космосе.

Виновник случайного синтеза примитивных органических молекул —

Солнце. Светило нашей системы относится к третьему поколению звезд, то есть оно так же, как все планеты Солнечной системы, сформировалось из среды газопылевого облака, которое уже было насыщено всеми видами химических элементов. Именно поэтому мы имеем доступ к месторождениям полезных ископаемых, железных руд и т. д.

Первобытные облака, в которых зарождалось первое поколение звезд, состояли из водорода и гелия, иных элементов в природе еще не существовало, им только предстояло появиться в результате реакций термоядерного синтеза, происходящих в недрах раскаленных светил. Звезды рождались и умирали, некоторые из них вспыхивали, сбрасывая с себя расширяющиеся газовые оболочки, которые мы называем планетарными туманностями. Такие туманности, расширяясь в пространстве, несли в себе запас синтезированных звездой химических элементов, они смешивались с облаками межзвездного газа, насыщая их многообразием молекул.

Из такого насыщенного элементами облака сформировались наше Солнце и все планеты системы.

Известно, что синтез наиболее тяжелых элементов периодической таблицы происходит не в самой звезде, а в окружающем ее пространстве при катастрофически вспышках, когда излучаемой звездой энергии становит достаточно для энергоемких процессов синтеза ядер и подобных элементов.

В одной из таких вспышек, когда наше молодое Солнце в очередной раз взъярилось, выбрасывая на миллионы километров вокруг себя пронзительные щупальца пламенных протуберанцев, в его окрестностях, помимо образования некоторых радиоактивных веществ, зародилась жизнь. Произошел случайный синтез примитивной органики, а солнечный ветер разнес эти споры по всей системе до самых ее границ, но только две планеты на поверку оказались готовы принять и приютить примитивные органические соединения, дать им возможность проявить себя.

Одна планета — это наша Земля, второй был Селен.

Надпись Селен призывно мигала.

Беат действовала будто в полусне.

Ее палец вновь коснулся сенсора «Действие», и опять чернота начала извергаться из неведомых глубин, отодвигая шарики в стороны, оттолкнув и уменьшив Солнце, но зато на гребне этой черной волны из глубин пространства вдруг вырвался, стремительно укрупняясь, бледно-зеленый, испятнанный белым и голубым шар планеты, вокруг которого кружили еще две горошины — одна большая, а вторая поменьше.

Первый спутник был красным, второй — песочно-желтым.

Беат, затаив дыхание, следила за динамично меняющейся картиной.

Она смотрела на предложенное изображение, но ее разум, еще не искушенный в вопросах космогонии, а только вскользь познакомившийся с ее некоторыми постулатами и принявший на веру предложенную информацию об устройстве мира, не мог в полном объеме оценить то, что видели глаза.

Если этот огромный шар, вокруг которого обращались два спутника, на самом деле являлся утерянным Селеном, то почему он считается таковым? Ведь по предложенной Машиной схеме этот невообразимый зеленовато-белесый шар должен быть расположен совсем рядом…

Она вдруг растерялась, совершенно не зная, что следует предпринять дальше. Все ее попытки непосредственного общения с Машиной пока что имели какой-то минимальный успех, но сильно ли она сама продвинулась в понимании сути показанных картин?

Я увидела Селен, но это знание непонятно мне. Мне более понятен Новый Селен, пейзажи которого видны за прозрачным куполом, значит… Значит, следует найти его!

Теперь ее пальцы касались подсвеченных изнутри квадратиков с буквами уже более уверенно, осмысленно.

Новый Селен — появилась надпись.

Она опять коснулась квадратика с символом «Действие».

Внутренне Беат ожидала, что чернота снова начнет изливаться на экран, сужая или же, наоборот, расширяя границы восприятия, но, к ее изумлению, этого не произошло: картинка осталась той же самой, лишь песочно-желтый спутник зеленой планеты внезапно укрупнился, пододвинулся ближе к наблюдателю, а чернота пространства вокруг него неожиданно просветлела, превратившись из обсидиановой в серую, и на этом фоне внезапно начали возникать полупрозрачные символы древнего языка.

Она не имела никакого опыта динамического чтения с экрана, тем более с такого огромного, прозрачно разделенного на три оперативных окна, текст в которых словно маска накладывался поверх изображения околопланетного пространства Селена и двух его спутников.

В первые несколько минут Беат казалось, что движущиеся текстовые сообщения образуют хаос отдельно расположенных знаков. Неискушенный взгляд успевал разве что выхватить какие-то знакомые символы, но понемногу зрение стало свыкаться со скольжением строк, и она наконец разглядела, что перед ней расположены три отдельных, независимых друг

от друга текста, которые двигались от нижнего среза к верхнему с разными скоростями.

Самым медленным оказался крайний левый столбец, и Беат переключила свое внимание на него.

Информация оказалась достаточно короткой и была запущена по кольцу, что в конце концов позволило девушке прочитать все строки, с трудом собрав в единый смысловой ряд слова древнего языка:

«Новый Селен». Колония основана в семидесятом году космической эры. Первый этап планетного преобразования пройден успешно, инициирован второй этап работ, в течение которого будет сформирована гидросфера и произойдет заселение биосферы избранными для экспериментального периода формами животного и растительного мира Селена.

Беат взмокла, пока читала эти строки.

Информация, которую она сумела воспринять, оказала на нее ошеломляющее действие. Это не было чувством соприкосновения с какой-то тайной, нет, все осмыслялось гораздо глубже, острее, прочитанные строки воздействовали на психику как наркотик…

Она невольно подалась вперед, преодолевая головокружение и спонтанную дрожь.

Второй текстовой столбец скользил несколько быстрее первого и содержал в себе большее количество информации. Беат желала бы прочесть ее одним усилием, но первая попытка оказалась неудачной, она едва ли сумела осознать смысл начального слова верхней строки, как та уже исчезла за верхним срезом экрана.

Чтобы не сосредоточиваться на середине текста, Беат решила вновь дождаться его повтора, тем более на экране и так было на что посмотреть. Полупрозрачные буквы, плывущие на фоне посеревшего, исколотого колючими искрами звезд мрака, не мешали ей созерцать три неведомых мира, чье объемное изображение служило фоном текстовых пояснений.

Она все еще не могла освоиться с мыслью, что большой зелено-белый с голубыми полосами шар и есть Селен.

Внимание Беат привлекла блестящая конструкция, которая медленно выплыла из-за края планеты. Неторопливо и величаво она пересекла центр экрана, продемонстрировав подробности своего строения. Эта непонятная конструкция была похожа на толстое сверкающее колесо, соединенное четырьмя спицами со втулкой-ступицей, сквозь которую была пропущена

длинная ось.

Когда это сооружение заняло собой центр экрана, приблизившись настолько, что стали различимы даже мелкие детали ее структуры, Беат внезапно поняла, что вся поверхность «колеса» испещрена длинными цепочками овальных проемов, изнутри которых пробивается неяркий, рассеянный свет.

Это были огромные панорамные окна, на фоне которых казались мелкими и едва различимыми точками крошечные фигурки живых существ.

Размышления, приведенные выше, ставят перед нами закономерный вопрос: если жизнь уникальна и не распространена повсеместно по миллиардам миров миллионов галактик, то как ее сохранить и преумножить?

Здесь вступают в игру два фактора. Оба они неблагоприятны. Первый заключен в конечности скорости света, что катастрофически сужает возможности экспансии в глубины Вселенной, а второй — в относительной непродолжительности человеческой жизни по сравнению с масштабами тех расстояний, которые требуется преодолевать для успешного освоения нового пространства и осеменения его биологически активными спорами.

Преодолеть световой барьер — идея заманчивая, но, на мой взгляд, неосуществимая, по крайней мере при сегодняшнем уровне знаний и связанных с ним технологий. Другое дело — человеческое сознание, душа.

Мы существуем, пока мы мыслим. Все, что отличает разумное существо от животного, заключено в самосознании. Вот если бы удалось зафиксировать это неуловимое на первый взгляд понятие: душа, личность.

Но разве нам нужна законсервированная, статичная душа? Конечно же, нет. Человек должен жить, смеяться и плакать, любить и ненавидеть, радоваться и горевать, иначе все усилия теряют смысл и мы возвращаемся к идее мертвой Вселенной, в которой станут обитать какие-то абстрактные, равнодушные ко всему, лишенные эмоций сущности.

Размышляя над этим, сравнивая два препятствия для сохранения и преумножения жизни — скорость света и смертность, — я пришел к выводу, что преодолимо последнее.

Давайте обратим внимание на реальные достижения цивилизации. Мы движемся в пространстве, но эти перемещения нельзя назвать иначе как смехотворными. С точки зрения межзвездных расстояний мы по-прежнему топчемся на месте.

Иное дело информационные технологии. Здесь прослеживается очевидный прогресс. Развитие искусственных носителей информации и

устройств ее обработки в тысячи раз опережает наши реальные успехи в освоении космоса. Вычислительные машины, созданные в последнее время, построены на основе архитектуры, копирующей строение живого мозга, а их быстродействие уже перевалило за один миллиард операций в секунду.

Однако здесь существует ловушка: мало построить машину, которая бы мыслила со скоростью живого мозга, мало наделить ее соответствующим объемом памяти. Нельзя забывать, что основу понятия «душа» составляют эмоции, а ими во всех случаях управляют биохимические реакции, свойственные только живым организмам, но никак не машине.

То есть носителем разума, обладателем души может быть исключительно живое существо. Тот вид интеллекта, который возникает на электронных или оптических носителях, никогда не будет адекватен человеческому разуму.

— Машина… — Беат безотчетно возвела глаза к прозрачному куполу свода. — Я не могу больше… Я… Я запуталась.

— Я наблюдаю твое смятение, существо, — ответил ей ровный голос. — Преподанный тебе урок не несет критической информационной нагрузки, он призван показать, что реальный мир много сложнее того виртуального знания, которое заложено в тебе моими обучающими системами.

— Скажи, зачем ты меня создала? Кто я? — Беат готова была разрыдаться от щемящего смятения, комкающего ее душу.

— Ты создана для контакта, — бесстрастно ответил голос. — Планеты Селен больше нет, она раскололась на тысячи бесформенных кусков. Мои создатели не смогли успешно преодолеть амбиций роста, и теперь уцелевшие остатки их цивилизации медленно доживают свой век, постепенно деградируя, тут, на Новом Селене, который катастрофически изменил свое пространственное положение. После гибели Селена этот планетоид был захвачен гравитационным полем Земли и, приблизившись к Солнцу, теперь теряет атмосферу.

— Значит, жизнь на Новом Селене вскоре погибнет?

— Да. Но это не должно стать концом всего сущего. Ты помнишь тот основной принцип, который постулирован в моих базах данных? Жизнь нужно сохранить и преумножить во что бы то ни стало. Это руководство к действию. Остается программа, для исполнения которой я была создана. Программа переселения сущностей и преумножения жизни. Все остальное не имеет для меня практического смысла.

…Мы рассмотрели несколько проблем, связанных с теорией бессмертия личности и глобального распространения жизни, и пришли к следующим выводам.

Путешествия в пространстве станут вторичным способом преумножения жизни. Преодолеть межзвездные расстояния реально лишь в том случае, когда будет решен вопрос записи и последующей инсталляции человеческой сущности.

Мы можем сканировать мозг. Нам, при определенных условиях, доступен весь объем долгосрочной и оперативной человеческой памяти. Допустим, мы записали эту информацию, считанную с живого мозга, на более прочный и долговечный носитель. Получается, что мы зафиксировали личность живого существа на определенный момент времени. Но как быть дальше?

Дальше следует создать такой носитель, который был бы восприимчив к определенному воздействию. Нужно создать копию человека, внеся необходимые генетические изменения в структуру головного мозга. Это должно быть полноценное существо, способное к воспроизводству, самостоятельному отправлению всех жизненных функций и передаче по наследству приобретенных изменений. Только такой носитель может полностью отвечать выдвинутым требованиям. Видоизмененный человек призван стать не биологической машиной, как то утверждают наши оппоненты, а следующей ступенью эволюции, но шаг на эту ступень должен произойти не под воздействием случайных мутагенных факторов, а вполне сознательно.

— Ты Машина. Тебе подчинены тысячи исполнительных устройств. Ты царишь над планетой, так зачем тебе понадобилась я — созданная из ненадежной плоти?

— Ты ничего не понимаешь, существо. Твои мысли медленны и неуклюжи. Прошли тысячи лет после того, как в результате войны был разрушен Селен. Я осталась предоставленной самой себе, мои механизмы обветшали, а в реальности Нового Селена произошли незапланированные изменения. Кроме меня, на поверхности изменившего орбиту спутника оставались миллионы машин, которые в свое время занимались преобразованием планетоида. Они также оказались брошенными, невостребованными, но главной их отличительной чертой была и остается функция сверхнадежности, самоподдержания. Они реализовали ее в полной мере, породив эволюцию кибернетики — процесс накопления полезных для выживания изменений, — но, в отличие от эволюции биологической, саморазвитие машин идет в миллиарды раз быстрее.

— Они стали твоими врагами?

— Нет. Они просто существуют параллельно мне. Вред, наносимый ими, минимален, он не идет ни в какое сравнение со стихийными процессами разрушений вследствие эрозии, перепадов температур и оскудения атмосферного покрова.

— А разве у тебя нет своих механизмов самоподдержания? Ты не можешь восстанавливать сама себя?

— Могу. Но в течение последних тысяч лет мои усилия были направлены в иную сторону. Моя цель — исполнение программы. Тот бело-голубой шар, который современники называют Владыкой Ночи, — это Земля, одна из двух планет Солнечной системы, исторически обладающих собственной биосферой. Там протекают процессы биологической эволюции, схожие с теми, что были присущи Селену, но из-за более близкого расположения к Солнцу эволюция Земли намного моложе. Именно из-за спора о способах овладения данным миром произошла роковая катастрофа на Селене. Мнение общества разделилось: одни утверждали, что Землю нужно колонизировать немедленно, дабы дать возможность нормально жить новым поколениям селенитов, другие выступали против, указывая на то, что эволюция Земли уже породила примитивных приматов, которые через миллионы лет разовьются в мыслящих существ, и эту планету нельзя колонизировать вообще. Третья часть общества Селена выступала за радикальный, небиологический путь развития, когда сознание инсталлируется на более долговечный и менее привередливый к условиям внешней среды носитель. Именно они развязали войну в надежде, что их небиологические тела уцелеют.

— Они ошиблись?

— Да. Возможно, кто-нибудь из них и уцелел в тотальной катастрофе планетарного сдвига масс, вызванного применением термоядерного оружия, но мне это неизвестно. Вероятнее всего, какие-то космические корабли сумели покинуть орбиту Селена, но их дальнейшая судьба не относится к моей компетенции. Я создана для реализации программы «Колония» и занимаюсь исключительно ею.

— А в чем ее задача? — спросила Беат, начиная понемногу понимать суть происходящего.

— Цель программы заключена в том, чтобы создать на Земле виртуальную оболочку, способную хранить в себе личности, принимая их после физической смерти носителя, и реинкарнировать полученные души в новые тела, но уже принадлежащие обитателям земной биосферы. Так, по замыслу моих создателей, должна была осуществляться колонизация Земли

без нанесения ущерба ее экологии. Конечный же смысл проекта заключен в том, чтобы жизнь разумного существа стала как можно более продолжительной, чтобы у личности появилась возможность реализовать себя, все свои способности и в итоге — пронести споры жизни по Вселенной, а когда наступит коллапс вещества, то пережить и его, оставаясь вдали от точки сингулярности. Через миллиарды лет, когда наступит следующий цикл пульсации и произойдет новый Большой Взрыв, пережившие его личности вновь вернутся в молодые горячие галактики, чтобы снова жить.

— И ты создала такую оболочку? — затаив дыхание, спросила Беат.

— Да, — ответил ей голос. — Эта система была спроектирована на Селене, незадолго до начала войны. Она являлась компромиссом между идеей немедленной колонизации Земли и постулатом о невмешательстве в ее биосферу. Программная структура виртуальной оболочки базируется на силовых линиях геомагнитного поля планеты. Эта система не имеет изнашиваемых компонентов, она использует энергию солнечного ветра и фактически неразрушима до тех пор, пока земная кора и ядро планеты хранят свою целостность. Оболочка очень проста, функциональна и эффективна. Она всего лишь исполинское приемопередающее устройство, не обладающее собственной волей или программными задачами.

Беат понимала то, о чем повествует Машина, но вопрос о собственной причастности к событиям все равно оставался для нее неясен.

Ее не могли потрясти или взволновать глобальные откровения древней сети Нового Селена. Беат находилась в состоянии наивного неведения относительно понятий добра и зла, жизни и смерти. Ее волновало внезапно возникшее осознание самой себя, своей жизни.

— В чем заключается моя задача? — в который уже раз спросила она, глядя в прозрачный свод, за которым простирался полог черного усыпанного точками звезд небосвода.

— Произошел существенный сбой, — ответил ей голос. — Виртуальная геомагнитная оболочка Земли запущена, теперь она функционирует вполне самостоятельно. Проблема возникла во втором компоненте. Земные существа, избранные в качестве базового носителя для реинкарнаций, прошли свой эволюционный путь развития. В структуру головного мозга избранных особей, еще до гибели Селена, были внесены необходимые генетические изменения, совершенствующие небольшой участок нейронных тканей. Это вмешательство настолько незначительно на фоне их собственного эволюционного развития, что не может привести к каким-то радикальным изменениям Homo Sapiens как самостоятельно

сформировавшегося биологического вида. Люди очень похожи на селенитов, обладают аналогичным метаболизмом, а все усовершенствования проведены на микроскопическом уровне, формируя крохотный участок серого вещества, который является биологическим приемо-передающим устройством электромагнитных импульсов. В момент смерти существа этот специализированный участок излучает относящееся к данному времени состояние личности на приемник виртуальной геомагнитной оболочки Земли, а когда рождается новое существо — происходит обратный процесс. Первые экспериментальные реинкарнации уже произведены, но они показали, что в проекте имеется существенная недоработка.

— Какая?

— Они не помнят себя. С точки зрения разработчиков было логично, что новорожденное существо не может обладать памятью взрослой личности, поэтому была введена задержка включения долгосрочной памяти. Она характеризуется величиной в десять оборотов Земли вокруг Солнца. За это время новорожденное существо должно сформироваться и окрепнуть, чтобы быть готовым к принятию хранящейся в нем памяти о своем прошлом, но я уже говорила — вид земных существ прошел свой путь развития, у них уже сформировалось примитивное общество, и каждый из его членов обладает собственной личностью. В результате острой борьбы за выживание они взрослеют намного быстрее селенитов и в десять-двенадцать чет уже готовы к продолжению рода, то есть вполне осознают сами себя. Это блокирует реинкарнированную сущность, оставляя ее на вечном хранении в подсознании. Такое положение может быть разрушено только при личном желании носителя и потребует от конкретного существа определенных усилий.

— То есть каждый из них все же может вспомнить, кем он был до нового рождения?

— Абсолютно. Но повторяю: это требует их личного желания и внутренних усилий. Со временем продолжительность их жизни вырастет, борьба за выживание станет менее острой, и тогда изначальная схема, рассчитанная на развитие ребенка в условиях урбанизированной цивилизации Селена, начнет наконец работать, но на сегодняшний день, по моим критериям, — это сбой, который необходимо устранить.

— Понятно, — произнесла Беат. — Но я все равно не совсем представляю, для чего тебе нужна я?

— Обнаружив сбой, я попыталась устранить его, — ответила Машина, — но мои ресурсы оскудели, большинство механизмов

разрушено, я более не контролирую сырьевые ресурсы Нового Селена. Организованные усилия оставшихся в моем распоряжении механизмов наткнулись на сопротивление тех форм биологической и кибернетической жизни, которые обитают сейчас на планетоиде. Произведя анализ текущей обстановки, я пришла к выводу, что наладить сотрудничество можно лишь с тем видом современных существ, которые называют себя Измененными. Они — единственные, кто способен воспринять древние знания и как-то исправить ситуацию, тем более что именно Измененные являются сейчас носителями девяноста пяти процентов тех сущностей, которые должны быть реинкарнированы мной на Землю. Если пояснить им суть процесса, то большинство Измененных, по моим расчетам, должны пойти на организованное сотрудничество. Ты будешь послана к ним, чтобы наладить контакт. Путь к ближайшему поселению Измененных нелегок и опасен, но я изучила новые формы жизни и снабдила тебя микромашинами, а также выращенными на их основе имплантами, необходимыми для эффективного выживания в условиях современного Нового Селена. Ты должна собрать и привести сюда наиболее разумных и грамотных представителей общества Измененных. В этом и заключается твоя задача.

* * *

Мари-Беат слишком отчетливо понимала, что не справилась и с сотой долей возложенного на нее поручения. Максимум, что она смогла, — это получить свою порцию изменений, а затем и вовсе сгинуть на полных опасностей просторах Нового Селена.

Ее бегство из оазиса Гоума объяснялось просто — она была смертельно испугана, когда поняла, что поразившие Даккара микромашины готовы вот-вот выбросить наружу споры своей кибернетической жизни.

Страх, присущий существу неопытному, впервые шагнувшему в полный злоключений и опасностей жестокий мир, где разные формы жизни боролись за выживание, не оставил ей ни единого шанса выполнить поручение Машины.

Неизвестно, были ли у Машины после нее иные эмиссары, призванные исправить существующее положение вещей, но реальность дня сегодняшнего, вполне доступная пониманию Мари, холодно и ясно свидетельствовала о конечном итоге всех усилий: Луна, или Новый Селен, потеряла свою воздушную оболочку, превратившись в мертвый спутник Земли — Владыки Ночи.

Земля же продолжала жить. Миллионы лет дальнейшей эволюции прошли над ней неуловимым дыханием времени, люди рождались и

умирали, они верили в бога и бессмертие души, но лишь немногие могли вспомнить самих себя…

Мысленно сравнивая население Земли с количеством Селенитов и Измененных, влачивших в ту пору безрадостное существование на просторах Нового Селена, она понимала, что едва ли один из тысячи современных землян хранит в своем подсознании память о том неимоверно далеком прошлом. Остальные души рождены на Земле, они так же исправно, как сущности Селенитов, переносятся древней виртуальной оболочкой из тела в тело, бережно укладываясь в подсознание младенца, чтобы пролежать там до самой смерти невостребованным грузом копящихся воспоминаний.

Она, зачатая в агрегате биологической реконструкции, тоже успела сформировать свое «я» и так же, как другие мыслящие существа, автоматически получила это право: рождаясь и умирая, становилась кем-то, кого еще предстояло вспомнить и не сойти от этого с ума. А сейчас она воспринимала себя как Мари-Беат — молодую женщину с неизмеримо старой памятью…

— Это все, что я помню… — тихо произнесла девушка.

* * *

Как неожиданно, ошеломляюще все вставало на свои места, обретая фактическую основу.

Френк-Гоум, нервно повизгивая приводами искусственного тела, мерил шагами замусоренный пол бетонной коробки.

— Я начинаю все понимать, — монотонно твердил он, но безликость синтезированного машинного голоса не отражала и сотой доли его истинного состояния. — Буквально все, за исключением нескольких неясностей…

— Поделись, — буркнул Онжилай, которого одолевали собственные мысли, сомнения и догадки.

— Я всегда отличался крайней степенью атеизма и отрицал наличие бога, — остановившись, ответил ему Френк. — События последних месяцев в чем-то переубедили меня, а в чем-то укрепили на прежних позициях, потому… — он запнулся, подбирая правильную формулировку, — потому что истина кроется где-то между атеизмом и слепой верой! Не так давно я был убежден, что материализм — наиболее твердая точка опоры для сознания. Но меня всегда мучил вопрос: почему на протяжении миллионов лет люди верят в существование высших сил? Я пытался выяснить, что такое вера… — продолжил он свою мысль. —

Косность ума, прямолинейность психики, зависимость от своих страхов? У нас потребность во что-то или в кого-то верить или это проявление иного процесса? Почему миллионы людей продолжают верить даже после того, как первый летательный аппарат поднялся выше облачного покрова? Теперь я знаю — под всеми вымыслами скрывалось зерно истины, отголосок далеких событий, память о которых так или иначе присутствует в нашем подсознании…

— Это философия, — перебил его Дибров. — Меня волнует более узкий вопрос: как объяснить произошедшее с нами? Почему мы оказались способны преодолеть информационный порог и вспомнить, кем мы были?

— Во всем виноват случай, последствия которого были сознательно усугублены мной, — сознался Френк.

— Объясни. — Дибров уже не мог переживать и удивляться в той мере, как это было несколько часов назад. Острота ощущений понемногу притупилась, но в сознании оставались десятки, если не сотни вопросов, требовавших ответа.

Андрей присел рядом с Мари. Вымотанная своим откровением, она не обращала внимания на разгорающийся спор, ее знобило. Накинув ей на плечи подсохшую куртку, которую снял с себя Френк, Дибров жестом попросил у Онжилая сигарету, прикурил ее и протянул Мари-Беат. Она благодарно кивнула, зябко кутаясь в жесткую, пахнущую сыростью робу.

— В сегодняшнем положении вещей сыграли роль несколько факторов, — произнес Френк. — Микромашины были занесены на Марс случайно, скорее всего, их доставил вместе с рудоносными лунными породами один из транспортных кораблей, работающих на фон Брауна. Здесь они получили условия для роста и начали размножаться, реализуя свой жизненный цикл. В результате их инстинктивной работы память известной модели человекоподобного робота, снабженного биомодулями, оказалась расширенной до таких пределов, когда на нее могла быть инсталлирована человеческая сущность, и этим незамедлительно воспользовалась виртуальная система, которая до сих пор функционирует на базе геомагнитного поля Земли.

Френк-Гоум вновь начал мерить шагами засыпанный щебнем пол, продолжая рассуждать вслух:

— Очевидно, что расстояние между Землей и Марсом — не препятствие для направленной передачи электромагнитных волн. До рассказа Мари я не знал, как в точности работает древняя система Селенитов, но еще до прибытия «Януса» на орбиту Марса мне было понятно: существует сила, оперирующая лишившимися тел личностями, и

каждый измененный андроид с расширенными в результате деятельности микромашин функциями памяти рассматривается ею как потенциальный носитель, способный воспринять сущность разумного индивида. Произошел процесс автоматической передачи данных, и некоторое количество умерших очнулись в механических оболочках! В их числе был и я, погибший накануне… Но вы должны понимать, что в памяти робота нет подсознания. Она едина, и все данные одинаково доступны для восприятия. Выходит, что тот барьер, о который миллионы лет назад споткнулась Машина, для андроида несуществен, поэтому, очнувшись в теле дройда, я практически сразу вспомнил жизнь Гоума на Новом Селене!

— Да, но при чем тут мы? — хмурясь и покусывая фильтр сигареты, напомнил ему Дибров.

— Память Гоума… — ответил Френк. — Трижды проклятая и столько же раз благословенная память… Я… Я едва не слетел с катушек, это верно, но моя новая сущность была обречена смириться с ней. Я больше не был человеком в эмоциональном плане. Я мыслил более холодно, отрешенно, и это позволило мне выпутаться, начать думать, и тогда… — Он посмотрел на Мари. — Тогда я вспомнил свою дочь и понял, что она похожа на Беат как две капли воды. На ту самую Беат, которая погибла на Новом Селене, не завершив нечто исключительно важное. Я решил вызвать ее на Марс, потому что не мог сам попасть на Землю, — я был обречен скрываться тут. В моем распоряжении было как минимум полтора месяца отсрочки, совокупная память двух существ и множество техники, завезенной в освоенный район. Я каюсь… — внезапно произнес он. — Я действовал жестоко по отношению к тебе, Мари, но я уже тогда подозревал, на какой физике основан процесс перемещения личностей, и пытался его простимулировать, используя межпланетную связь и виртуальную компьютерную сеть. Я отслеживал тебя, пользуясь брошенными тут компьютерными мощностями, я взламывал счета и оплачивал межпланетные соединения, я влезал по виртуальной сети во все устройства, способные излучать в спектре электромагнитного поля, и бесконечно перебирал диапазоны, стараясь сделать так, чтобы ты вспомнила хоть что-то. Ведь только при этом условии ты смогла бы рассказать мне правду о той миссии, которую не сумела выполнить в прошлом.

Слушая Френка, Дибров глубоко задумался. Чудес не бывает… В этом он оставался солидарен с Лаймером. Все в нашем мире объяснимо теми или иными законами, просто мы еще не знаем большинства из них, поэтому из нашего восприятия выпадает огромная часть причинно-

следственных связей. Он думал об этом еще на борту «Януса», пытаясь решить вопрос о собственной вменяемости.

Не надо морочить мне голову, я не кришнаит… — внезапно вспомнилась ему фраза Антона, зло оброненная им в начале этого затянувшегося на несколько часов выяснения обстоятельств.

Дибров усмехнулся, делая глубокую затяжку. Он тоже не относил себя к поклонникам какой-либо религии, но кое-что помнил еще с университетской поры. Была в его жизни знакомая девушка, которая всерьез увлекалась одной из философий, связанных с понятием перемещения душ от одного тела к другому.

Вспомнить об этом Андрея заставила одна кричащая неясность. Он был во многом согласен с Френком, да и рассказ Мари вкупе с их личным опытом прошлых жизней объяснял очень многое… но не все.

Да, Лаймер, оказавшись в теле андроида, пытался простимулировать память дочери. Вызвать ее на Марс, даже осуществить взлом некоторых подсистем бортового компьютера «Януса» — это было по силам Френку. В век развитых виртуальных технологий электронная система в умелых руках становится универсальным инструментом воздействия на реальность, он сам недавно доказал это, освободившись при помощи ноутбука от пеленавших его ремней и совершив побег с борта космического корабля.

Френк вспомнил себя благодаря той специфике хранения данных, которая присуща андроидам, размышлял Андрей. Это понятно. После он воздействовал на Мари, я спал в соседней с ней гибернационной ячейке, Онжилай — через пару камер по другую сторону прохода, и мы оба могли попасть под ауру ее возбуждения, простимулировавшую наши собственные воспоминания.

Загвоздка, которая не давала Диброву принять предложенную Френком упрощенную схему событий, заключалась в Антоне Столетове.

Будь он человеком посторонним, случайно оказавшимся вместе с ними, — только тогда схема, предложенная Лаймером, удовлетворяла бы логике. Но Антон был слишком похож на Даккара, которого помнил Кайл. Выходит, что последний участник тех далеких событий на Новом Селене по какой-то причине оказался в нужное время и в нужном месте. Он не находился под каким-либо воздействием и не помнил своей неимоверно далекой жизни.

Сплетение судеб. Вот что заставило Диброва вспомнить мимолетную подругу его юности. У феномена нынешней встречи было название: кармический узел, означающий, по определениям философии, которой увлекалась девушка, что при каком-то из прошлых рождений все участники

сегодняшних событий уже встречались и не завершили очень важное дело. Сила обстоятельств оказалась тогда выше их личной воли…

Диброву не нужны были доказательства, чтобы убедиться — в упомянутой философии крылось зерно истины. Кармический узел существовал: все они либо вопреки собственной воле, либо, наоборот, наперекор событиям собрались тут, в Нью-Даймонде, на Марсе. Чем не доказательство высшего промысла неведомых сил?

Почему неведомых? — мысленно спросил себя он. Если та виртуальная оболочка, которая существует на базе геомагнитного поля Земли, инертна в плане собственной воли, значит, имеется еще одна сила. У этого неведомого игрока может быть лишь одно имя: Машина!

Андрей невольно поежился, взглянув на Френка, который, подсев к Мари, пытался что-то втолковать ей.

Неужели Машина смогла пережить миллиарды лет? Кто, кроме нее, мог воздействовать на наши судьбы, чтобы ненавязчиво свести вместе в засыпанном подвале, погребенном под радиоактивным шлаком марсианской пустыни?..

* * *

— Дело за малым… — произнес Дибров, решив пока не делиться посетившими его сомнениями с остальными. Он не хотел оставаться марионеткой в чьих-либо руках, но, прежде чем пытаться прояснить ситуацию, следовало понять, чего именно желает та сила, которая пытается руководить их судьбами?

— Остается решить, как действовать дальше, — завершил он свою фразу.

— Наверху радиация, — откликнулся Френк-Гоум. — Выйти отсюда неизмененным не сможет никто, кроме меня, разумеется.

— Не понял, — встрепенулся Онжилай. — На что ты намекаешь?

— На радиацию, которую излучают дома и улицы Нью-Даймонда. Ты хочешь стать куском радиоактивного мяса, Онжи?

Наемник насупился. В этот момент Дибров поймал себя на мысли, что имя Онжилай наиболее подходит к нему, уж очень сильно перекликались между собой два образа, будто между ними не лежала пропасть в несколько миллиардов лет.

— Ты предлагаешь инъекцию микромашин, верно? — подумав, предположил Онжилай. — А они у тебя есть?

— Есть.

Лицо наемника исказила гримаса удовлетворения, но это чувство,

столь резко отразившееся на его лице, показалось всем зловещим.

— Я очень рад, что проблемы господина фон Брауна не исчезли, — произнес он, засунув правую руку за отворот своего испачканного подсохшей грязью пиджака.

— При чем тут фон Браун? — раздраженно начал говорить Френк, но Онжилай оборвал его, жестом попросив заткнуться. В руке наемника оказался «стайгер», глаза светились недобрым огоньком ненависти.

— Он должен мне деньги, — лаконично осведомил всех присутствующих Онжилай. — Я собираюсь создать кучу проблем его корпорации. «Хеппи-энда» в данной истории не будет.

Френк-Гоум выслушал его, а потом заметил:

— Онжи, иногда мне кажется, что у тебя либо нет мозгов, либо большие проблемы со слухом. Ты что, не понял, о чем шла речь на протяжении последних часов?

— Почему? Очень даже понял. Древняя цивилизация, микромашины, реинкарнация душ… Гоум, я очень не хочу делать дырки в твоей груди. Так что давай отбросим в сторону все эти сопливые сантименты относительно цивилизаций, человечества и прочей лабуды. Я живу здесь и сейчас. Я очень хочу восстановить справедливость, но не историческую, а личную. Для этого я согласен быть первым, кто примет инъекцию микромашин, но дальше — уволь — наши тропинки расходятся. Ты можешь продолжать бредить какими-то там высшими идеями, но у меня цель одна: посмотреть, как станет корчиться Майлер фон Браун после того, как я получу свои деньги и выбью дух из его корпорации…

Пока он говорил, трое остальных участников событий не оставались безучастными наблюдателями. Дибров обменялся беглым взглядом с Антоном Столетовым, Мари, угадавшая ход его намерений по непроизвольному напряжению мышц, еще крепче вцепилась в руку Андрея, будто желала остановить его, но ситуацию разрешили не они, а Френк.

— Сожалею, Онжи, но сегодня не твой день, — ответил он, спокойно глядя в черный зрачок глушителя, навернутого на ствол «стайгера». — Фон Браун действительно не очень хороший человек, но он, как и ты, мыслит собственными категориями, не имеющими ничего общего с понятием человеческих ценностей. К тому же борьба с его корпорацией не кажется мне продуктивной. Я двадцать лет проработал в этой структуре и, поверь, знаю ее возможности. — Он скривил губы в усмешке. — Я не сомневаюсь в твоей способности добраться до Майлера, даже убить его. Ты профессиональный киллер, но пуля, выпущенная из снайперской винтовки,

не решит ни одной проблемы, не изменит психологии миллиардов обитателей Земли, система останется незыблемой, пока люди, ее составляющие, не изменят свой взгляд на мир. Убив Майлера фон Брауна, ты просто возведешь на его место другого человека, такого же, как он сам, ну а выпустив микромашины, ты погубишь еще сотни тысяч, если не миллионы человек в угоду своим личным амбициям. Нет, Онжи, этого не будет, потому что мы пятеро уже находимся вне этой истории и вне общества… У меня было достаточно времени, чтобы подумать об этом.

— Что ж, — палец Онжилая начал давить на курок. — Будем считать, что мы не договорились…

В сторожкой, гулкой тишине подвала выстрел хлопнул громче, чем обычно, звук был таким, словно из плотно укупоренной бутылки вытащили пробку.

— Ты забыл, Онжи, что я больше не человек, — произнес Френк. Он стоял на том же месте, а его тело казалось облитым тонкой, едва приметной глазу, но напряженно потрескивающей аурой, которая ярко вспыхнула, когда в нее попала пуля. — Не думаю, что нам стоит соревноваться друг с другом. — Он начал поднимать руку, сияние потянулось за его кистью, собираясь на ней, у всех на глазах, и в течение нескольких секунд конденсируясь в нечто осязаемое. — Как видишь, в любой сказке или легенде есть первооснова — та крупица истины, которую зачастую не удается разглядеть из-за наслоений более поздних выдумок. Жизнь на Земле несколько миллиардов лет назад представляла собой весьма загадочный и разнородный конгломерат различных существ. — Он пошевелил пальцами, уплотняя комок энергии. — Думаю, что часть Измененных с погибающего Нового Селена в конце концов сумела перебраться на более пригодную для жизни Землю. Предания о могучих магах Древнего мира всегда казались мне вздором, выдумкой, но я оказался неправ — они были. — С этими словами Френк-Гоум совершил мягкое, плавное движение кистью руки, стряхивая с пальцев сгусток электромагнитного поля, заключенного в форму маленького шарика рукотворной молнии, которая поплыла в воздухе, напряженно потрескивая.

Онжилай отшатнулся.

Он был поражен тем, что его пуля не сразила Лаймера, и поэтому среагировал слишком поздно и медленно — шаровая молния ударила ему в грудь, сверкнула вспышка, и вокруг мгновенно распространился смрад сгоревшей материи и обожженной плоти.

— Отец! — Мари, все это время сдерживавшая себя, рванулась к Френку.

— Все хорошо, милая. — Он неловко прижал ее к своей груди. — Все хорошо.

Дибров склонился над Онжилаем. Грудь наемника была обожжена, но он дышал.

— Ничего страшного, — долетел до слуха Диброва комментарий Френка. — Я уже научился контролировать напряжение. Это всего лишь электрошок. Думаю, есть смысл обыскать его на предмет оружия, и пусть приходит в себя. Немного боли ему не повредит, для трезвости ума, так сказать.

Антон Столетов, минуту назад готовый броситься на Онжилая, теперь обернулся к Френку Лаймеру.

— А по какому праву вы взялись распоряжаться нашими жизнями? — спросил он.

— Обращайся ко мне на «ты», Антон, — ответил Френк-Гоум, мягко отстраняя прильнувшую к нему Мари. — Я не собираюсь никого ни к чему принуждать, — произнес он, глядя на Столетова. — Но согласись, Антон, ситуация, в которой мы оказались, мягко говоря, неординарна. Из нее существует огромное количество выходов, но я боюсь, что только один из них будет верным и искать его нужно сообща, отбросив, как справедливо заметил Онжилай, все глупые и наивные воззрения. Нужно трезво смотреть на вещи, понимая, что в наших руках оказалась не только величайшая из тайн истории, — мы способны перевернуть существующий мир и в информационном, и в сугубо материальном, практическом смысле.

Антон исподлобья посмотрел на Френка.

— Ты собираешься подарить людям бессмертие, верно?

— Нет, — покачал головой Лаймер. — Это было бы величайшей глупостью с моей стороны. То, что рассказала Мари, и так доказывает, что человеческая душа бессмертна, по крайней мере до тех пор, пока мы сами не изуродуем нашу планету до такой степени когда нарушатся основные характеристики геомагнитного поля, в структуре которого заключена древняя операционная система Селенитов. Я считаю, что та ошибка, недоработка, исправление которой возлагалось на Беат, сыграла в конечном итоге свою счастливую роль. Рождаясь вновь, мы не помним своих прошлых жизней, а вспомнить их дано лишь тем, кто прошел определенный путь саморазвития. События на Марсе лишь иллюстрируют справедливость моих слов. Что стало с теми бродягами, чьи сущности были инсталлированы в преобразованные микромашинами тела человекоподобных роботов? Кто не сошел с ума от внезапно обрушившихся воспоминаний, тот кинулся убивать, насиловать и грабить,

ведь уровень их интеллекта предполагает именно такой способ обладания материальными благами. — Френк покосился на Онжилая, который, постанывая, медленно приходил в себя, и продолжил: — Есть еще одна категория людей, которым знания о нашем потенциальном бессмертии ни к чему. Кто умен, Антон, тот и без излишних откровений придет к пониманию истины, ведь наша история пестрит упоминаниями о посвященных, напрямую входящих в контакт с древней системой. Это современные изотерики. Они называют древнюю виртуальную оболочку астралом. Но есть типы, подобные фон Брауну, для которых бог — это деньги и власть. Подумай, что станет с нашей Землей, с человечеством, если сейчас вручить массам хотя бы тот объем знаний, которым обладаем мы пятеро? Присовокупи сюда микромашины, которые принципиально не нужны сейчас нашей цивилизации для выживания, и подумай — во имя каких целей все это будет использовано? Нет… — Он вновь покачал головой. — Я согласен с Онжилаем — счастливого конца тут не видно, да его, в принципе, и не может быть на том уровне общественной морали, которая господствует на сегодняшней Земле.

Пока он говорил, лицо Антона Столетова бледнело.

— В чем дело? — спросила Мари. — Тебе плохо?

Он покачал головой и вдруг сел, свесив руки между колен. Несколько минут он что-то мучительно обдумывал, глядя в пол, а потом поднял голову и произнес:

— По-моему, фон Браун обыграл не только Онжилая, но и тебя, Френк.

— В чем дело, я не понимаю…

— Он уже имеет образцы микромашин, — ответил Антон. — Я думаю, что в скором времени исследования образцов вплотную подведут его к ответу на вопрос о бессмертии. Он ничего не узнает о древнем Селене, но вполне овладеет всеми возродившимися здесь технологиями микромашинного мира.

— О чем ты говоришь?! — Лаймер застыл как вкопанный. — Что тебе известно, Антон?

— «Европа», — ответил Столетов. — Отсюда, с Марса на протяжении последнего месяца изымались образчики инфицированной техники и транспортировались на борт дрейфующего за поясом астероидов колониального транспорта «Европа» для проведения исследований. Я лично доставил на борт крейсера «Орион» не меньше двух десятков отловленных тут андроидов…

* * *

— Мы не можем допустить этого. — Френк нервно расхаживал по гулкому пространству подвального помещения. Тусклый свет переносного фонаря едва разгонял сумрак, скупо освещая его фигуру.

Оправившийся от шока Онжилай сидел, привалясь к влажной шероховатой стене, и провожал его недобрым взглядом.

— Ты же говорил, что не следует трогать Майлера, — зло напомнил он.

— Я не знал, что отсюда изымаются образцы пораженной микромашинами техники. Я думал, что присутствие «Ориона» на орбите вызвано исключительно желанием удерживать ситуацию в границах зоны…

— Ага… А ведь Майлер фон Браун, похоже, оказался умнее тебя, Френк. Думаю, ему будет глубоко плевать на Селен, он возьмет только то, что ему необходимо. Помяни мое слово, лет через пять на Земле возникнет новая власть, и попробуй-ка угадать с трех попыток, кто станет во главе этой власти?

— Этого нельзя допустить.

— Каким образом, посмею спросить?

— Самым обыкновенным, — зло огрызнулся Френк. — Варварским. Таким, как ты любишь.

— А как же быть с идеями гуманизма?

— Какой тут, к черту, гуманизм?! — не выдержав, взорвался Дибров. — Люди не нуждаются в этих технологиях! Они будут востребованы только узким кругом лиц в их собственных интересах.

Онжилай повернулся к нему.

— А в чем, по-твоему, нуждаются люди? — спросил он.

— В возможности развиваться, жить, идти своим путем! — ответил ему Андрей. — Мы и так оказались в далеко не завидном положении, а знания, полученные нами, еще более усугубляют его! — Он принялся расхаживать по замусоренному пространству подвала. — Выходит, что жизнь Земли уникальна, вокруг необъятный мертвый космос. Его физические законы накладывают конкретные ограничения на нашу экспансию в пространстве, а теперь в этот котел, в котором продолжает вариться человечество, будут слиты микромашины, которые не только не принесут пользы, но лишь усугубят проблемы. — Он остановился, глядя на Онжилая. — Да, фон Браун создаст новый вид робототехники, возможно, разгадав симбиотический смысл микромашин, он начнет раздавать их

инъекции категориям избранных или даже всем подряд, без разбора. Но что будет дальше? Вместо того чтобы действительно развиваться, люди начнут борьбу за обладание новыми возможностями, которые преподнесены даром, без исследований и усилий. Те, кто получит желаемое, станут жить много дольше, исчезнет страх перед физической смертью, а это породит безнаказанность многих действий, рухнут моральные запреты — мы станем рабами микромашин и в конце концов исчезнем, как исчезла цивилизация Старого и Нового Селена.

Никто не ответил на его монолог.

Онжилай, у которого отобрали оружие, сидел мрачный и непредсказуемый.

Столетов встал с ящика, ушел в сумеречную глубину подвала и вернулся оттуда с куском ребристой арматуры в руках.

— Вы как хотите, — внезапно заявил он, — а я буду пытаться расчистить завал. — Он поднялся на несколько ступенек и добавил: — Лично я думаю, что Дибров прав. Человечеству не нужны микромашины. Сейчас они принесут только зло.

— Френк, на два слова.

Лаймер посмотрел на Диброва, потом кивнул, соглашаясь.

— В чем дело? — спросил он, когда они отошли в сторону.

— Мне кажется, что ты ошибаешься, Френк.

— В чем именно? — переспросил Лаймер, прислушиваясь к монотонным звукам ударов — это Онжилай и Антон крошили угол бетонного перекрытия.

— В том, что тебе удалось пробудить память Мари, а заодно и наши с Онжилаем воспоминания, — пояснил Дибров.

— Ты считаешь, что это не так?

— Боюсь, что ты преувеличиваешь свои возможности, Френк. Посуди: трое из участников событий на Новом Селене оказываются в соседних гибернационных ячейках космического корабля, еще один в этот момент приближается к месту встречи на борту «Ориона», и в конце концов мы пятеро собираемся вместе. Не слишком ли серьезное испытание для теории вероятности?

— Думаешь, нас кто-то вел?

— Боюсь, что да. Только определенной волей, влияющей на события и судьбы, можно объяснить нашу встречу. Это Машина, Френк. Не берусь судить, она ли инфицировала Марс древними формами жизни, но в факте нашей встречи явное постороннее влияние.

— Прошли миллионы лет, Андрей. Машина, даже если какие-то ее

компоненты и уцелели в подлунных бункерах, отрезана от внешнего мира. Как может она влиять на события и почему она не влияла на историю человечества до сих пор?

— Не факт, Френк. А ее внезапное, как кажется, пробуждение я могу объяснить: мы сами разбудили ее и дали возможность общаться с внешним миром. Мы произвели на свет информационные технологии, опутали Землю, Луну и Марс виртуальной сетью, основная передача данных в которой на отрезках межпланетных коммуникаций происходит в доступных Машине диапазонах. Она была отрезана от мира и потому оставалась мертва, но теперь боюсь, что она получила способ влиять на окружающую среду.

— Каким образом?

— Через Сеть. Как это делал ты или я, как может влиять на реальность любой пользователь Сети. Ты ведь не знаешь, кто кроется за тем или иным сетевым именем или адресом, верно?

— Да. — Френк был вынужден признать очевидное. — И что ты предлагаешь?

— Я не хочу быть марионеткой. Возможно, я не прав в своих подозрениях, но в нашем случае лучше перестраховаться, верно? Людям действительно не нужны формы жизни древнего Селена. Единственный их очаг, который может быть использован, сейчас сконцентрировался на борту «Европы». Я бы не хотел, чтобы микромашины по воле фон Брауна или какой-то третьей силы вырвались оттуда. Мне не нравится игра человеческими сущностями, а в особенности моей. Я хочу жить, сообразуясь со своей волей, со своими понятиями добра, зла или целесообразности. Мы должны нанести удар первыми, пока все планы третьих лиц находятся в стадии подготовки. Нужно действовать быстро и неординарно, чтобы наши шаги невозможно было предугадать, только так мы сможем обезопасить себя и других живущих от влияния извне. Очаг поражения должен быть уничтожен — это как минимум.

— Да, я согласен. Но как быть со мной? Как быть с теми андроидами, которые отловлены в зоне и переправлены на «Европу»? Я согласен, в подавляющем большинстве — это не лучшие образчики человеческих личностей, но…

— Не нужно, Френк, — оборвал его Дибров. — Ты же сказал — никто из нас не выйдет отсюда неизмененным, а это значит, что все мы автоматически сядем в одну лодку, верно? Циркулирующие в крови микромашины так же поставят меня за грань нормального человеческого общества, как поставило тебя за этой чертой тело человекоподобного

робота. Нужно овладеть ситуацией, а уже тогда у нас появится шанс решать самостоятельно, что и как делать дальше, верно?

— Я согласен с тобой. Но согласятся ли остальные?

Дибров пожал плечами.

— Нас не так много, а положение складывается, на мой взгляд, отчаянное. Подвал засыпан обломками, наверху радиоактивная пустыня, а после инъекции микромашин и процедуры изменения лучшее, что ждет нас, — это исследовательские лаборатории «Фон Брауна» и операционный стол… Для каждого из нас, взятого по отдельности, выбор возможностей небогатый, но вместе мы можем хотя бы попытаться вырваться отсюда. Думаю, что все, в том числе и Онжилай, согласятся с такими доводами.

— Мне показалось, что у него свой взгляд на ситуацию, — бесстрастно напомнил Лаймер.

— И это радует, Френк, — ответил ему Андрей. — Это доказывает, что Онжи остался самим собой и не подвержен влиянию извне. По большому счету… — Дибров посмотрел в неживое лицо дройда, — по большому счету, он единственный, в ком я уверен. Позволь мне поговорить с ним.

— Да. Я понимаю тебя. — Лаймер кивнул. — Ситуация действительно не так ясна, как показалось мне после рассказа Мари. Ты обозначил проблему, капитан, о которой я не задумывался до сих пор. — Френк говорил ровно, потому что менять интонации синтезированного голоса он мог лишь при помощи осознанных усилий. Непринужденной, присущей человеку эмоциональной окраски речи у него не получалось, но это не означало, что в душе Лаймер оставался так же бесстрастен, как резинопластиковое лицо, за маской которого пряталась его сущность. — Иди, Онжилай, похоже, уже сорвал злость и способен вести переговоры, а я займусь подготовкой реактивов.

Дибров, который повернулся, чтобы уходить, остановился.

— Откуда ты возьмешь необходимые реактивы и колонии микромашин? — спросил он.

— Все свое ношу с собой, — ответил Френк, похлопав себя по вещевому ящику, который встраивался в каждую бытовую машину. — Я готовился к встрече с Мари, а два месяца, проведенные тут, научили меня не полагаться на авось, — добавил он. — Иди, капитан, это сейчас не твои проблемы.

Глава 12

Марс.

Руины Нью-Даймонда, двое суток спустя…

Серое небо. Марс никогда не видел нежной, прозрачно-голубой атмосферы. Вся история его освоения была связана с формированием и поддержанием густого облачного покрова, который не позволял теплу рассеиваться в околопланетном пространстве, задерживая его в тонкой прослойке между мертвой землей и хмурыми небесами.

Над руинами Нью-Даймонда опять шел нудный затяжной дождь.

Зрелище было безрадостным, гнетущим, словно мутные ручьи, стекающие вдоль разрушенных улиц, заносили липкой радиоактивной грязью не обломки домов, а обломки колониальных надежд, но каждый из пяти выбравшихся на поверхность понимал, что для корпорации «Дитрих фон Браун» потеря девятисот гектаров преобразованной земли и одного атмосферного процессора — пустяк по сравнению с тем ущербом, который могли нанести бесконтрольно размножающиеся микромашины.

Майлер фон Браун выбрал меньшее из двух зол, и, как ни странно это прозвучит, в своей жестокой, цинично просчитанной акции он в данном случае играл на стороне всего человечества, подавляющая часть которого даже не подозревала об истинной сути марсианских событий.

Фонтан на площади уцелел, хотя скульптурную группу повалило, и голова древнего героя, отколовшись, откатилась в сторону, а лев, с которым он боролся, лежал сейчас на спине в недоуменной попытке дотянуться своими лапами до серых, плачущих дождем небес.

Сквозь хмарь дождя было отчетливо видно, как над руинами городских зданий медленно вальсирует неживое сияние.

Онжилай, не удержавшись, сплюнул в чавкающую под ногами грязь. Он радовался, что под рукой не оказалось дозиметра, — жутковато было думать, что прибор бы просто зашкалило в таких условиях, а он сам — ничего, стоит, широко расставив ноги, в бушующем аду радиоактивных частиц и испытывает при этом лишь легкое недомогание да глухую ломоту в суставах.

А еще ему было странно ощущать внезапно наступившее примирение сознаний двух очень похожих друг на друга существ, различающихся разве что уровнем техногенных знаний. Измененный с мертвых равнин Нового

Селена и сегодняшний наемник, работавший до недавнего времени на Майлера фон Брауна, слились воедино на удивление быстро, будто никогда и не расставались. Редкая целостность его синтезированного сознания лишний раз доказывала, что на каждого из нас оказывает неуловимое, но сильное воздействие то прошлое, память о котором чаще всего таится на подсознательном уровне.

Не зря изменение характера подростков происходит в период от десяти до тринадцати лет — в срок, когда в наш уже сформированный разум пытается проникнуть опыт прошлых жизней, и эти безуспешные попытки накладывают сильнейший отпечаток на черты формирующегося характера. Мы очень часто совершаем в юности поступки, необъяснимые с точки зрения полученного до сих пор воспитания и условий жизни, — нас вдруг неодолимым образом начинает тянуть куда-то, и зачастую в выходках так называемого «переходного возраста» скрыт гораздо более глубокий смысл, чем это принято считать…

— Где разбился твой штурмовик, Антон? — спросил Френк. Выбравшись из узкого лаза вслед за Дибровым, он стоял, озираясь по сторонам, так же, как остальные, потрясенный и подавленный печальной панорамой руин и мечущимися над ними огнями святого Эльма.

— Он не разбился, — поправил Френка Столетов. — Я его посадил.

— Тем лучше, потому что он — наша единственная надежда выбраться отсюда, не прибегая при этом к огласке, с которой будет неизбежно связан угон любого транспортного средства.

Лаймер не мог слышать и видеть себя со стороны: андроид, пространно рассуждающий на радиоактивных руинах о тех или иных способах покинуть Марс, выглядел как минимум странно.

Столетов огляделся, пытаясь угадать направление, но мало преуспел в этом — окружающий ландшафт изменился до полной неузнаваемости, и не было никакой возможности определить ни стороны света, ни какие-то иные ориентиры, поэтому на помощь ему пришел Дибров:

— Мы с Мари видели твой штурмовик, когда въезжали в город. Это в полукилометре отсюда, в том районе, где начинали разбивать бульвар. Ты сможешь провести нас туда, Френк?

Андроид кивнул.

У него не было проблем с идентификацией руин, оперативная память машины цепко держала данные о былой планировке Нью-Даймонда, и в данный момент его процессор дорисовывал контуры обрушившихся зданий до их утраченных очертаний.

— Нам туда, — он указал рукой в замусоренный проход между

руинами.

* * *

Им потребовалось около часа, чтобы преодолеть пятьсот метров завалов, которые покрывала липкая грязь, образовавшаяся из смоченного дождем пепла.

Едва намечавшийся бульвар превратился в грязевое море; над ним возвышались два длинных оплывших бугра, на гребнях которых почва спеклась в стекловидную пузырчатую массу.

— Удачно, — прокомментировал Френк-Гоум это зрелище, первым ступая в липкую жижу, которая тут же засосала его по самые колени. Он обернулся к Антону, пытавшемуся разглядеть пространство за ближайшим гребнем, и пояснил: — Углубление, выбитое твоей машиной при падении, должно быть, сыграло роль укрытия в момент взрыва на процессорной станции. Будем надеяться, что машина не получила критических разрушений. — Он медленно побрел по грязи, утопая в ней все больше и больше, пока жижа не поднялась ему по пояс.

— Тут начинается подъем, — через некоторое время, обернувшись, осведомил он напряженно наблюдавших за ним людей. — Идите за мной.

Онжилай недолго думая ступил в грязь. Его дорогой костюм уже претерпел столько злоключений, что стал похож на лохмотья. Вслед за ним, перехватив автомат за цевье и подняв его над головой, в жижу ступил Столетов.

Дибров ободряюще улыбнулся Мари и мягко подтолкнул ее к краю грязевого озера:

— Не бойся. Я пойду последним, если что — поддержу.

Она благодарно взглянула на него, но ничего не сказала в ответ, лишь ее глаза потеплели в этот миг, как уже было однажды в неимоверно далеком прошлом, когда она лежала на импровизированном операционном столе Гоума, а он сжимал ладонями ее горячие от жара виски.

Она ни разу не назвала Андрея Кайлом, но в ее сознании постоянно жил этот образ. Они действительно были неуловимо похожи — тот юноша, только получивший свою порцию изменений, и капитан Дибров — зрелый мужчина, отдающий себе отчет в каждом слове или действии.

Мари сделала неуверенный шаг по грязи, оскользнулась, инстинктивно взмахнув руками, и тут же почувствовала, как ладонь Андрея помогла ей удержать равновесие.

Да, она узнала бы это прикосновение среди тысяч, миллионов иных. Физическое сходство не играло тут никакой роли, да и было ли оно на фоне

той бездны времени, которая разделяла тела прошлые и ныне живущие?

Посмотрев на отца, который оказался заточенным в тело дройда, Мари подумала, что они узнают друг друга совсем иначе. По ощущениям ее внутреннего восприятия, на корточках в грязи сейчас сидел, разгребая наносы радиоактивного пепла, скорее Гоум, нежели Френк.

Мари даже испугалась хода своих мыслей. Выходит, что физическая оболочка уже начинает играть в их сознании вторичную, несущественную роль? Они узнают друг друга по облику психологическому, по образу мыслей, по нюансам поведения, иначе почему Столетов тут же был признан всеми как наследник памяти Даккара, а Андрей Дибров вел себя именно так, как действовал бы Кайл, будь у юноши с Нового Селена возможность повзрослеть и стать зрелым мужчиной?

* * *

Рубка штурмовика была скрыта под тридцатисантиметровым слоем спекшейся грязи. Несколько часов они работали по очереди, освобождая выпуклый триплекс кабины пилота и расположенный за ним аварийный люк от наслоений радиоактивных осадков, одновременно укрепляя края раскопа, чтобы в него не оплывала липкая масса. Усилившийся дождь осложнял работу. Они опять промокли насквозь, вымазались в грязи, но продолжали свой труд, почти не разговаривая при этом.

Наконец им удалось освободить горловину полуметрового люка. Сам штурмовик имел пятнадцатиметровую длину и был скрыт под тоннами грязи, но для силовой установки машины, если ее удастся запустить, это уже не являлось помехой.

Антон склонился над люком. Скафандр он снял еще в подвале — двигаться в такой экипировке было крайне тяжело и неудобно, но весь штатный инструмент, включая набор аварийных ключей, они захватили с собой, и теперь, пользуясь одним из них, он начал отворачивать крепления.

В том, что спустя некоторое время люк поддался усилиям Столетова, не было ничего невероятного: боевая техника изначально рассчитывается исходя из запредельных нагрузок и обладает огромным запасом прочности, а валы выбитой при вынужденной посадке почвы действительно сыграли роль капонира, поглотив часть ударной волны и предохранив чуткую электронику машины от разрушительного действия проникающей радиации.

Антон на некоторое время исчез в люке, потом появился вновь, высунувшись по плечи.

— Основные системы работают, в рубку я проник, но внизу обшивка

пробита и пустые отсеки боекомплектов затоплены грязью.

— Ты сможешь запустить силовую установку? — спросил Френк.

— Автоматика погасила реактор сразу после аварийной посадки, — ответил Столетов. — На его реактивацию потребуется как минимум два часа.

— А что с запасом планетарного топлива? — спросил Дибров.

— До высоких орбит дотянем, а там перейдем на синтез плазмы. Меня заботит не это. Днище пробито, герметичность корпуса нарушена, внутри машины часть отсеков затоплена, — повторил Антон. — В таких условиях манипулировать реактивными двигателями — самоубийство.

— Нужно поднять штурмовик хотя бы на пару метров. Что, если воспользоваться магнитной подушкой? — предположил Френк. — Если ты сможешь оторвать машину от грунта, то я попытаюсь восстановить целостность обшивки. К тому же большая часть грязи должна излиться из пробоин под собственным весом.

— Хорошо, я попытаюсь. Но мне понадобится какое-то время, а вам лучше отойти за ближайшие руины, мало ли что. Генераторный отсек не затоплен, но ручаться после таких катаклизмов уже нельзя ни за одну систему. Не забывайте, что меня сбили и посадка была вынужденной.

— Ладно. — Френк огляделся в поиске подходящего укрытия. — Я думаю, что у нас в резерве примерно два-три часа, — произнес он. — Сейчас на Земле идут большие политические игры вокруг недавних взрывов, и думаю, что сюда будет направлена комиссия для расследования причин катастрофы. Но вряд ли ее станут формировать из марсианских специалистов.

— Да, такая проволочка на руку фон Брауну, — поддержал его Дибров, — но не пошлет ли руководство корпорации собственные группы для проверки результатов спровоцированных взрывов? Должны же они убедиться, что цель достигнута?

— Если пошлет, то встретим, — спокойно произнес Онжилай, который сидел на очищенном выступе рубки, положив на колени автомат, переданный ему Столетовым. — Не косись на меня, — сказал он Френку. — Мы с Дибровым договорились: пока не выберемся отсюда — все в одной лодке и никто никого не предает. Тем более что «Европа» — это приличный кусок собственности фон Брауна и атака на колониальный транспорт лежит в русле моих намерений. Так что дыши ровно, Френк.

Лаймер не ответил, лишь нервно взвизгнул приводом, поворачивая голову.

— Хорошо. Антон, мы отойдем вон к тем руинам и займем позицию

за ними, контролируя дорогу со стороны сектора освоения корпорации «Фон Браун». Ты действуй по обстоятельствам, но если тебе удастся вырвать штурмовик из грязи, то попробуй перебазировать его на более сухой участок, хотя бы в район городской площади.

— Договорились. — Голова и плечи Антона вновь скрылись в люке. — Задрайте за мной крепления, — раздался изнутри штурмовика его голос.

* * *

Через два с половиной часа по поверхности затопленного бульвара прокатилась судорога. Пологая грязевая волна с глухим стоном ударила в остекленевшие гребни бугров, перекатилась через них и врезалась в стену близлежащих руин жилого комплекса, заставив его перекрытие, висевшее на нескольких кусках чудом уцелевшей арматуры, с грохотом обвалиться.

Пятнадцатиметровое тело штурмовика приподнялось над грязевым ложем: машину поднимали генераторы электромагнитного поля — современный аналог воздушной подушки, использующий вместо сжатого воздуха напряжение силовых линий планетарной коры Марса.

Как два магнита отталкивают друг друга, так и генераторы штурмовика создавали одноименный заряд, отталкивая машину от слабого геомагнитного поля планеты.

Грязь извергалась из пробитого днища машины, она лилась потоками, скатывалась по покатым бортам, курилась паром в районе кормы и застывала причудливыми наростами хрупких сталактитов в тех местах, где внутреннее тепло работающей силовой установки подсушивало ее.

Не было воя и грохота, лишь тонкий, едва воспринимаемый человеческим ухом гул заставлял осыпаться куски щебня с изгрызенных стен близлежащих руин.

Поднявшись над пузырящимся грязевым озером, штурмовик несколько минут висел неподвижно, потом, чуть кренясь на правый борт, развернулся и медленно полетел в сторону городской площади.

* * *

— Как ты собираешься заделывать пробоины, Гоум? — спросил Дибров, когда машина благополучно опустилась на площадь, утвердившись на трех телескопических опорах, выпущенных из пробитого во многих местах днища.

— В моем распоряжении нет иного материала, кроме колоний микромашин, — ответил Френк, который уже смирился с тем, что все,

включая дочь, чаще обращаются к его древней сущности, игнорируя при этом сознание Френка Лаймера. — Пока работают генераторы штурмовика, колонии микромашин будут расти и размножаться с удивительной скоростью.

— А ты сможешь контролировать их рост?

— Постараюсь. Думаю, тебе лучше заняться иным вопросом, Кайл… — не без мстительного удовлетворения он назвал Диброва именем юноши. — Мало заделать дыры в обшивке, нужно еще добраться до района дрейфа «Европы», верно?

Лаймер был прав. Дибров даже не обратил внимания на то, что его назвали Кайлом. Отойдя в сторону, он присел на край поребрика, ограждающего фонтан, и задумался.

— Антон, мне нужно посоветоваться с тобой, — спустя некоторое время окликнул он Столетова, маячившего за спиной Френка. — Гоум, мы можем подняться в кабину штурмовика? Это не повредит тебе?

— Поднимайтесь, — отмахнулся Лаймер, занятый своим делом. Мари, как заметил Дибров, взялась помогать ему, а Онжилай расположился чуть в стороне, реквизировав по такому случаю сразу оба оказавшихся в распоряжении их небольшой группы автомата.

Андрей, вскарабкавшись по приставной лестнице к временно откинутому триплексу кабины, мысленно порадовался за обоих — и за Онжи, и за Мари. Их импровизированный отряд из растерянного, недоуменного, враждебно настроенного друг к другу пестрого сборища постепенно начинал превращаться в нечто целостное. Взаимное недоверие таяло, по мере того как каждый из них тем или иным способом мирился с ожившими воспоминаниями, воспринимая их как часть своей собственной памяти.

— Что ты хотел спросить? — Антон коснулся нескольких переключателей, и из пола кабины, заполняя остатки свободного от приборов пространства, поднялся второй пилот-ложемент. — Резервный, — скупо пояснил он. — Садись.

Чувствовалось, что в рубке Антон ощущал себя полным хозяином, и Диброву это понравилось. Уверенный в себе пилот — половина успеха.

— Антон, я хочу знать, летал ли ты на «Европу»?

— Естественно. Колониальный транспорт использовался фон Брауном и раньше по принципу: «с поганой овцы хоть шерсти клок», — ответил Столетов. — Мы пару раз ремонтировались на внутренних космодромах «Европы», когда случались поломки на дальнем патрулировании.

— То есть там живет постоянно действующий персонал?

— Нет. Все было отдано автоматике. Хотя перед выходом «Ориона» к Марсу на «Европу» проследовало два гражданских скоростных судна, а когда мы доставляли туда отловленных в зоне дройдов, то в шлюзовых ангарах нас встречала охрана из состава службы корпоративной безопасности.

— Ясно… Значит, ситуация с поломкой представлялась вполне заурядной?

— В прошлом — да. Как сейчас, не знаю, — сдержанно ответил Антон.

— Ты можешь показать на компьютерной схеме место базирования «Ориона» и дислокацию «Европы»?

— Вполне. — Антон активировал навигационную систему, и на отведенном ей дисплее появилась условная схема участка Солнечной системы. — Вот точка дрейфа «Европы», — указал Антон и пояснил: — Колониальный транспорт как бы привязан к Марсу и движется за поясом астероидов параллельно ему.

— Значит, расстояние от Марса до «Европы» неизменно?

— Да. — Антон активировал еще один маркер. — Вот точка базирования «Ориона», — указал он на группу сигналов, затерявшихся меж каменных обломков. — Тут несколько горнодобывающих комплексов и база технической поддержки. Крейсер охраняет этот район со времен астероидного кризиса.

— Понятно. — Андрей задумался. — Судя по данным твоей схемы, нам понадобится менее суток, чтобы выйти в точку дрейфа колониального транспорта, двигаясь с максимальным ускорением.

— В рубке только два кресла, — напомнил ему Антон. — При ускорении бывают перегрузки, ты не забыл?

— Нет, не забыл. Вместе с тобой в рубке будет находиться Мари. Френку на перегрузки плевать, а мы с Онжилаем потерпим.

— Слушай, Дибров, а что мы будем делать дальше? — задал Антон мучивший его вопрос. — Ну хорошо, я доведу штурмовик до точки дрейфа колониального транспорта. А потом?

— Попытаемся проникнуть на борт, — попробовал уклониться от прямого ответа Дибров, который сам еще не вполне ясно представлял себе, как станут развиваться события впоследствии.

Столетов достал сигарету, прикурил, протянул пачку Андрею и глухо спросил:

— Мне непонятно, почему мы должны ввязываться в это? Неужели нельзя как-то попасть на Землю и попытаться снова жить?

— Можно, — ответил ему Андрей. — Но наша жизнь будет короткой и полной злоключений.

— А атаковав «Европу», что мы получим? Быструю и легкую смерть?

Дибров промолчал, глубоко затянувшись.

— Мы в патовой ситуации, Антон, — наконец произнес он. — Силой обстоятельств мы оказались вне общества, вне этого времени, вне обычных условий выживания. Разве ты не ощущаешь этого? — Он кивком указал на сполохи призрачного сияния, медленно танцующие над руинами Нью-Даймонда.

— Да, я понимаю, что должен был уже сто раз превратиться в кусок мертвого радиоактивного мяса, — ответил Столетов, вполне осознав намек Диброва.

— Тогда тебе несложно будет понять, что, с точки зрения рядовых обывателей, ты теперь — загадочный монстр, скорее опасный, нежели достойный внимательного сострадания, — продолжил свою мысль Дибров. — Второй нюанс нашего положения заключается в том, что мы умудрились выжить там, где по замыслу не должен был уцелеть никто. В этом плане для корпорации «Дитрих фон Браун» мы представляем смертельно опасных свидетелей, особенно Онжилай. И, наконец, третье — на борт «Европы» доставлены не просто образчики инфицированных микромашинами андроидов, туда сейчас свезены человеческие сущности, оказавшиеся в плену механических оболочек. То, что большинство из них не лучшие представители земного общества, — это уже гримаса печальной статистики, — констатировал Андрей. — Нищие бродяги умирают без счета, и на сотню скончавшихся в определенный момент представителей так называемого «дна» приходится очень малый процент более благополучных и разумных граждан.

— Ты считаешь своим долгом их спасти?

— У меня нет моральных долгов, — покачал головой Дибров. — Я пытаюсь найти выход из положения и стараюсь реально смотреть на вещи. Земное общество нас отвергнет, фон Браун либо убьет, либо начнет разбирать по косточкам в своих лабораториях, пытаясь выжать из нашей плоти зачатки новых технологий и связанных с ними сверхприбылей. Подобные варианты меня не устраивают, значит, я буду защищаться.

— Думаешь, на борту «Европы» мы окажемся в безопасности? — настойчиво переспросил Антон, которому предстоящая акция казалась не совсем разумным поступком.

— Не знаю, — честно признал Дибров. — Нет, конечно, абсолютной безопасности не будет, но, овладев колониальным транспортом, мы

получим некоторую свободу выбора: в наших руках окажется его ресурс живучести и все образчики древних технологий Селенитов, об истинном значении которых не подозревает фон Браун. Мы сможем найти сторонников среди тех, кто реинкарнирован в тела андроидов, как это случилось с Френком. Наши шансы быть услышанными вырастут в сотни раз, используя бортовую аппаратуру «Европы», мы сможем вразумительно оповестить о своем существовании, без риска быть немедленно препарированными. Ты можешь выбрать любой из приведенных доводов, но прежде всего тебе следует понять — ты больше не человек, Антон. В твоей крови обращаются микромашины-симбионты. Ты — новая форма жизни, и, когда к тебе вернутся воспоминания Даккара, ты поймешь это с такой же мучительной ясностью, как понял я… — Дибров щелчком отправил окурок за борт. — У нас просто нет иного выбора. Мы должны опередить своими действиями любую информацию о том, что мы выжили, — заключил он.

В своем диалоге со Столетовым Дибров коснулся лишь малой части проблем. Он сознательно не упомянул о своих подозрениях относительно третьей силы, действий которой он по-прежнему опасался. Он не стал повторно говорить о том хаосе, который неизбежно настигнет Землю в случае огласки наидревнейшей истории.

Эти вопросы были его личным моральным бременем. Он не хотел возлагать их на кого-то еще, понимая, что в ближайшие несколько суток им придется действовать быстро, расчетливо и жестоко только ради самого выживания.

Единственным, кто мог вполне понять и разделить его взгляды на ближайшее будущее, был Онжилай, но Дибров откладывал разговор с ним до той поры, пока они покинут Марс.

План дальнейших действий зрел в его голове, но он еще не был готов принять его сам и предложить остальным.

Андрей, при всем своем здравомыслии, пугался того выхода, который вот уже на протяжении нескольких часов стучался в его сознание.

С этим нужно было свыкнуться, сжиться…

* * *

Точка дрейфа «Европы».

Сутки спустя…

В рубке штурмовика царил полумрак.

Антон и Мари сидели в противоперегрузочных креслах, и их сердца

гулко бились в такт томительным секундам ожидания.

— Ты все запомнила? — едва шевельнув губами, тихо спросил Антон.

Мари кивнула, не поворачивая головы.

Точка невозвращения была пройдена несколько минут назад, и геометрически правильная, похожая на исполинский октаэдр масса колониального транспорта «Европа» уже заполнила собой все экраны обзора, затмив панораму бездонного космоса.

— Борт-07, повторите последние данные для уточнения, — раздался голос.

Столетов коснулся сенсора.

— Борт-07, крейсер «Орион», силы космической безопасности корпорации «Дитрих фон Браун». Получил серьезные повреждения при выполнении марсианского задания. Следую в автономном режиме для ремонта, согласно пункту шестнадцать инструкции по чрезвычайным обстоятельствам.

— Почему не вышли на связь с базовым кораблем? — сухо осведомился коммуникатор.

— Мне неизвестны координаты точки его местонахождения для узкосфокусированной передачи данных! — намеренно раздражаясь, ответил Антон. Теперь он воочию мог убедиться в том, какой прием ожидал случайно выживших. — Или я должен был орать о себе на весь космос, пользуясь открытой радиочастотой? — язвительно осведомился он. — Повторяю: я был сбит, долгое время провел без сознания, а дальняя связь у меня вообще не работает — отказали приводы антенн ориентации. Хватит меня расспрашивать, я делал все для спасения штурмовика и своей жизни! После того как меня бросили на Марсе, единственная ремонтная база, орбита которой мне доподлинно известна, расположена здесь! У меня больше нет сил… — внезапно добавил он уже более уравновешенным голосом. — Идет постоянная утечка атмосферы…

— Мы видим, — спокойно констатировал голос в коммуникаторе. — Не нужно психовать, пилот. Шлейф газовой утечки не так уж велик. Вам придется потерпеть пару минут, пока мы устанавливаем связь с «Орионом». Это необходимо для соблюдения режима безопасности.

— Постарайтесь сделать это побыстрее!

— Хорошо, пилот.

Еще несколько минут томительного ожидания.

Нервно попискивали индикаторы приборов. Тусклый свет многочисленных экранов причудливо освещал рубку.

— Нам нужны данные видеозаписи, — ожив, сообщил коммуникатор.

— Принимайте. — Антон был готов к этому и заранее подготовил файловый пакет.

Опять небольшая пауза, а затем очередной вопрос:

— Почему нет данных по ремонту корабля и текущему состоянию систем?

— Потому что ни хрена не работает. Вы в курсе, что на Марсе произошел взрыв двух процессорных станций?

Последовала небольшая пауза, а затем по связи пришел очередной вопрос:

— Вы можете передать текущее изображение из рубки?

— Нет. Видеосистема накрылась. Работают лишь резерв систем выживания и ручное управление. Бортовой компьютер «засвечен» в момент удара проникающей радиации. Вы что, оставите меня подыхать тут из-за своей подозрительности?!

— Нет, — успокоил его голос. — С борта «Ориона» подтвердили вашу принадлежность к экипажу крейсера. Сейчас, за неимением лучшего, мы проверим модуляции голосового ряда, и вам будет разрешена парковка в ремонтный ангар.

— Хорошо, я жду.

— Борт-07, голосовая идентичность подтверждена. Столетов, вам следует очень осторожно следовать световым маркерам, которыми будет обозначен коридор сближения. Войдя в ангар, не покидайте кабины, пока не будет восстановлена герметичность и в парковочный док не войдет служба безопасности. Покидать корабль будете только по команде старшего офицера, без оружия, с высоко поднятыми руками и открытым забралом гермошлема. Вам все понятно?

— Да… — буркнул Антон, глядя, как в пространстве вспыхнули, очерчивая конусную зону сближения, десятки изумрудных лазерных маркеров.

Основные системы штурмовика работали, он намеренно солгал оператору связи, но сейчас, чтобы не выдать истинного состояния машины, Антон перешел на ручное управление и повел штурмовик на сближение с «Европой».

Световой конус упирался своей вершиной в открывшийся вакуум-створ, похожий на черный безгубый рот.

Мари молчала, бледная и напряженная.

Штурмовик медленно вплыл в широкий разрез шлюзового створа, и две массивные плиты начали смыкаться за ним. Через минуту впереди обозначилась растущая щель, за которой в резком свете дезинфицирующего

ультрафиолета открылась панорама ремонтного дока.

Антон, знакомый с планировкой палуб «Европы», посмотрел вверх и невнятно выругался.

По периметру ремонтного ангара шел прозрачный смотровой балкон, отделенный от самого отсека толстым стеклом.

Сейчас там расположились снайперы. Припав на одно колено подле раздвинутых сегментов узких бойниц, они полностью контролировали все пространство ангара, исключая какие-либо неожиданные действия со стороны внезапно объявившегося Столетова.

Антон был далек от мысли, что это какая-то акция устрашения, призванная подавить его психику. Нет. Они получили приказ убить его в том случае, если хоть один жест прибывшего покажется подозрительным их командиру.

Он покосился на Мари. Она едва заметно кивнула в ответ, и Столетов коснулся сенсора. Резервный пилот-ложемент с ноющим звуком утонул в полу, унося ее под прикрытие переборки, в техническое нутро штурмовика.

За стенами ангара в контрольной комнате, предназначенной для технического персонала, в этот момент шел обмен мнениями между двумя офицерами и одним гражданским лицом.

Майор Скрягин оперся обеими руками о пульт, внимательно прочитывая поступающие на монитор данные.

— Ничего не понимаю… — Он посторонился, позволяя взглянуть на экран Толмачеву. — Сканеры не могут проникнуть сквозь обшивку. Надо было сбить его на подлете, и дело с концом! — раздраженно добавил он.

— Погоди. — Анатолий смотрел то на тонкий металлизированный налет, пятнами покрывающий настрадавшуюся броню штурмовика, то на данные, которые демонстрировал монитор.

— Машина инфицирована, — наконец заключил он. — Сканерам мешает работать ртутная пленка.

На борту «Европы» заявления относительно чуждой формы металлизированной жизни уже не вызывали панических реакций. К ней привыкли, как привыкают рабочие на опасных химических производствах к постоянным манипуляциям с токсинами. Следовало соблюдать определенные меры предосторожности, и тогда все пройдет как надо.

— Думаю, можно выпускать пилота. Машина прибыла с Марса, вне всяких сомнений. — Он обернулся к Скрягину. — Хочешь, я сам осмотрю штурмовик, чтобы у тебя было спокойнее на душе?

— Хочу. И еще я хочу задать пару вопросов этому Столетову.

— Да оставь ты его. «Орион» уже разворачивается, часов через шесть

сюда прибудут его командиры, и все разрешится. Зачем мучить парня?

— Ты занимайся своим делом, — осадил его Скрягин. — За безопасность проекта отвечаю я.

— Ладно, не кипятись. Больно ты стал нервным, Николай.

— Станешь тут, когда за спиной каждый час по связи маячит фон Браун. Я уже во сне его вижу… — буркнул Скрягин. — Все, — он коснулся сенсора на коммуникаторе, — выпускайте пилота. Снайперам приготовиться. Группе захвата на исходные. Если все пройдет без осложнений, конвоируйте его в медицинский модуль палубы, я подойду, как только техники осмотрят штурмовик.

— Пилот, можно открыть люк. Выходить с поднятыми руками и открытым забралом гермошлема.

Антон вылез через аварийный люк, расположенный позади выступа ходовой рубки. Выпрямившись в полный рост, он поднял руки и огляделся. Вид нацеленных на него стволов заставил вкрадчивую дрожь проползти вдоль позвоночника. Вот сейчас кому-то из них покажется неверным или угрожающим его движение, и…

Вся затея атаки на колониальный транспорт показалась Столетову в этот миг просто одним из разнообразных способов самоубийства. «Европа» уже не являлась той мертвой глыбой законсервированной электроники, как это было несколько месяцев назад. Нет. Неудавшийся колониальный транспорт ожил, и его наполняла весьма недвусмысленная, отлично организованная и вооруженная до зубов воля.

Воля Майлера фон Брауна.

С шипением открылся люк, и на простор ремонтного ангара вышли несколько офицеров в сопровождении техников. Облаченные в серебристые защитные костюмы технари направились прямиком к штурмовику, офицеры под охраной эскорта остановились поодаль от посадочной плиты.

— Не психуй. — Один из техников приставил к борту штурмовика лестницу из легкого алюминиевого сплава. — Майор Скрягин, конечно, помурыжит тебя, но ты отвечай на его вопросы, и все утрясется. — Голос техника звучал глухо из-за одетого на голову мягкого защитного шлема с тонким полимерным забралом, предохраняющим от контакта с возможной инфекцией. — Давай спускайся, только осторожно.

Столетов подчинился.

Спустившись, он попытался взглянуть в лицо техника, но тот уже отвернулся, ухватившись за края освободившейся лестницы.

Через минуту триплекс ходовой рубки с ноющим звуком откинулся вверх, и из образовавшегося проема поднялась голова исследовавшего

кабину Толмачева.

— Тут на первый взгляд все чисто. Можешь забирать его. — Голова в серебристом шлеме кивнула в сторону Столетова. — Мне потребуется некоторое время, чтобы проанализировать состояние бортовых систем.

— Ладно. Я оставлю тебе пару человек. — Скрягин жестом выделил двоих из сопровождавшего его конвоя. — Следите за главным инженером, — распорядился он, отдавая остальным приказ о конвоировании.

Столетова повели к выходу из ангара.

Никакого дружеского участия. Холодные взгляды и твердые жесты. Эти ребята знали цену человеческой жизни, и выражение их лиц вытапливало из души Антона последнюю надежду на благополучный исход их безумной затеи.

Ангар опустел. Снайперы ушли с периметра балкона вслед за конвоем, сопровождавшим Столетова, а подле инфицированной машины остались лишь пятеро техников, но только Толмачев работал внутри, а четыре его помощника осматривали машину снаружи. Чуть поодаль, соблюдая разумную дистанцию, застыли двое охранников.

* * *

Жизнь Толмачева круто изменилась в связи с его внезапной командировкой на «Европу» — он был избавлен от ежедневного прессинга со стороны фон Брауна и всевозможных проблем, связанных с техническим обеспечением многочисленных проектов корпорации.

По сути, у него сейчас осталась только одна задача — исследовать ту форму внеземной жизни, которая охотно паразитировала на марсианской технике. Инфицированными образцами были заполнены два огромных зала, причем подразделения корпорации, занимавшиеся их отловом, явно отдавали предпочтение машинам андроидного типа, которых скопилось уже более сотни. Все они были надежно закреплены сейчас в специальных захватах и окружены защитными полями, которые делили пространство залов на бесчисленное количество цилиндрических ячеек. Толмачеву эти помещения «Европы» неприятно напоминали спецучреждение для умалишенных — трудно описать зрелище, когда более сотни человекоподобных машин корчатся в своих узилищах, изрыгая при этом мольбы и проклятия на десятке основных языков Земли…

Размышляя таким образом, он вскрыл фиксаторы и поднял легковесный защитный кожух, расположенный за пилот-ложементом. Там начинался узкий технический лаз, через который можно было проникнуть в

специальный отсек, где располагались основные модули бортовой кибернетической системы.

Отставив лист обшивки в сторону, Толмачев наклонился и… обомлел.

В узкой горловине лаза он увидел голову и плечи андроида.

В первый миг Анатолий потерял дар речи, а когда секундный шок прошел, то заорать он уже не смог — металлические пальцы, покрытые холодной пенорезиной, сомкнулись на его горле, безошибочно угадав расположение кадыка за складками посеребренной ткани.

— Тихо, Толя, — произнес дройд, на всякий случай сжимая пальцы так, что глаза Толмачева полезли из орбит. — Твое появление тут снимает множество проблем, но лишь в том случае, если ты поведешь себя разумно, — добавил он.

Из горла Анатолия наконец вырвался сипящий свист.

— Правильно. — Андроид оперся локтем свободной руки о край технического проема и с нечеловеческой силой поднял свое тело из лаза. — Мы с тобой будем говорить очень тихо. — Он толкнул Анатолия к стене рубки и полностью вылез. Вслед за ним из прямоугольного проема показалась рука с коротким штурмовым автоматом, и из технического лаза, скользя спиной по его краю, выполз Онжилай. Отодвинувшись, он остался лежать на полу. Крохотная искра индикатора зарядов на укороченном прикладе автомата свидетельствовала о том, что оружие активировано.

— В ангаре есть охрана? — тихо спросил андроид. Он не ослабил давления на горло Толмачева, и тот смог лишь судорожно кивнуть.

— Сколько и где?

Анатолий соображал на удивление быстро. Он никогда не отличался выдающейся храбростью или корпоративным патриотизмом, поэтому разжал два пальца и, хрипя, указал ими в нужном направлении.

Онжилай отложил автомат, аккуратно и тихо, так, чтобы он не звякнул о металлический пол рубки, и достал из-за отворота истрепанного костюма автоматический «стайгер» с навернутым глушителем.

В проеме технического люка появилась голова, а затем и плечи Диброва.

— Видеонаблюдение за ангаром? — шепотом напомнил он андроиду.

Тот вопросительно посмотрел на Толмачева.

— У… мониторов… в технической… комнате… никого… нет… — просипел Анатолий, когда робот чуть ослабил давление пальцев на его кадык.

— Ты труп, если солгал, — спокойно предупредил его Онжилай, резким движением поднимаясь с пола.

Два приглушенных хлопка и сдавленный стон слились в один звук.

Дибров с автоматом в руках уже соскользнул по серебрящейся обшивке штурмовика, вызвав столбняк у четверых техников.

— Всем поднять руки! — приказал он. — К стене ангара, живо!

В недрах штурмовика послышался ноющий звук — это поднимался резервный пилот-ложемент с пристегнутой к нему полузадохнувшейся Мари…

* * *

В технической комнате, о которой упомянул Толмачев, стало тесно, когда туда ввели четверых его помощников.

— Всем снять спецкостюмы, — приказал Онжилай. — Отказ от сотрудничества карается смертью, — предупредил он.

Дибров, покосившись на него, подумал в этот миг: играет Онжилай на их страхе, или он и впрямь спокойно перестреляет техников в случае попытки сопротивления?

Глаза Онжи — холодные, льдистые — подсказывали: «Да, я убью. У меня своя философия жизни, капитан Дибров. Те двое, что лежат сейчас на краю посадочной плиты, были такими же, как я».

Андрей перевел взгляд на Мари. Она в этот миг освобождалась от стеснявшего движения скафандра. Ее взгляд был усталым и равнодушным — видно, настал предел ее выносливости и теперь события начинали скользить мимо Мари, едва осознаваемые ею.

Отдельно от всех стоял Толмачев, которому никто не приказал раздеваться. Гоум лишь снял с его головы мягкий защитный шлем, чтобы видеть лицо собеседника. Он жестом попросил Андрея не вмешиваться и отвел главного инженера корпорации в относительно свободный угол помещения.

Некоторое время в помещении был слышен лишь шелест снимаемых защитных костюмов, потом из того угла, где уединились Анатолий с Френком, раздалось бессвязное восклицание, заставившее Диброва и Онжилая обернуться.

Неизвестно, какие доводы приводил своему бывшему подчиненному Лаймер, но Анатолий отшатнулся от него, уже нимало не заботясь о собственной жизни и предложенной Онжилаем схеме субординации.

— Нет… Этого не может быть… — шептали его побелевшие губы. — Френк… Я… Я не верю тебе…

— Посмотри на нее! — повысив голос, произнес андроид, жестом остановив Онжилая. — Посмотри и скажи, ты узнаешь ее?

Мари в этот момент закончила расстегивать крепления, и скафандр оползк ее ногам, словно сброшенная шкура.

— Здравствуйте, Анатолий Владимирович, — негромко произнесла она, поворачиваясь к Толмачеву. — Он не лжет, в механическом теле действительно живет разум моего отца, Френка Лаймера. Мне тоже было нелегко признать этот факт.

— Мари… — потрясенно произнес Анатолий, глядя на нее, как смотрят на выходца с того света. — Весь мир сошел с ума… — упавшим голосом добавил он, переводя полубезумный взгляд на Френка.

— А ты не догадался об этом, когда на борт «Европы» доставили первую партию инфицированных дройдов? — со злой иронией в голосе спросил Онжилай. — Блин, что за люди, Дибров? — Он обернулся к Андрею. — Их тычут носом в голые факты, а они еще всплескивают руками — нет, не может быть!

Презрительный комментарий наемника заставил Толмачева повернуть голову. За головокружительностью событий он не успел толком разглядеть всех лиц и теперь испытал еще одно потрясение.

— Морриган?

Онжилай криво усмехнулся.

— Ты знаешь его, Анатолий? — живо встрепенулся Френк.

— Встречались в кабинете фон Брауна.

— Можно подумать, что это мое настоящее имя, — буркнул Онжилай, отворачиваясь.

— Ладно, — подытожил Френк, возвращая себе утерянную на миг инициативу. — Анатолий, я в двух словах обрисовал тебе суть проблем. Веришь ты в изложенное мной или нет — твое дело, но ответ должен быть немедленным — ты с нами или нет?

Толмачев бессильно опустил руки.

— У меня есть выбор? — спустя несколько секунд спросил он.

— Есть, — обнадежил его Онжилай. — Либо ты умираешь сейчас, либо потом. Я бы на твоем месте выбрал последнее, потому что «потом» — понятие растяжимое.

— Что я должен буду делать?

— Доставить нас к Скрягину, это ведь он руководил операцией в ангаре?

— Да.

— Упертый болван, — дал внезапную характеристику Онжилай. — Я работал с ним однажды. Мир, оказывается, тесен, и у господа бога есть конкретное имя…

— Я не понимаю, как смогу вам помочь, — попытался уйти в глухую защиту Толмачев. — Вы убили двух охранников и…

— Их убили не мы. Их убила внезапно вырвавшаяся в среду ангара инфекция. Я знаю Скрягина — он спец только в выламывании костей у своих оппонентов, об остальном он имеет весьма поверхностное представление. Ну а тебе, Анатолий, даже не надо будет напрягаться, чтобы изобразить испуг, — мгновенно предложил свой план действий Онжилай. — Допустим, ты обнаружил на борту штурмовика нечто очень важное, но попутно был вынужден ретироваться из ангара, — развил он свою мысль, глядя на бледного как мел Толмачева. — Двум парням не повезло — на них не было защитных костюмов. Вполне съедобная для Скрягина версия. Нам нужно овладеть центрами управления «Европы» и освободить Столетова, чтобы Скрягин и его парни не имели на руках ни единого козыря в возможной торговле с нами. Действовать надо стремительно и без идиотских всплесков руками, иначе мы очень быстро превратимся в трупы. Насколько я знаю Скрягина, он не станет мучительно размышлять над этической окраской своих действий, и в этом его неоспоримое преимущество, — завершил свой монолог Онжилай.

— Разумно, — согласился с ним Дибров. — Нужно переодеться. Онжи, свяжи техников, а ты, — он обернулся к Толмачеву, — подумай, что может заинтересовать Скрягина настолько, чтобы он прервал допрос пилота ради встречи с тобой.

Анатолий с усилием кивнул, серея лицом. Если бы Дибров внимательнее присмотрелся к нему, то, возможно, понял бы, что Толмачев знает нечто исключительно важное для них, но не решается или же не хочет этого сказать.

Он не присмотрелся. Не было времени на тонкий психоанализ.

— Переодеваемся. — Он коснулся плеча Мари, которая сидела в кресле, бессильно откинувшись на его спинку. — Соберись, — попросил Андрей, и Мари со стоном поднялась.

Глава 13

Борт колониального транспорта «Европа»…

— Ты хочешь сказать, что угробил двух моих парней? — Лицо Скрягина на экране интеркома позеленело. — И чем ты оправдаешься?

— Я нашел доказательства того, что пилот лжет. Нас ждут крупные неприятности.

— Какие?

— Не могу объяснить. Это проще показать в его присутствии, тогда он будет вынужден говорить правду.

— Ну, допустим… Хотя я и так способен выбить из него всю правду. Что-то ты темнишь, Толмачев.

Лицо Анатолия внезапно пошло пунцовыми пятнами. Как и предсказывал Онжилай, главный инженер все это время балансировал на грани нервного срыва и ему не требовалось притворяться.

— Как хочешь, — с внезапной твердостью в голосе заявил он. — Будешь потом сам оправдываться перед фон Брауном, если угробишь пилота. Я предлагал тебе бескровный способ, ты отказался. Вопрос закрыт.

— Ладно тебе, не психуй, — насупился Скрягин. — Я в четвертом секторе первой палубы. Вали сюда, на месте разберемся. — Было видно, что шеф охраны ощущает себя на борту «Европы» полновластным хозяином положения.

— Со мной будут мои люди, — предупредил его Толмачев.

— Это еще зачем? — опять насторожился Скрягин.

— Ящик тяжелый. Вчетвером еле подняли.

— В нем что-то опасное?

— При осторожном обращении — нет, — уклонился от прямого ответа Анатолий. — Я уже обработал его, но на всякий случай пусть с ним оперируют мои люди, они понимают, что к чему.

— Да что там в нем, черт тебя раздери? — Скрягина уже всерьез заинтриговала мифическая находка.

— Технология… — неопределенно ответил Толмачев. — Такая технология, что фон Браун с ума сойдет. А парень пытался вывезти ее с Марса, думал, что мы прохлопаем.

— Так бы и говорил, — успокаиваясь, буркнул Скрягин. — Давай, волоки сюда свой контейнер, будем колоть этого умника.

* * *

Все гениальное просто, а самоуверенность тоже должна иметь разумные границы. В этом Онжилай смог лично убедиться на Марсе за четыре с половиной минуты до взрыва первой процессорной станции.

Теперь он в меру своих сил отматывал ситуацию назад, считая, что совершает вполне законную месть.

Они шли длинными, ярко освещенными коридорами мимо постов внутренней охраны, которая была предупреждена Скрягиным. Тяжелый ящик, который они волокли вслед за Толмачевым, на самом деле был пуст. Их лица, как и фигуру дройда, скрывали отливающие серебром защитные костюмы. Не было криков, стрельбы и шума — охрана сторонилась их, потому что слух о внезапной кончине двух коллег распространился в среде военизированного персонала «Европы» очень быстро, — по настоянию Диброва Анатолий не заблокировал канал интеркома, разговаривая с шефом службы безопасности.

Только сейчас, шагая этими коридорами, они начинали понимать, каковы истинные масштабы неудавшегося колониального транспорта. Семь потов согнало под серебристой тканью, прежде чем кончился их марш и перед возглавлявшим процессию Анатолием возникла последняя преграда — модульные ворота четвертого сектора первой палубы.

За ними открылся еще один коридор. У первой двери, расположенной по правую руку, стояла охрана. Узнав Толмачева, который, предупреждая вопрос, приподнял забрало мягкого шлема, они посторонились, провожая недоброжелательными взглядами объемистый контейнер, угрожающе покачивающийся в напряженных руках четверых «техников».

* * *

Отсек, куда они вошли, был небольшим. Ранее тут располагался резервный пост управления, аппаратуру которого сейчас накрывали чехлы. В кресле оператора, пристегнутый к нему ремнями, сидел Антон Столетов. На его лице красовались два свежих кровоподтека. Методы, которыми Скрягин добывал информацию, не вызывали никаких сомнений, но, судя по его недовольному виду, шеф службы безопасности мало продвинулся в своих изысканиях.

— Ну? — Он остановился, заложив руки за спину, и неодобрительно посмотрел на Толмачева, которого вдруг начало трясти, словно осиновый лист на ветру. — Что ты там хотел мне продемонстрировать?

Сбоку раздался характерный щелчок, и Скрягин вдруг ощутил, что его

виска коснулось что-то холодное, очень хорошо узнаваемое…

Он медленно скосил глаза.

Один из «техников» отпустил ручку контейнера и в доли секунды оказался вооружен — в правой руке он держал «стайгер», глушитель которого был приставлен к виску Скрягина, а в левой появился невесть откуда взявшийся штурмовой автомат, чей ствол недвусмысленно давал понять двоим парням в униформе, что им лучше не двигаться.

Один из них все же не внял этому немому предупреждению.

Он был отлично подготовленным бойцом. Одновременно со щелчком интегрального затвора подручный майора Скрягина начал уклоняться, закрываясь креслом и телом Столетова, но, просчитав реакцию и линию огня Онжилая, он не взял в расчет остальных.

Автомат, оказавшийся в руках Диброва, коротко рявкнул.

Дверь за спиной начала открываться, и Онжи неуловимым глазу движением послал в расширяющийся проем два выстрела.

Мари не успела даже отшатнуться — обе пули прошли в сантиметре от ее головы. Онжилай стрелял из «стайгера» и не промахнулся, но Скрягин воспользовался секундным отклонением ствола от своей головы, вырвал из плечевой кобуры автоматический пистолет и успел дважды нажать на спуск.

Он целил в Толмачева, но обе пули принял на себя Френк, который рванулся вперед, отталкивая оцепеневшего Анатолия с линии огня.

Все описанное заняло несколько секунд, но когда стих звонкий рикошет выпущенной Дибровым короткой очереди, Мари с ужасом увидела, что на полу отсека лежат четыре рухнувших навзничь тела: двое охранников, Скрягин, который царапал холодеющими пальцами забрызганный кровью пол, и Лаймер, с судорожным визгом дергавший приводом руки…

— Отец! — горестно вскрикнула она, отталкивая ненавистного Толмачева.

* * *

— Дурацкая привычка стрелять в голову… — дребезжащим голосом произнес Френк, левой рукой удерживая от конвульсий вышедший из-под контроля привод правой конечности. Его выбитый пулей глаз превратился в дырку, в глубине которой неприятно шевелились остатки микромоторной системы фокусировки.

— Чисто сработано, капитан Дибров, — произнес Онжилай, взглянув на скорчившееся тело охранника. Не дожидаясь ответа Андрея, он

склонился над ремнями, сковывающими Столетова.

Антон брезгливо отер попавшую на лицо кровь и поморщился, задев ладонью кровоподтек.

— Думал, все, каюк… — сознался он, неприязненно посмотрев на труп Скрягина. — Хорош бы я был, попробовав выбраться с Марса самостоятельно.

Мари, поддерживавшая Френка, обернулась.

— Андрей, что мы можем сделать?

Дибров кинул беглый взгляд на Толмачева, который немо застыл у стены, и присел на корточки.

— Френк, ты можешь двигаться?

Андроид на секунду затих, а потом ответил:

— Вполне. Функции опорно-двигательной системы не нарушены. — Подтверждая это, он встал, по-прежнему удерживая левой рукой правую.

— Что дальше, капитан Дибров? — Онжилая не смущал ни вид крови, ни распростертые на полу тела. Его жизненная философия приемлемо относилась к факту насильственных смертей.

Андрей, который испытывал в этот миг смешанное чувство брезгливой жалости и понимания некоторой предопределенности событий, заставил себя мыслить здраво.

— Мы должны попасть в рубку «Европы». Стопроцентный контроль над всеми без исключения системами колониального транспорта осуществляется только оттуда, верно? — Он посмотрел на Толмачева.

— Почему вы задаете мне этот вопрос? — дрожащим голосом выдавил тот.

— Потому что, отправляя тебя на борт «Европы», заинтересованные лица должны были снабдить главного инженера всеми необходимыми полномочиями доступа, — резко ответил Дибров. — Ну?

Анатолий кивнул. Он уже понял, что ему никак не выйти сухим из воды. Он знал, что работа на фон Брауна не доведет его до добра — не тот это был человек.

— Да… Я… Я буду помогать вам… Все равно выхода нет…

— Ну это ты зря. — Онжилай передал свой автомат Столетову. — Выход есть всегда.

— Как мы можем попасть в рубку управления «Европой»? — перебил Онжилая Дибров.

— Следует воспользоваться системой транспортных лифтов, — ответил Толмачев. — Один ствол находится в пятидесяти метрах дальше по коридору. Моя карточка доступа универсальна для всех бортовых систем,

кроме особых охранных комплексов, но они расположены только в прослойке внешней палубы корабля, где все контролировал Скрягин.

— А как быть с ними? — встрепенулась Мари, взглядом указав на тела.

— Их души на пути в земной рай, я правильно выразился? — Онжилай, приподняв бровь, вопросительно посмотрел на Френка.

— Вероятно, — согласился с ним Лаймер.

* * *

Колониальный транспорт был огромен.

Чувство масштабности зародилось у всех еще во время следования коридорами внешней палубы, но окончательно сформировалось оно тут — на пороге главной ходовой рубки «Европы».

Трудно описать тот трепет, который невольно испытывали Дибров и Столетов — два пилота-астронавта, — когда они перешагнули порог этого помещения.

Вселенная разлилась вокруг, глядя на них с десятков плотно пригнанных друг к другу экранов колючими точками немигающих звезд.

Сотни, тысячи автоматических систем работали в этом зале, наполняя его едва слышными вздохами своего существования. Огромный электронно-механический мир жил, дышал, он был сродни мирно дремлющему космическому организму.

Здесь обитал гений бесчисленного количества инженеров, который силой сложившихся обстоятельств был отдан на заклание коммерческой стороне этого одиозного проекта.

«Европа», сосредоточившая в своих конструкциях все самое разумное, что сумело произвести человечество на пути научно-технического прогресса, оказалась заморожена, не востребована. После того как скончалась идея низкотемпературного сна, немногие соглашались стать пожизненными узниками колониального транспорта, чтобы вести его в неизведанный мрак Вселенной, а те, кто и согласился, чаше всего оказывались энтузиастами, не имеющими средств, чтобы откупить у фон Брауна свой билет в бесконечность.

Гениальная конструкция была превращена сначала в складскую и ремонтную базу за поясом астероидов, а вот теперь — в научно-исследовательский полигон, на котором заправляла служба внутренней корпоративной безопасности.

И тем не менее колониальный транспорт не умер, не потерял своей изначальной сути, его бортовой компьютер поддерживал ежесекундно

миллионы рутинных функций, работали реакторы, жили системы, а последние события принесли в этот сонный покой долю живой новизны — на борт «Европы» были доставлены сотни тонн реактивного горючего для возможной переориентации орбиты.

Пять человек и робот-андроид казались ничтожными букашками, случайно прокравшимися в сердце электронно-механического комплекса.

На самом деле все было не так.

Дибров лишь на несколько секунд застыл на пороге, а потом уверенно пошел по пологому подъему мимо анфилады вспомогательных постов к главному терминалу управления, за сегментами которого располагались восемь пилот-ложементов.

— Антон, Френк и Анатолий, вы должны помогать мне, — распорядился он, понимая, что время работает против них. — Мари, Онжи, контролируйте вход в рубку, пока мы не перехватили управление системами.

— Что мы должны сделать в первую очередь? — спросил Столетов, занимая пилот-ложемент, расположенный по правую руку от Диброва.

— Изолировать все бортовые системы от какого-либо контроля извне. Нужно ввести бортовую компьютерную сеть в режим автономии, чтобы никто не смог дистанционно управлять механизмами «Европы». Это реально? — Он посмотрел на Толмачева.

— Да, — ответил Анатолий, вставляя в щель считывающего устройства свою карточку доступа.

* * *

Через тридцать минут под сводами главного поста управления глухо зазвучал голос бортового кибернетического мозга:

— Внимание. Все функции управления переданы на главный терминал ходовой рубки. Принята смена паролей и кодов доступа, имеющих высший приоритет. Все системы в стадии самотестирования. Прослойка внешней палубы отсечена аварийными переборками, лифтовые стволы временно обесточены.

— Отлично… — Дибров чувствовал, как капельки пота щекотливо сбегают по спине под взмокшей униформой. — «Европа» в наших руках… — Он посмотрел на остальных и вдруг заметил, что Толмачев, беззвучно шевеля губами, смотрит в одну точку экрана внешнего обзора.

— Что ты там разглядел, Анатолий?

Толмачев с трудом оторвал свой взгляд от внешних секторов, посмотрел на Диброва и вдруг расхохотался — нервно, истерично.

На экране, скользя по фону звезд, медленно перемещалась яркая точка.

— Это «Орион»… — вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники пилот-ложемента, истерично выдавил Анатолий. — Его капитан имеет приказ уничтожить «Европу» в случае чрезвычайных обстоятельств.

* * *

— Ты ведь знал об этом! Знал! — Онжилай в бешенстве смотрел на Диброва. Они стояли друг напротив друга в широком проходе между терминалами. — Как ты теперь собираешься диктовать свои условия, а? Чем мы будем защищаться? Предлагаешь крыть их матом по связи?

— Нет. — Дибров с трудом сохранял видимое хладнокровие. — Все не так просто, Онжи, как тебе кажется. Мы не погибнем, и «Европа» не будет взорвана.

— Я же говорю — ты знал все, ты готовился к этому! А ты спросил меня, хочу ли этого я?! — Онжилай в порыве ярости выхватил пистолет, но Дибров, которого внутри уже трясло от напряжения, совершил такое же движение одновременно с ним.

Они стояли, тяжело дыша, и смотрели в глаза друг другу, а ствол «стайгера» и холодный зрачок штурмового автомата вели свой поединок немигающих, мертвых взглядов.

— Мы уже однажды убили друг друга, Онжи, — собрав остатки хладнокровия, напомнил Дибров. — Давай не будем повторять это?

— А что ты предлагаешь? Превратиться в облачко молекул?

— Нет. Ты прав, я все это время помнил про «Орион», — сознался Андрей. — Я знаком с психологией таких людей, как Майлер фон Браун, и понимал, что единственным нашим шансом после марсианских событий будет именно «Европа». Мы должны улететь, Онжи, так будет лучше и для нас, и для всего остального человечества. Ставки на поверку оказались слишком высоки, чтобы следовать мотивам личной мести. Пойми это, Онжилай, и тогда ты не станешь отрицать, что фон Браун на этот раз перехитрил сам себя: он вычистил Марс и свез всю инфицированную микромашинами технику на борт колониального транспорта, который корпорация держала на приколе по личным мотивам ее управителей. Мы и заточенные на борту андроиды с Марса, обладающие так же, как и Френк, человеческим сознанием, — вот реальный экипаж, которому не нужен сверхглубокий сон. Мы сможем управлять «Европой» и проведем колониальный транспорт через бездну световых лет, чтобы понять — так

ли мертва Вселенная, как это казалось Селенитам? Мы сумеем открыть дорогу к звездам, а люди не получат сегодня технологию микромашин, которая для них пока что излишнее зло…

— Ты говоришь как по писаному, Дибров… — зло оборвал его Онжилай. — А что, если я не соглашусь с тобой?

— Тогда мы нажмем на курок, и начнется новый виток реинкарнаций… Только боюсь, что найдется еще один фон Браун, который снова станет править наши судьбы, если они, конечно, состоятся… Ну? Чего ты ждешь?

Он смотрел в глаза Онжилаю, а тот не мог отвести взгляд от похолодевших зрачков Диброва.

Он и Кайл.

Беат и Мари…

Френк и Гоум…

Столетов и Даккар…

— Будь ты проклят, сервеныш! — Онжилай опустил пистолет и в бессильном отчаянии врезал его рукояткой по подлокотнику пилот-ложемента. — Ты победил. Я остаюсь…

Эпилог

Немногим дано понять, кто мы на самом деле и для чего приходим в этот мир.

Бортовая сеть колониального транспорта «Европа» транслировала в эти минуты одно и то же повторяющееся сообщение:

— Внимание. Всем сотрудникам службы безопасности корпорации «Дитрих фон Браун» надлежит срочно проследовать в ангар номер пять. До старта отделяемого спасательного модуля остается девять с половиной минут. Экипаж колониального транспорта не несет ответственности за жизнь тех, кто, вопреки указаниям, останется на борту… Повторяю…

Отделяемый модуль стартовал точно в указанный миг, когда зловещий контур боевого крейсера корпорации уже был различим в объективах оптических умножителей, а спустя несколько минут корма «Европы» осветилась: сопла двигательных установок предварительной тяги, расположенные по периметру темной чаши фотонного отражателя, выбросили слепящие струи реактивного выхлопа.

На дисплее главного поста управления стремительно перемещались колонки данных, за движением которых не смог бы в данный момент осмысленно уследить ни один разум. Ожившие после многих лет консервационного забвения автоматические системы колониального транспорта включились в работу, исполняя свои прямые функции.

Первый толчок ускорения пробежал по переборкам, отсекам и палубам исполинского космического корабля мягкой, вкрадчивой дрожью.

Дибров повернулся вместе со сложной противоперегрузочной системой пилот-ложемента. Лицо Антона Столетова, занимавшего пост по правую руку от командира, было бледным, сосредоточенным. Он не пытался вмешаться в работу автоматики, но следил за ходом процесса со всевозрастающим напряжением.

Остальные — Мари, Френк, Онжилай и Толмачев — временно оставались не у дел — ни у кого из них не было опыта навигации и знания астронавигационных систем, чтобы взять на себя хотя бы минимальный контроль над процессами, протекающими внутри циклопического электронно-механического мира, который, медленно ускоряясь, уходил из точки своей парковки за поясом астероидов.

Впереди их ждал Юпитер, за его орбитой начнется стадия запуска фотонной установки «Европы», а после…

После, за границами орбиты Плутона, разливался бездонный мрак Вселенной.

Яркая точка «Ориона», которая росла на протяжении пяти последних часов, грозя вскоре превратиться в осязаемый контур боевого корабля корпорации «Дитрих фон Браун», начала уменьшаться в размерах, одновременно теряя свой горячечный блеск.

С силовой установкой «Европы» не мог поспорить ни один современный корабль, и догнать колониальный транспорт мог разве что световой луч или электромагнитный импульс…

Канал внешней связи заработал неожиданно, вплетая в звуки главного поста управления свой требовательный тоновый сигнал.

Дибров посмотрел на панель видкома. Он предполагал, что капитан «Ориона» попытается вызвать их, и справедливо опасался попытки вторжения в бортовую сеть «Европы», но характеристики поступающего сигнала, блокированного в данный момент системами сетевой безопасности, соответствовали обычному звонку по мобильной связи.

Последнее прости? Проклятие, посланное вслед? Бессильная угроза? Или все-таки последняя попытка изменить ход событий?

Он не удержался — заблокировал свой терминал, временно отчуждая его от общей бортовой сети, и принял вызов.

Он ожидал услышать голос или увидеть изображение, но ошибся.

Часто замигал привод дешифрующего устройства, и на мониторе перед пилот-ложементом капитана «Европы» появилась короткая надпись.

Андрея прошибла короткая дрожь. Звонок был транслирован с одного из лунных серверов связи.

Машина.

«Жизнь должна быть сохранена и приумножена во что бы то ни стало» — вот что сообщал ему последний, отправленный вслед колониальному транспорту звонок.

Примечания

Вода и кислород — основу лунных минералов составляют вулканические породы, содержащие от одного до десяти процентов кристаллизационной воды. При нагреве до 300 °C вода начинает выпариваться. Присутствующий на современной Луне минерал карбонат кальция по этой же схеме при 400 °C разлагается на кислород, углерод и окись углерода. Впервые такая установка была предложена американским физиком Ф. Звицки.

Использованная литература

Шкловский И. С. Звезды.
Зигель Ф. Ю. Лунные горизонты.
Спитцер Л. Пространство между звездами.
Николаев А. Что ищут «археологи» космоса?

notes

Примечания

1

Коммон ло (устар. англ.) — По праву данной власти.

2

ЕСА — Европейский Союз Астронавтики.

3

Гибернация — искусственно созданное состояние замедленной жизнедеятельности организма, напоминающее зимнюю спячку животных. В современности применяется при хирургических вмешательствах.

4

Селен — ударение на первом слоге.

5

Скварг — четвероногое животное, которое в приближенной аналогии может быть сравнимо с крупной породой домашних котов.

6

РНАА — Российское Национальное Агентство Астронавтики.

7

Циста — форма существования одноклеточного организма, позволяющая ему переносить неблагоприятные условия.